М. Р. ГАЛЬТЪ.

ИСТОРІЯ ОДНОГО МАЛЕНЬКАГО ЧЕЛОВѢКА

Изданіе В. И. Губинскаго.

ИСТОРІЯ ОДНОГО МАЛЕНЬКАГО ЧЕЛОВѢКА

Соч. Мари-Роберт Гальт.

Переводъ съ французскаго
А. Н. Нѣловой.

Съ 90 рисунками художниковъ:
Шовена, Дюфо, Фера, Мейера, Монтино и др.

Гравировали на деревѣ:
В. Адтъ, Р. Шюблеръ, А. Шлиперъ, А. Смирновъ и др.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ В. И. ГУБИНСКАГО.

I.

Дома.

Весело потрескивали разгорѣвшіеся дрова въ печуркѣ, стоявшей на бѣломъ плитнякѣ. Въ чугункѣ варился картофель съ свинымъ саломъ, и въ комнатѣ вкусно пахло тминомъ и лавровымъ листомъ. Крохотные угольки, выпадавшіе изъ печурки, освѣщали на мгновеніе комнату и отражались въ оловянной посудѣ и расписныхъ фаянсовыхъ горшкахъ, стоявшихъ рядкомъ на полкахъ. Въ полумракѣ можно было разглядѣть большую кровать съ пологомъ; напротивъ у другой стѣны—старый сундукъ и въ углу столъ.

Передъ печкою сидѣлъ старикъ съ дѣтьми; всѣ четверо сладко дремали подъ трескъ огня и тиканье большихъ стѣнныхъ часовъ. Но вотъ часы громко пробили шесть и всѣ встрепенулись.

Давно уже стемнѣло, и на дворѣ снѣгъ валилъ густыми хлопьями.

Слышно было, какъ въ комнатѣ рядомъ ходили и стучали посудою. Потомъ дверь широко распахнулась, и на порогѣ появилась старушка съ лампою въ рукахъ. Яркій свѣтъ такъ неожиданно озарилъ сидящихъ въ полумракѣ, что они невольно зажмурились.

Это вошла тетя Агита, женщина лѣтъ пятидесяти пяти, средняго роста съ добродушнымъ, почти

безъ морщинъ лицомъ. Одѣта она была очень просто, какъ одѣваются крестьянки: въ темно лиловомъ платкѣ съ бѣлыми цвѣточками, въ фланелевой клѣтчатой юбкѣ и деревянныхъ башмакахъ. Подойдя къ печкѣ, тетя Агита помѣшала ложкою варившійся картофель, потомъ взяла свою рабочую корзиночку и присѣла къ столу.

— Тереза, подержи-ка мнѣ мотокъ, — сказала она племянницѣ.

Маленькая Тереза, темноволосая, съ бойкими черными глазками и ямочками на кругленькихъ розовыхъ щечкахъ, сморщила недовольно губки, однако встала и взяла мотокъ. Поднялись за нею и оба мальчика и, полусонные, присѣли къ столу, на которомъ горѣла лампа. Прижавшись другъ къ другу, точно два зябкихъ котеночка, глядѣли мальчуганы, щуря сонные глазки, какъ мотокъ смотывался въ клубокъ. Младшій—Жакъ былъ хорошенькій голубоглазый мальчикъ; свѣтлые волосики, словно сіяніемъ, обрамляли его личико и походили на тотъ нѣжный шелковистый пушекъ—сѣмена нѣкоторыхъ полевыхъ растеній, который разлетается при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра. Старшій Этьенъ, на видъ крѣпышъ, ростомъ былъ такъ малъ, что несмотря на свои тринадцать лѣтъ казался ровесникомъ сестры, но лицо у него было не по возрасту серьезное и энергичное.

— Маленькій человѣкъ, — обратился дѣдушка, позѣвывая, къ Этьену—мальчугана прозвали такъ за маленькій ростъ;—передай-ка мнѣ банку съ табакомъ.

Старикъ насыпалъ табаку въ табакерку и съ наслажденіемъ понюхалъ. Тетя Агита чихнула.

— Охота тебѣ, братъ, пачкать носъ такою гадостью!—сказала она, доматывая мотокъ.

— А зачѣмъ ты, сестра, покупаешь мнѣ каждую недѣлю эту гадость.

— И правда, не слѣдовало бы.

— Нѣтъ, Агита, ты это напрасно говоришь. Не со вчерашняго дня у меня эта привычка, я чуть не пятьдесять лѣтъ нюхаю табакъ... Да, да ровно пятьдесятъ лѣтъ, — повторилъ онъ, захлопывая табакерку;—какъ разъ полгода послѣ того, какъ я сталъ служить на желѣзной дорогѣ. Тамъ нужно зоркое зрѣніе, а у меня болѣли глаза. Табакъ хорошій докторъ, правда, дороговатый...

Старикъ задумался. Не богъ вѣсть, какъ велики были его достатки: девятьсотъ франковъ пенсіи, да небольшой клочекъ земли, полученной по наслѣдству. И на эти средства приходилось жить самому съ сестрой и воспитывать дѣтей покойнаго сына.

Онъ досталъ изъ кармана очки, надѣлъ ихъ и сталъ читать газету. А дѣтишки тѣмъ временемъ о чемъ-то перешептывались.

— Тетя Агита, — заговорилъ вдругъ маленькій Жакъ, — дай намъ поглядѣть папинъ альбомъ.

— Что?

— Альбомъ, тетя...

Тетя Агита отложила въ сторону чулокъ, который штопала, подняла голову и бѣглымъ взглядомъ окинула бѣлый дубовый столъ, блестѣвшій, какъ полированный отъ частаго мытья, затѣмъ внимательно посмотрѣла на руки дѣтей и, видимо оставшись довольной осмотромъ, зажгла свѣчу и вышла изъ комнаты.

Немного погодя, она вернулась, бережно держа въ рукахъ альбомъ въ сѣромъ холщевомъ переплетѣ. Альбомъ этотъ былъ чуть не святынею въ домѣ. Тетя Агита давала его дѣтямъ только по субботамъ, послѣ «генеральной чистки», когда она могла быть увѣрена, что ни одна пылинка не коснется его. Ради пущей предосторожности она все же развернула на столѣ старую газету и съ благоговѣніемъ положила на нее альбомъ.

— Жакъ, дружокъ, помни, руки за спину! Этьенъ будетъ перевертывать листы.

Жакъ привычнымъ жестомъ поспѣшно заложилъ за спину руки.

Тереза засмѣялась: «Ишь, какой прыткій! Ему только показывай картинки, онъ согласенъ всю жизнь держать руки за спиною».

— Нѣтъ, не согласенъ,—возразилъ мальчуганъ. Я самъ стану рисовать картины, когда буду большой.

Этьенъ торжественно открылъ альбомъ, и всѣ трое, наклонивъ головки, принялись разсматривать рисунки своего отца Николая Жильбера, умершаго пять лѣтъ тому назадъ.

Богато одаренный отъ природы Жильберъ изъ рисовальной школы, куда помѣстилъ его отецъ, желавшій сдѣлать изъ сына ремесленника—рисовальщика, перешелъ въ Академію художествъ. Онъ блестяще кончилъ ее и скоро своими картинами, выставленными въ «Салонѣ», обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Не легко ему жилось безъ средствъ, съ большой семьею на рукахъ. Непосильная работа, всевозможныя заботы и лишенія пошатнули его здоровье, онъ заболѣлъ тифомъ и умеръ на тридцать пятомъ году жизни, а вскорѣ за нимъ умерла и жена. Такимъ образомъ на рукахъ у стариковъ остались трое сиротъ, изъ которыхъ младшему шелъ десятый мѣсяцъ.

Не мало было въ альбомѣ разныхъ рисунковъ, но больше всего дѣти любили одинъ, изображавшій молодую женщину съ ребенкомъ на рукахъ. Женщина была ихъ мать, а малютка — братъ Жакъ. Старшія дѣти хорошо помнили маму; Этьенъ остался послѣ нея восьми лѣтъ, Тереза—шести. Жакъ тотчасъ розыскалъ любимый рисунокъ, долго, долго на него глядѣлъ, потомъ сталъ разспрашивать про маму. Ему доставляло огромное удовольствіе слу-

шать разсказы о томъ, какая она была славная, добрая, красивая.

— Папа рисовалъ этотъ портретъ въ Парижѣ въ своей мастерской, - чуть не въ сотый разъ разсказывалъ Этьенъ.--Чтобы ты сидѣлъ смирно, мнѣ велѣли дергать передъ тобою за ниточку игрушечнаго паяца.

— Ты болталъ ножками, мама смѣялась, словно сейчасъ это вижу,—прибавила Тереза.

Маленькій Жакъ съ почтеніемъ взглянулъ на брата и сестру, они, вѣдь, знали маму, видѣли, какъ она смѣялась, слышали, какъ она говорила.

— Тереза, пора накрывать на столъ, ужинъ готовъ!—сказала тетя, взяла альбомъ и унесла его на верхъ.

Дѣвочка постлала на столъ клѣтчатую бѣлую съ голубымъ скатерть, принесла пестро раскрашенныя тарелки и оловянныя, блестѣвшія, какъ серебро, ложки. Тѣмъ временемъ Этьенъ сбѣгалъ на погребъ за виномъ.

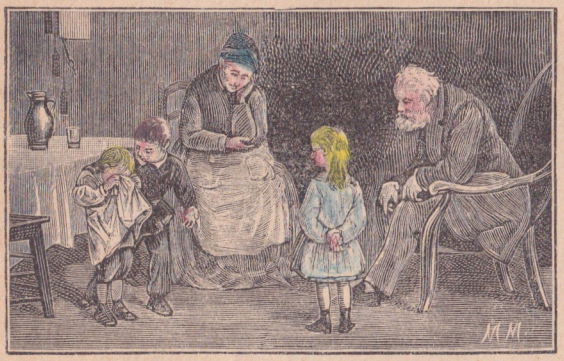
Всѣ усѣлись за столъ и съ аппетитомъ принялись за ужинъ, то и дѣло похваливая тетушкину стряпню, а тетя слушала и радовалась. И впрямь, она была артистка своего дѣла и, по свойственной всѣмъ артистамъ слабости, любила, чтобы цѣнили ея искуство. Въ ея глазахъ ничего не стоили люди, которые не умѣли отличить, что хорошо было зажарено и что пригорѣло. Къ счастью, дѣдушка зналъ толкъ въ ѣдѣ, да и Этьенъ уже кое-что понималъ.

— Дай намъ Богъ всегда столько—большого и не надо!—сказалъ старикъ, доканчивая ужинъ, и тихая улыбка озарила его лицо.

Маленькій Жакъ, доѣдая послѣдній кусокъ, закинулъ назадъ головку, обхватилъ ручонками локотникъ стула и сладко уснулъ. Тетя Агита отнесла его въ кроватку, Тереза же тѣмъ временемъ убрала

со стола. Послѣ девяти часовъ весь домъ погрузился въ глубокій сонъ.

Такъ мирно и безмятежно текла жизнь семейства Жильберъ въ деревушкѣ Ламарлетъ.



II.

Разореніе.

Не думаетъ, не гадаетъ человѣкъ, и вдругъ, подобно молніи, что не щадитъ ни былинки, ни дуба, на него обрушиваются удары судьбы и ломаютъ, и крушатъ его.

Дѣдушка въ послѣднее время казался очень озабоченнымъ; онъ по цѣлымъ днямъ молчалъ, и его бѣлая, какъ снѣгъ, голова стала какъ будто даже трястись немного. Разъ утромъ, когда дѣти ушли въ школу, онъ позвалъ сестру.

— Знаешь, что я тебѣ скажу, бѣдная моя Агита, произнесъ онъ упавшимъ голосомъ:—мы разорены!

У тетѣ Агиты подкосились ноги; вся поблѣднѣвъ, она тяжело опустилась на стулъ.

Агита была моложе брата на двѣнадцать лѣтъ, слѣпо ему довѣряла во всемъ и относилась къ нему съ тѣмъ почтеніемъ, съ какимъ въ крестьянскомъ быту относятся къ хозяину, главѣ дома. Вотъ почему годъ тому назадъ она съ перваго же слова согласилась на предложеніе брата заложить доставшуюся имъ по наслѣдству земельку съ тѣмъ, чтобы купить нѣсколько акцій открывшагося по сосѣдству сахарнаго завода. Отъ этой операціи Жильберъ

ожидалъ большихъ выгодъ, но и года не прошло, какъ заводъ объявилъ себя несостоятельнымъ.

Разорены! разорены! да какъ же это такъ?

Тутъ старикъ разсказалъ все, что до сихъ поръ такъ тщательно скрывалъ. Нѣсколько минутъ они молчали, подавленные своимъ горемъ, потомъ тетя Агита промолвила:

— У насъ остается еще твоя пенсія въ девятьсотъ франковъ и домъ. А тамъ и Этьенъ что-нибудь заработаетъ, мальчикъ онъ уже не маленькій, пора и за дѣло приниматься. Дастъ Богъ какъ-нибудь проживемъ.

Правда, на жизнь достало-бы, да только бѣда въ томъ, что вся пенсія цѣликомъ должна пойти въ уплату долга въ тысячу пятьсотъ франковъ, въ которыхъ Жильберъ поручился за директора сахарнаго завода, уступая его усиленнымъ просьбамъ, и теперь остается или отказаться на время отъ пенсіи или продать домъ

Продать домъ! при одной мысли сердце тети Агиты облилось кровью. Въ этомъ домѣ она родилась, въ немъ три поколѣнія Жильберъ прожили свой вѣкъ. „Надо во чтобы то ни стало спасти домъ! — сказала она рѣшительнымъ тономъ.—Тереза броситъ школу и присмотритъ за домомъ и хозяйствомъ, а я буду ходить на поденщину“.

Въ обычный часъ дѣти вернулись изъ школы. За обѣдомъ никто не проронилъ ни слова. Дѣдушка съ тетей сидѣли блѣдные, печальные и почти не прикасались къ ѣдѣ.

— А Этьенъ подрался сегодня!—вдругъ прервалъ молчаніе Жакъ.—Мартино изъ старшаго класса хотѣлъ побить меня за то, что я обыгралъ его въ бабки. Онъ бросился на меня съ кулаками и сталъ кричать: „Нищій! нищій! Скоро пойдешь съ сумой!“... Ну, и досталось же ему отъ Этьена.

Онъ взглянулъ на брата; тотъ потупился и мол-

чалъ, а Тереза спросила вполголоса тетю: „Почему Мартино назвалъ Жака нищимъ?“

Тетя посмотрѣла на дѣдушку. Помолчалъ дѣдушка минутку и промолвилъ:

— Мартино злой мальчикъ, дѣти мои, но онъ сказалъ правду.—И старикъ разсказалъ дѣтямъ о банкротствѣ сахарнаго завода и о своемъ разореніи.

Вся блѣдная, слушала его Тереза. Жакъ горько заплакалъ. Ему ясно представилось, что онъ, босой, съ сумой за спиной ходитъ отъ двора къ двору и проситъ подаяніе, какъ тѣ грязные, въ рваномъ рубищѣ нищенки, которыхъ ему случалось видѣть.

— Я не хочу просить милостыни, — захныкалъ онъ, прижимаясь къ старшему брату.

Погладилъ его по головкѣ Этьенъ и спокойно сказалъ:

— Не бойся, дружокъ, пока у меня есть руки, никому изъ насъ не нужно будетъ просить милостыни.

Грустно улыбнулся дѣдушка. „Ишь, думаетъ, мальчугана отъ земли не видать, а самъ какія рѣчи ведетъ.“ Потомъ, взглянувъ на часы, промолвилъ: „Вставайте, дѣтки, пора въ школу!“

Дѣти ушли; однако, черезъ нѣсколько минутъ Этьенъ снова вернулся. „Дѣдушка,—обратился онъ къ старику, который, задумавшись, не замѣтилъ, какъ мальчикъ вошелъ въ комнату,—позвольте мнѣ пойти завтра въ Сенъ-Кентенъ поискать мѣста.

— Мѣста? Что ты умѣешь дѣлать?—спросилъ старикъ, пожимая плечами.

— Чему-нибудь да научусь!—сказалъ онъ, немного помолчавъ.

— Я знаю, ты мальчикъ толковый,—отозвался дѣдушка;—но тебѣ незачѣмъ ходить на сторону, можешь работать и дома. Твой отецъ тоже отправился въ городъ искать счастья, а ничего изъ его затѣи не вышло, надорвался и прежде времени умеръ. А я если и добился кое-чего, то только потому, что

всю жизнь прожилъ дома въ родномъ селѣ. Скромненько здѣсь приходиться жить, а жить все-таки можно... И слушать не хочу, что-бы ты уходилъ изъ дому. На Пасху распрощаешься со школою и будешь учиться ткацкому ремеслу.

— Но вы еще надняхъ говорили, дѣдушка, что ткацкое ремесло у насъ совсѣмъ упало, и рабочіе еле зарабатываютъ на хлѣбъ.

— Ты хорошо понимаешь, Этьенъ, что будь у меня малѣйшая возможность, я ни за что не взялъ бы тебя изъ школы, но теперь намъ надо первымъ дѣломъ позаботиться о томъ, чтобы какъ-нибудь прокормиться.

Тетя Агита стояла въ дверяхъ и съ замирающимъ сердцемъ прислушивалась къ разговору. Ей и въ голову не приходило, что ея птенчики могутъ когда-нибудь покинуть родное гнѣздышко, и теперь при мысли, что старикъ уступитъ просьбѣ мальчика — она вся краснѣла и блѣднѣла отъ волненія.

— Дѣло рѣшеное,—сказала она Этьену,—ты будешь ткачемъ, а я стану ходить на поденщину.

— Вы! въ ваши годы ходить на поденщину! — вскричалъ внѣ себя мальчикъ и вышелъ изъ комнаты.

— Экая бѣдовая голова!—пробормотала тетя Агита.—Весь въ отца!

. . . . . .

Пришли черные дни. Не такъ весело, какъ прежде, трещалъ огонекъ въ печкѣ, не бурлилъ теперь въ чугункѣ картофель съ саломъ. Сначала тетѣ Агитѣ и Терезѣ, а потомъ и всей семьѣ вдругъ почему-то надоѣли вино, пиво, мясо, словомъ, все, за исключеніемъ картофеля, хлѣба и воды. Тетя Агита подметала, чистила, мыла, скребла еще съ большимъ усердіемъ, чѣмъ прежде,—только эту роскошь и могла она себѣ позволить.

Прошла зима; наступила весна.

Убирала разъ тетя Агита бѣлье, развѣшанное на цвѣтущихъ кустарникахъ смородины и говоритъ Терезѣ: «Досада беретъ, когда подумаешь, сколько лѣтъ росли по краямъ сада ненужные кусты боярышника, пока я не догадалась, наконецъ, посѣять на ихъ мѣстѣ укропъ, петрушку, лукъ и салатъ. И развѣ плохо мы сдѣлали, что срубили вонъ тѣ большія противныя деревья, которыя только глушили садъ и посадили капусту? Ишь, сколько ее, хоть каждый день щи вари!»

— Такъ-то оно такъ, кивнула хорошенькою головкою Тереза,—а все-таки жаль, что соловьи и зяблики не вьютъ гнѣздъ въ капустѣ.

Тетя Агита вздохнула. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь росла капуста, три мѣсяца тому назадъ стояла рощица. Тетя любила, бывало, сидѣть тамъ съ работою въ рукахъ и слушать пѣніе птичекъ.

Какъ ни старалась тетя Агита и вида не подать, что ей тяжело, но она съ каждымъ днемъ становилась печальнѣе и блѣднѣе. Худѣла и блѣднѣла день ото дня и маленькая Тереза. Этьенъ хорошо все это видѣлъ. Послѣ разговора съ дѣдушкой онъ не заикался больше о своихъ планахъ и, казалось, примирился съ своею участью.

Близилась Пасха, а вмѣстѣ съ нею и день, когда онъ въ послѣдній разъ пойдетъ въ школу. Тяжело дѣлалось у бѣднаго мальчика на сердцѣ при этой мысли. Съ его любовью къ ученію, съ его жаждою знанія похоронить себя въ мрачномъ подвалѣ, просиживать по цѣлымъ днямъ за источеннымъ червями ткацкомъ станкомъ, не выпуская изъ рукъ челнока, и подъ его однообразный стукъ влачить всю жизнь жалкое существованіе, въ которомъ прозябаютъ въ Ламарлетѣ блѣдные истомленные ткачи.

Школьный учитель, добрый, хорошій человѣкъ, очень жалѣлъ, что бѣдный мальчикъ вынужденъ бросить школу и, чтобы его утѣшить, давалъ ему на

домъ разныя книги. Одна изъ нихъ: „Дѣтскіе годы знаменитыхъ людей“ произвела на Этьенна особенно сильное впечатлѣніе.

Съ той поры его единственными друзьями стали маленькіе герои этой книжки. Онъ мысленно былъ на турнирахъ съ Дюгескленомъ, въ битвахъ съ Тюренномъ, собиралъ съ Линнеемъ цвѣты и травы, сопутствовалъ маленькому Аміо на его пути въ Парижъ, на пути къ его славѣ. Да, Аміо тоже родился въ бѣдности, но благодаря силѣ воли всего добился. Ощущалъ въ себѣ силу и смѣлость и нашъ маленькій человѣкъ. Онъ уже воображалъ себя то выдающимся ученымъ, то знаменитымъ полководцемъ, то великимъ поэтомъ. Онъ одерживалъ побѣды на морѣ и на сушѣ; побѣждалъ на турнирахъ закованныхъ въ латы рыцарей; совершалъ новыя открытія, писалъ книги и, наконецъ, достигнувъ славы и богатства, выкупалъ отцовскую землю, крылъ домъ новою крышей, насыпалъ дѣдушкину табакерку душистымъ табакомъ, покупалъ тетѣ Агитѣ и Терезѣ красивыя обновки, отдавалъ Жака въ училище, а потомъ— въ академію художествъ, и всѣхъ кругомъ дѣлалъ счастливыми и довольными.

— Ты что же это тамъ, вмѣсто того, чтобы дѣло-дѣлать только руками размахиваешь! — кричала тетя Агита, прерывая его мечты.—Иль забылъ, что капусту надо полоть, да нарвать травы для кроликовъ. Принимайся-ка скорѣе за работу!

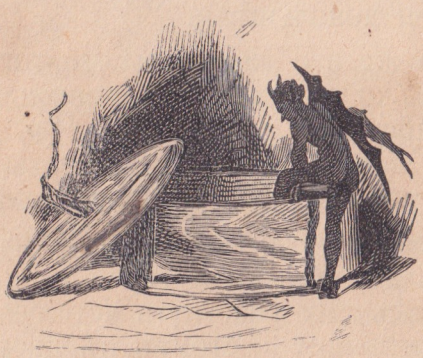
Пололъ, разъ, вечеромъ Этьеннъ капусту. Полетъ, а изъ головы все маленькіе герои не выходятъ. Но вотъ захотѣлось ему разогнуть усталую спину, поднялъ голову и видитъ: стоитъ въ дверяхъ домика дѣдушка, разъ-другой достаетъ изъ кармана табакерку и хочетъ понюшкой затянуться. Пошарилъ, пошарилъ, а въ табакеркѣ ни порошинки. Быстро суетъ онъ табакерку въ карманъ и только плечами

пожимаетъ, словно сказать хочетъ: „Экая голова безпамятная“.

За ужиномъ ему показалось, что тетя Агита и Тереза еще сильнѣе осунулись и поблѣднѣли, а дѣдушка, какъ будто еще больше прежняго удрученъ. Долго не спалось въ эту ночь мальчику. „Зачахнутъ они, умрутъ, ссли я буду ихъ слушаться,“—разсуждалъ онъ самъ съ собою. — Родители Жака Аміо тоже не хотѣли его отпускать, а онъ не послушался и ушелъ, а потомъ они и сами этому были рады. Уйду-ка и я, обучусь хорошему ремеслу, да и буду присылать старикамъ деньги. Заживутъ они тогда по-другому.

Онъ говорилъ громко, рѣшительно, какъ бы желая заглушить внутренній голосъ, нашептывавшій ему, что его долгъ повиноваться старшимъ, которые такъ горячо его любятъ. „Нѣтъ, нѣтъ, не оставлю ихъ въ нуждѣ,—это было бы слишкомъ безсердечно... Они простятъ меня потомъ.“

И онъ рѣшилъ непремѣнно уйти изъ дома.



III.

Въ путь-дорогу.

На слѣдующій день, въ четвергъ, въ школѣ не было уроковъ. Рѣшили, что Этьенъ съ Терезой займутся посадкою картофеля на небольшомъ клочкѣ земли, нарочно для этого заарендованномъ. Позавтракавъ по обыкновенію очень рано, дѣти разрѣзали картофель на кусочки, сложили ихъ въ мѣшки, мѣшки навалили на тачку вмѣстѣ съ лопатою и киркой и отправились въ поле.

День былъ чудесный, прохладный. Надъ свѣжевспаханными полями, пригрѣтыми первыми лучами солнца, подымался бѣлый туманъ. Этьенъ рылъ лопатою ямки, Тереза клала въ нихъ кусочки картофеля, потомъ мальчикъ засыпалъ ихъ землею.

Этьенъ молчалъ; лицо его было сосредоточенно и печально. Тереза, нѣкоторое время наблюдавшая за братомъ, наконецъ, встревожилась и спросила: „О чемъ ты задумался?“

Онъ рѣзкимъ движеніемъ воткнулъ въ землю лопату и, облокотившись на нее, отвѣтилъ:

— Вотъ что, Тереза, я хочу уйти на сторону... Выучусь хорошему ремеслу, а тамъ, дастъ Богъ,

сдѣлаюсь хозяиномъ, можетъ быть, еще и разбогатѣю... Уйду, у васъ будетъ однимъ ртомъ меньше, и не нужно будетъ себѣ во всемъ отказывать. Право, кончится тѣмъ, что у насъ совсѣмъ разучатся ѣсть и пить.

— Ты хочешь уйти? Бросить насъ! — вскричала дѣвочка дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Милая Тереза,—ласково заговорилъ онъ,—если я рѣшилъ открыться тебѣ, то только потому, что увѣренъ, ты поймешь меня и никому не проболтаешься. Видишь ли, я старшій, и долженъ вамъ замѣнить отца. Останься я дома, что толку: ты съ тетею станете ходить на поденщину, Жакъ будетъ ткачемъ, какъ и я, а этого допустить нельзя,—онъ такой умненькій, способный мальчикъ. Мнѣ почему то думается, что онъ далеко пойдетъ.

— Такъ возьми и меня собою, мы станемъ вмѣстѣ работать!—сквозь слезы проговорила Тереза.

— Ну нѣтъ! — засмѣялся Этьенъ. — Тебѣ уйти нельзя, за старичками нуженъ уходъ и призоръ; дѣвочкамъ—мѣсто дома.

И онъ принялся съ жаромъ убѣждать сестру, толкуя что-то и о пустой дѣдушкиной табакеркѣ, и о призваніи Жака, и о слезахъ тети Агиты, о подвигахъ Дюкесклена, мужествѣ маленькаго Аміо и о счастливомъ будущемъ ихъ семьи. Онъ говорилъ съ такимъ увлеченіемъ, что и Тереза повѣрила въ это лучшее будущее и стала сквозь слезы улыбаться.

— Но если ты уйдешь отъ насъ, значитъ ты ослушаешься дѣдушки съ тетею,—попробовала она еще разъ возразить.

— Такъ-то оно такъ, но я увѣренъ, они меня простятъ. Пойдемъ.

Они пошли тропинкой, извивавшейся среди полей и садовъ, вдоль живыхъ изгородей изъ терна и шиповника, вѣтки которыхъ мѣстами сплетались аркою надъ узенькою тропинкой. Дѣти то и дѣло останавливались, чтобы сорвать цвѣточекъ-другой. Безъ всякаго уговора имъ обоимъ пришла въ голову одна и таже мысль отправиться на кладбище. Тѣнистое, безмолвное, лежало оно на скатѣ холма; высокая трава росла привольно между деревянными крестами. Все кладбище было какъ будто разбито на крохотные садики и содержалось въ большомъ порядкѣ. Видно было, что деревенскіе обитатели относились съ уваженіемъ и любовью къ памяти своихъ усопшихъ.

Тамъ, подъ тѣнью кипариса, пять лѣтъ уже покоился прахъ художника и его молодой жены. Дѣти, рука съ рукою, направились къ знакомой могилѣ, положили на нее цвѣты и, опустивъ глаза, простояли нѣсколько минутъ въ глубокомъ молчаніи.

— Ты пришелъ проститься съ ними?—тихо спросила Тереза и залилась слезами.

Онъ отвѣтилъ ей долгимъ нѣжнымъ рукопожатіемъ, словно хотѣлъ вдохнуть ей свою бодрость духа.

— Да, да,—сказала она, указывая на могилу,—они простятъ тебя, иди съ Богомъ.

Они вернулись обратно въ поле, забрали тачку съ лопатой и киркой и пошли домой.

— А какъ скоро думаешь отправляться?—спросила Тереза.

— Самъ не знаю.

Остатокъ дня мирно протекъ въ обычныхъ занятіяхъ. День этотъ былъ тяжелымъ испытаніемъ для нашего маленькаго человѣка. Чѣмъ ближе наступалъ часъ разлуки, тѣмъ больнѣе сжималось его сердце. Ему предстояло разстаться съ дѣдушкою, съ тетею, со всѣмъ, что ему было такъ мило и дорого. Тереза и Жакъ были до сихъ поръ его единственными товарищами, и эта совмѣстная жизнь съ дѣтьми моложе его, дѣтьми слабыми и беззащитными, развила въ немъ рѣдкое въ его годы чувство отвѣтственности за нихъ и почти родительскую къ нимъ нѣжность.

Бѣдный Этьенъ! Онъ впервые въ этотъ день почувствовалъ, какъ сильно привязанъ къ родному гнѣзду; домъ, мебель, садъ, огородъ были его друзьями, а обитатели домика какъ бы частью его самаго.

Когда настало время ложиться спать, дѣдушка съ тетей и дѣти, какъ всегда, простились другъ съ другомъ и крѣпко поцѣловались. Этьенъ сохранялъ полное самообладаніе; Терезѣ, все время наблюдавшей за братомъ, онъ казался совершенно спокойнымъ.

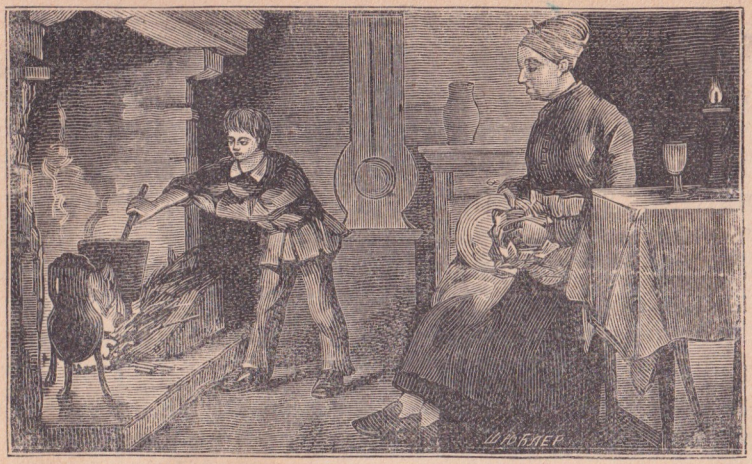
Поднявшись въ свою комнатку, Этьенъ усѣлся передъ полуоткрытою дверью, въ которую заглядывалъ лучъ мѣсяца, свѣтлымъ пятномъ ложась на

полъ, и сталъ ждать, когда въ домѣ все утихнетъ. Наконецъ эта минута настала. Стараясь не шумѣть, онъ уложилъ въ синій холщевой мѣшокъ кое-что изъ бѣлья, не забылъ захватить шесть франковъ, занятыхъ у учителя, а также отцовскіе часы; ихъ онъ получилъ отъ тети Агиты на прошлой недѣлѣ въ день своего рожденія,—ему исполнилось четырнадцать лѣтъ.

Все было готово. Оставалось только выбраться осторожнѣе изъ дому, чтобы никого не разбудить. Онъ отворилъ окно, глубоко вздохнувъ, обвелъ глазами комнатку, послалъ рукою прощальный привѣтъ сосѣднимъ окнамъ, потомъ бросилъ мѣшокъ на траву, спрыгнулъ самъ и пустился бѣжать, что было мочи, изрѣдка оглядываясь на тѣни, которыя, казалось, гнались за нимъ.

Со дворовъ фермъ, мимо которыхъ ему пришлось проходить, послышался лай собакъ, потомъ все смолкло. Спустя какихъ-нибудь десять минутъ между деревьями забѣлѣла большая дорога. Этьенъ остановился и присѣлъ на камень, лицомъ къ деревнѣ, облитой холоднымъ серебромъ луны. Сердце его тревожно и часто колотилось въ груди, словно выскочить хотѣло, но на лицѣ не было слезъ. Посидѣвъ немного, онъ всталъ.

Впередъ, Этьенъ, впередъ!



IV.

Подъ гостепріимнымъ кровомъ.

Вотъ уже два дня, какъ нашъ Этьенъ въ пути; онъ прошелъ пятнадцать миль и направляется въ Парижъ. Въ Парижѣ, говорили ему, можно научиться чему угодно, не трудно достать работу, да и живется тамъ рабочимъ привольно.

Пятнадцать миль! Какъ далеко онъ отошелъ отъ роднаго Ламарлета! Хотя и щемитъ у мальчика сердечко, а онъ знай шагаетъ, да шагаетъ. Къ тому же въ четырнадцать лѣтъ кочевая жизнь кажется такою привольной. Недаромъ поется въ пѣснѣ: жить въ кочевьѣ, жить въ веселье. Какъ вкусенъ черствый хлѣбъ подъ открытымъ небомъ, какъ чиста вода изъ родника и какъ сладокъ отдыхъ на зеленыхъ пригоркахъ подъ веселый стрекотъ кузнечиковъ! Нашъ Этьенъ со своими шестью франками въ карманѣ и думать не смѣлъ о постояломъ дворѣ.

На бѣду, на второй день къ вечеру сталъ моросить мелкій холодный дождикъ, и вмигъ промочилъ насквозь сѣрую холщевую блузу и синюю суконную фуражку маленькаго путешественника.

По дорогѣ ему попался большой скирдъ хлѣба, и онъ рѣшилъ въ немъ переночевать. Выдернувъ нѣсколько сноповъ, онъ обтопталъ солому и устроилъ себѣ помѣстительную норку. Убѣжище оказалось превосходнымъ: свѣжая солома пахнетъ чудесно, да и грѣетъ изрядно. Полевыя мыши это хорошо знаютъ, а потому ихъ всегда видимо-невидимо въ скирдахъ. Своимъ шорохомъ и вознею онѣ мѣшали уснуть Этьену, и онъ лишь подъ утро забылся, да не надолго. Съ сосѣдней фермы прибѣжалъ огромный сторожевый песъ, учуялъ мальчика и поднялъ неистовый лай,—ночью-то онъ, видно, плохо исполнялъ свои обязанности, вотъ и вздумалъ теперь показать себя. Не сдобровать бы Этьену, да на его счастье прибѣжала къ скирду другая собака; кинулся на нее забіяка и давай съ нею драться.

Дождь пересталъ, на востокѣ заалѣла заря. Не успѣвъ отдохнуть, какъ слѣдуетъ, побрелъ Этьенъ дальше. Съ полей по обѣимъ сторонамъ вспархивали только что проснувшіеся жаворонки и, заливаясь звонкою пѣснью, неслись въ голубую высь. Чудо, какъ хорошо было въ этотъ ранній утренній часъ!

Било шесть, когда онъ проходилъ черезъ Шони. Городокъ еще спалъ; но уже кое-гдѣ въ полураскрытыя двери выглядывали хлопотуньи-хозяйки, разбуженныя стукомъ деревянныхъ башмаковъ молочницъ и, позѣвывая, перекидывались другъ съ другомъ словечкомъ. Этьенъ шелъ себѣ, да шелъ, нигдѣ не останавливаясь. Ему хотѣлось поскорѣе попасть въ Парижъ, а до него было не близко.

Къ вечеру, однако, пришлось волею-неволею убавить шагу. Отъ сухаго хлѣба силъ не наберешься, а онъ уже второй день ничего не ѣлъ, кромѣ хлѣба, да и ноги у него отъ непривычки къ ходьбѣ ныли и болѣли. Въ изнеможеніи мальчикъ опустился на край канавы возлѣ поля, засѣяннаго рѣпою, снялъ

башмаки и поставилъ ноги на свѣжія зеленыя листья; боль какъ будто унялась и ему стало немного легче.

Кругомъ разстилались необозримыя поля; на нѣжной молодой зелени красиво выдѣлялись полоски, засѣянныя клеверомъ, рѣпою и макомъ; съ ро-

зовыхъ, бѣлыхъ и лиловыхъ цвѣтовъ неслось тонкое нѣжное благоуханіе. Солнце заходило и черепичныя крыши избъ- пріютившейся у подножья холма деревушки казались золотыми.

Глубокая, невозмутимая тишина царила кругомъ.

Сидитъ нашъ Этьенъ голодный, усталый и вспоминаетъ, что въ Ламарлетѣ какъ разъ въ это время ужинаютъ... Ужъ не вернуться ли назадъ, одинъ-два дня ходу, и онъ опять дома. Бодрость духа покидала его, сердце тоскливо билось въ груди. Но что

скажутъ тогда Аміо, Тюреннъ, Дюгескленъ, сестрица? А счастливыя, отрадныя мечты о будущемъ? Мечты о табакѣ для дѣдушки, объ Академіи художествъ для Жака, объ обновкахъ для Терезы и тети Агиты?

Онъ быстро вскочилъ. «Да чего я носъ повѣсилъ! Вѣдь у меня въ карманѣ шесть франковъ,— можно, какъ слѣдуетъ отдохнуть на постояломъ дворѣ, а послѣзавтра буду въ Парижѣ».

И онъ поплелся дальше безъ башмаковъ. Больненько-таки было ступать опухшими ногами по убитой щебнемъ дорогѣ, всежъ онъ кое-какъ добрался до деревни. Подлѣ самой дороги стояла избенка, обнесенная изгородью; отъ калитки вела обсаженная кустами акаціи дорожка къ открытымъ настежъ дверямъ. Въ глубинѣ горенки, возлѣ большого сундука стояла кадка съ водой; надъ нею, на стѣнѣ висѣлъ блестящій мѣдный ковшъ.

Хорошо бы попить свѣжей водицы. Не устоялъ Этьенъ передъ искушеніемъ и вошелъ въ избу. Тамъ не было ни души, и на его зовъ никто не откликнулся. Постоялъ мальчуганъ минутку въ нерѣшительности, потомъ снялъ ковшикъ, и съ наслажденіемъ напился. Повѣсивъ ковшикъ на мѣсто, онъ собрался было уходить, какъ вдругъ въ глубинѣ комнаты открылась дверь, и вошла старушка; обѣими руками она придерживала края передника, полнаго травы. Вскрикнувъ, женщина выпустила изъ рукъ передникъ, и вся трава высыпалась на полъ.

— Нѣтъ, это не онъ!—промолвила старушка, вглядѣвшись въ Этьена.—Ты что тутъ дѣлаешь, мальчуганъ?

— Мнѣ захотѣлось пить, я вошелъ и напился.

Поглядѣла на него внимательно старушка и сказала:

— Присядь-ка, голубчикъ! Ты видно очень усталъ!

Она пододвинула ему стулъ, обмахнувъ его предварительно передникомъ,—предосторожность, впрочемъ, совершенно излишняя, такъ какъ въ горенкѣ все блестѣло чистотой. Усѣвшись напротивъ, она проговорила все еще взволнованнымъ голосомъ:

— Я приняла тебя за другаго, хотя ты на него и не похожъ: онъ поплотнѣе будетъ, да и ростомъ повыше. Сейчасъ косила въ саду траву и все о немъ думала, а какъ увидала тебя, рѣшила... Да что тамъ говорить!..

Она тяжело вздохнула. Этьенъ не зналъ, что сказать. Поднявъ съ пола узелокъ, онъ сталъ собираться уходить,—ему хотѣлось поскорѣй найти себѣ ночлегъ.

— Прощайте, бабушка! Мнѣ пора; надо засвѣтло добраться до постоялаго двора.

— А гдѣ же твой спутникъ? Неужели въ твои годы ты странствуешь одинъ?

— Мнѣ четырнадцать лѣтъ!—обидѣлся Этьенъ.

— Скажите, пожалуйста, четырнадцать лѣтъ! И въ эти-то годы странствовать одному!.. Рости послѣ этого ребятъ. Готова побиться объ закладъ, что ни отецъ твой, не мать, никто изъ твоей родни не пустилъ тебя шататься по большимъ дорогамъ.

Мальчикъ залился слезами.

— Ну, ну, не плачь!—ласково заговорила старушка.—Счастливъ ты, что попалъ ко мнѣ: я и ужиномъ тебя накормлю и спать уложу на мягкую постель, а завтра маршъ назадъ домой просить у отца прощенія.

Она встала и зажгла лампу.

— Кто твой отецъ?

— Я сирота,—отвѣтилъ Этьенъ и все ей разсказалъ. Старушка слушала его, а сама нѣтъ-нѣтъ вытирала навертывающіяся на глазахъ слезы.

— Ты славный мальчикъ!—сказала она.—А все же послушайся меня, не ходи въ Парижъ. У меня

«Мнѣ захотѣлось пить; я вошелъ и напился» (стр. 23).

былъ внукъ; такъ же, какъ и ты, онъ остался сиротою послѣ отца съ матерью. Я выростила его, воспитала; мальчикъ онъ былъ красивый, на рѣдкость смѣтливый и способный, только шалунъ, какихъ мало. На тринадцатомъ году его отвезли въ Парижъ въ ученье къ золотыхъ дѣлъ мастеру, но мальчуганъ не захотѣлъ жить у своего хозяина и убѣжалъ. Вотъ уже три года, что я не имѣю о немъ вѣстей, кто знаетъ что съ нимъ сталось.

Она съ трудомъ удержала слезы, и долго сидѣла, понуривъ голову.

— Ты, вѣрно, голоденъ?—вдругъ встрепенулась она.—Любишь молоко съ клецками?

— Какъ не любить! Кто изъ Ламарлета не любитъ молока съ клецками!

Старушка развела огонь и поставила варить въ котелкѣ козье молоко, а сама тѣмъ временемъ замѣсила тѣсто, очень тонко раскатала его на столѣ и нарѣзала крохотныя клецки. Когда молоко вскипѣло, она высыпала клецки въ котелокъ вмѣстѣ съ корочкой хлѣба, натертой съ чеснокомъ, а Этьену приказала большею деревянною ложкой мѣшать молоко, чтобы клецки не пригорѣли. Боже какъ вкусно пахло! Вотъ нежданный-то пиръ! Этьенъ былъ внѣ себя отъ радости. Старушка была маленькая, тщедушная женщина съ добрымъ, покрытомъ морщинами лицомъ и черными проницательными глазами. Изъ подъ клѣтчатаго ситцеваго платка, которымъ была повязана ея голова, выбивались на вискахъ двѣ пряди черныхъ, безъ признака сѣдины, волосъ.

Сытный ужинъ подкрѣпилъ Этьена и вернулъ ему бодрое настроеніе. Когда старушка снова завела рѣчь о Ламарлетѣ, онъ спокойно отвѣтилъ:

— Я самъ хорошо знаю, что не слѣдовало бы ослушаться родныхъ и уходить изъ дому безъ ихъ позволенія, но сдѣлалъ я это не изъ баловства. Дѣдушка мой, видите-ли, уже старъ, братъ

съ сестрой маленькія,—вотъ и приходится идти искать заработка.

Задумалась на минутку старушка.

— Подать твоимъ вѣсточку я бы могла,—сказала она, да что толку, ты будешь уже далеко отсюда—гдѣ тебя найдешь! Такъ ужъ ступай себѣ съ Богомъ... Старайся всегда быть честнымъ, хорошимъ человѣкомъ, а станутъ тебя учить дурному—вспомни старую Катерину Томассенъ изъ Сонанкура и все что она говорила тебѣ про своего внука, да смотри, никогда не огорчай своихъ родныхъ.

Время было уже позднее, она взяла лампу и отвела Этьена въ маленькую чистенькую комнатку, оклеенную свѣтло-сѣрыми въ шашечку обоями.

— Эта комнатка моего Пьера,—сказала она;—никто въ ней не спалъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ ушелъ... Покажи-ка, что съ твоими ногами?

Съ чисто материнскою заботливостью она натерла маслицемъ ноги мальчика и обвязала ихъ чистыми тряпочками.

— Ну, а теперь прощай, спи себѣ съ Богомъ!—сказала она, вставая.

Этьенъ, совсѣмъ разстроганный, крѣпко поцѣловалъ ее. Послѣ двухъ безсонныхъ ночей сладко спалось ему на мягкой чистой постелѣ. Девять часовъ пробило, а онъ все еще никакъ не могъ проснуться.

— Вставай, мальчуганъ, пора!—будила его на другой день старушка;—ишь какъ разоспался. Смотри-ка, ужъ десятый часъ... Одинъ знакомый человѣкъ обѣщалъ мнѣ подвезти тебя до Компьена.

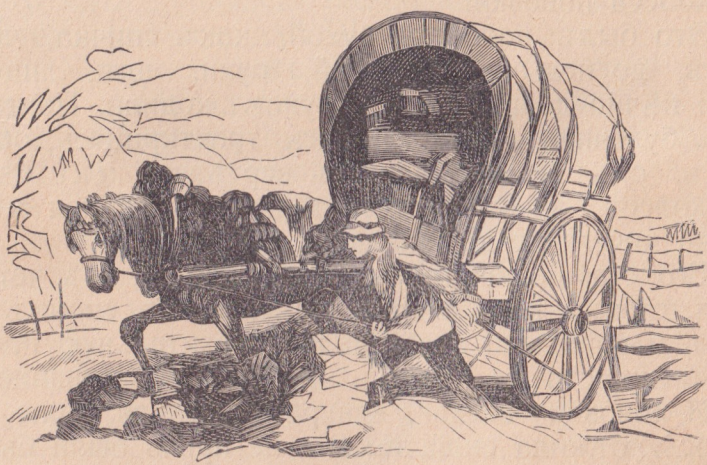
Этьенъ вскочилъ, какъ встрепанный, мигомъ одѣлся и вышелъ въ большую горницу. Она была уже прибрана; на столѣ дымилась чашка горячаго кофе съ молокомъ и лежали три большихъ ломтя хлѣба. Когда онъ позавтракалъ, старушка обняла его и со слезами на глазахъ сказала: «Доведется

тебѣ въ Парижѣ встрѣтиться съ моимъ внукомъ, скажи ему, чтобы скорѣе домой возвращался».

— Не сомнѣвайтесь, непремѣнно скажу. Спасибо вамъ, бабушка, вы такая славная, добрая...

— Сохрани и ты свое сердечко чистымъ и неиспорченнымъ... Ну, теперь пойдемъ поскорѣе къ куму Валентину, онъ не любитъ ждать. Валентинъ обѣщалъ мнѣ замолвить за тебя словечко одному знакомому возчику, который каждый день ѣздитъ въ Шантильи. Если не опоздаете въ Компьенъ, тебя захватитъ возчикъ,—все меньше придется идти пѣшкомъ.

И они пошли. Старушка несла его синюю холщевую сумку, въ которую положила большой круглый хлѣбъ, вареныхъ яицъ, орѣховъ, да еще въ придачу завернутую въ бумажку монету въ десять су.



V.

Кабаратъ.

Кумъ Валентинъ хлопоталъ около своей повозки, крытой дырявымъ, брезентомъ; онъ, какъ вьюнъ вертѣлся, осматривая то упряжь, то кузовъ, то колеса повозки.

Это былъ пожилой, сухой, какъ спичка, человѣкъ, до нельзя суетливый, – руки, ноги, лицо у него вѣчно дергались и ходуномъ ходили. Почталь онъ, булочникъ, бакалейщикъ, трактирщикъ, общій кумъ, онъ весь свой вѣкъ вертѣлся, какъ бѣлка въ колесѣ, за что, за что только ни брался и никогда ничего не доводилъ до конца.

Его старая лошаденка, разбитая на всѣ четыре ноги, стояла, какъ вкопанная, и всѣмъ своимъ видомъ и повадкою представляла разительную противоположность съ своимъ живчикомъ—хозяиномъ.

И повозка—ветхая, вся развинченная, тоже, казалось, отжила свой вѣкъ и не прочь была бы до конца своихъ дней простоять, не двигаясь, на одномъ мѣстѣ.

Только Этьенъ подошелъ, какъ Валентинъ, не говоря ни слова, схватилъ его въ охапку и бросилъ

въ повозку, которая вся затряслась и задребезжала своимъ старымъ разсохшимъ остовомъ, потомъ вскочилъ на передокъ и тронулъ возжами. Словно жалуясь на судьбу, заскрипѣла, завизжала повозка, а кляча пустилась вскачь съ такою стремительностью, будто хотѣла поскорѣе покончить съ постылымъ существованіемъ. Но только выѣхали за околицу, Сѣрко ни съ мѣста; загулялъ тутъ по ея костлявой спинѣ кнутъ, а она ни взадъ, ни впередъ.

Порядкомъ-таки промучился Валентинъ, пока лошаденка наконецъ стала трусить мелкою рысцею, да не надолго,—черезъ какихъ-нибудь-полверсты опять заартачилась. Какъ ни дергалъ Валентинъ возжами, какъ ни нахлестывалъ кнутомъ—долго ничего подѣлать не могъ.

Нельзя сказать, чтобы очень скоро, но все же наши путешественники въ концѣ концовъ добрались до Компьена. Тутъ въ гостиннипѣ „Золотой Левъ“ Валентинъ принялся разспрашивать про своего пріятеля—возчика изъ Шантильи.

— Какъ же, такъ и будетъ онъ тебя дожидаться,—сказали дворники.—Поди, ищи въ полѣ вѣтра.—Не сталъ Валентинъ долго раздумывать, и, сломя голову, пустился вдогонку за своимъ пріятелемъ, а Этьенъ остался во дворѣ подлѣ повозки.

Хорошо выспавшись у доброй старушки Томассенъ, Этьенъ чувствовалъ себя свѣжимъ и бодрымъ, и рѣшилъ идти дальше пѣшкомъ; но не успѣлъ пройти и десяти шаговъ, какъ сталъ накрапывать мелкій частый дождикъ.

«Куда ни шло, заверну въ гостинницу; одна ночевка меня не раззоритъ,—сказалъ Этьенъ, хлопнувъ себя по карману.—Завтра встану пораньше и зашагаю веселѣе».

Онъ повернулъ назадъ къ гостинницѣ, взялся за ручку стеклянной двери, да какъ увидалъ длин-

ный, просторный, весь въ золотѣ, залъ—оробѣлъ и войти не рѣшился. Замѣтила его служанка и грубо спросила: «Что ты тутъ дѣлаешь?»

— Ничего. Хотѣлъ бы въ гостинницу зайти.

— Ну, и иди, никто тебя не укуситъ,—сказала служанка и отворила дверь. Этьенъ вошелъ въ залу. Осмотрѣвшись кругомъ и чувствуя на себѣ взоры всѣхъ присутствующихъ, Этьенъ совсѣмъ сконфузился. Больше всего его смущала красивая дама, вся въ бантахъ, кольцахъ и жемчугахъ, торжественно возсѣдавшая за буфетомъ. Собравшись съ духомъ, Этьенъ подошелъ къ ней и дрожащимъ голосомъ спросилъ: «Нельзя ли переночевать въ гостинницѣ?»

Величаво окинула его взоромъ королева съ головы до ногъ и пальцемъ, унизаннымъ перстнями, ткнула въ пуговку звонка. Вбѣжала толстая рыжая дѣвушка съ краснымъ потнымъ лицомъ.

— Нѣтъ ли на верху въ мезонинѣ свободной комнаты?—спросила королева.

— Есть одна.

Королева снова вскинула глаза на мальчика и; взглядъ ея какъ будто выражалъ вопросъ: «годится, что-ли?»

— А дорога она?—спросилъ Этьенъ.

— Пятьдесятъ сантимовъ. Деньги впередъ.

Этьенъ заплатилъ и, очень довольный, что эту ночь ему есть гдѣ переночевать, вернулся опять во дворъ закусить. А закусить было чѣмъ,—старушка Томассенъ обильно снабдила его провизіею.

Когда совсѣмъ свечерѣло, Этьенъ отправился спать, такъ и не повидавъ Валентина, который вѣроятно все еще догонялъ своего пріятеля.

Коморка Этьена помѣщалась какъ разъ надъ конюшнею. Взбираться наверхъ надо было по узенькой съ покосившимися ступеньками лѣсенкѣ, держась за грязную засаленную веревку. Коморка была

„Она наливала рюмку вина высокому господину“ (стр. 31).

пренизенькая,—Этьенъ чуть рукою не доставалъ до потолка. На сѣрыхъ, въ трещинахъ, стѣнахъ причудливыми арабесками чернѣли имена, иниціалы и даты, выведенные сажею, многочисленными постояльцами. Матрацъ, казалось, былъ набитъ тѣми каменными плитками, которыхъ не доставало въ полу, да и спать на немъ пришлось Этьену не одному, а въ компаніи съ сотнями разныхъ насѣкомыхъ.

Уходя наутро изъ «Золотаго Льва», Этьенъ снова прошелъ черезъ большую залу. Теперь, насквозь пропитанная отвратительнымъ запахомъ табака и вина, она показалась мальчику далеко не такою великолѣпною. Королева въ бантахъ и жемчугахъ уже возсѣдала на своемъ тронѣ. Она наливала рюмку вина высокому худощавому господину съ большою, начинающеюся отъ лба, лысиною и добрыми печальными глазами. Этьенъ поклонился, но никто ему не отвѣтилъ. Онъ вышелъ на улицу, спросилъ по какой дорогѣ надо идти въ Парижъ и бойко зашагалъ по пыльному шоссе.

На свѣжемъ воздухѣ Этьенъ скоро проголодался. Усѣвшись подъ вязъ, онъ досталъ изъ мѣшка ломоть хлѣба и крутое яйцо и съ аппетитомъ позавтракалъ. Чудеснѣйшее мѣстечко выбралъ онъ себѣ для отдыха. На горизонтѣ, выдѣляясь на свѣтломъ фонѣ неба, тянулся темно-зеленый лѣсъ; напротивъ не вдалекѣ вырисовывалась старинная крѣпостца; кругомъ зеленѣли поля, сады и огороды.

Какъ разъ надъ головою Этьенъ замѣтилъ прямую гибкую вѣтку. «Отличная выйдетъ изъ нея тросточка!» подумалъ онъ, срѣзалъ вѣтку и, посвистывая, принялся ее чистить. Снявъ кору, онъ воткнулъ ножъ въ землю, а тросточку принялся тереть между ладонями, чтобы ее отполировать.

Вдругъ совсѣмъ близко кто-то отчаянно завопилъ: «Караулъ! Караулъ! Грабятъ!» Не долго ду-

мая, Этьенъ схватилъ ножъ и со всѣхъ ногъ побѣжалъ туда, откуда доносились крики. А голосъ все вопилъ: «Караулъ! Караулъ! Гра-а-бятъ!» выводя тонкою фистулой послѣднее слово и сильно его растягивая. Добѣжавъ до поворота дороги, мальчикъ носъ съ носомъ столкнулся съ высокимъ худощавымъ господиномъ, тѣмъ самымъ, котораго утромъ королева подчивала виномъ.

— Гдѣ? Гдѣ?—спросилъ мальчикъ, запыхавшись, и сердито хмуря брови.

— Кто?

— Да воръ! Развѣ вы не слышали, какъ кричали караулъ.

Лицо у незнакомца просіяло.

— Такъ ты поэтому и прибѣжалъ?—ласково спросилъ онъ.

Озадаченный Этьенъ кивнулъ головою. Потирая себѣ переносицу, незнакомецъ продолжалъ:

— Это, мой другъ, доказываетъ двѣ вещи: во-первыхъ, что публика въ Компьенѣ дура, во-вторыхъ, что хотя ты ростомъ малъ, зато уменъ и не трусъ... Представь себѣ, вчера меня чуть-чуть не освистали въ театрѣ за сцену въ пьесѣ Мольера «Жеманницы», гдѣ мнѣ нужно было кричать: «Караулъ! Караулъ! Грабятъ!» Вотъ я и рѣшилъ прорепетировать здѣсь свою роль. Дай-ка посмотрю, думаю, дѣйствительно ли Кабаратъ такая бездарность, какимъ его признали вчера на этихъ презрѣнныхъ провинціальныхъ подмосткахъ.

Мальчуганъ, ничего не видавшій, кромѣ своей деревни, не сразу сообразилъ, что передъ нимъ стоитъ актеръ, подвизавшійся наканунѣ въ Компьенѣ. Вмѣстѣ съ незнакомцемъ Этьенъ направился къ дереву, гдѣ лежали его мѣшокъ съ тросточкой.

— А ты вижу, молодчикъ, совсѣмъ налегкѣ идешь. Далеко ли собрался?—спросилъ Кабаратъ.

— Въ Парижъ.

— И я туда путь держу. И тоже пѣшкомъ это полезно для здоровья, — прибавилъ онъ, смѣясь.—А что ты будешь дѣлать въ Парижѣ?

— Хочу работы поискать.

Актеръ съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на малыша и спросилъ:

— Какой работы, дружокъ?

— Да я и самъ хорошенько не знаю.

— Отецъ съ матерью что ль посылаютъ тебя?

— Папа съ мамой давно умерли. У меня только дѣдушка; онъ живетъ далеко отсюда, больше двадцати миль.

— Значитъ дѣдушка отпустилъ тебя въ Парижъ?

— Нѣтъ. Дѣло въ томъ что дѣдушка разсорился и всѣмъ моимъ грозитъ нищета, если я не съумѣю заработать для нихъ кусокъ хлѣба.

— Бѣдный, бѣдный мальчикъ!... Итакъ, ты идешь въ Парижъ искать работы. Знакомо мнѣ это...

Онъ вздохнулъ, взглянулъ опять на мальчика и продолжалъ:

— Надо будетъ постараться пристроить тебя въ Парижѣ... но куда?—И, подумавъ минутку, прибавилъ:—Не чувствуешь ли ты влеченія къ театру?

— Къ театру? А что это такое—театръ?

— Ты грамотный?

— Грамотный.

Кабаратъ досталъ изъ кармана тетрадку и сталъ ее перелистывать. Отыскавъ подходящую страницу, онъ сказалъ:

— Прочти-ка мнѣ эту сцену. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ ея содержаніе. Ты молодой слуга. Баринъ посылаетъ тебя чуть не въ двадцатый разъ отнести старому богатому холостяку дичь въ подарокъ. Старикъ скупой-прескупой, никогда не даетъ ни полушки на чай. Ты приносишь дичь и сер-

что, не говоря ни слова, бросаешь на полъ корзину. Старикъ оскорбленъ и хочетъ дать тебѣ урокъ. Онъ встаетъ съ кресла, приказываетъ тебѣ сѣсть на его мѣсто, поднимаетъ корзину и, передавая тебѣ привѣтствіе отъ своего господина, съ самымъ почтительнымъ видомъ подаетъ корзину. Тогда ты достаешь изъ кармана луидоръ и, протягивая его старику, говоришь: «Спасибо, мой милый. вотъ тебѣ на чай».

Этьенъ засмѣялся. Кабаратъ передалъ ему книгу: „Ну-ка прочти это мѣсто".

Этьенъ сталъ читать.

— Не такъ, не такъ!—остановилъ его Кабаратъ.— На сценѣ нельзя говорить, какъ обыкновенно въ жизни говорятъ—никакого эффекта не будетъ.. Произноси съ толкомъ, внятно, съ разстановкою. Начни-ка снова.

Этьенъ съ мастерствомъ, котораго въ себѣ и не подозрѣвалъ, повторилъ еще разъ, подражая актеру интонаціями и жестами: «Спасибо, мой милый, вотъ тебѣ луидоръ за труды".

— Недурно, право, недурно!—сказалъ, потирая руки, Кабаратъ.—Ну, а теперь попробуемъ стихи изъ драмы или трагедіи,—я, вѣдь, и трагикъ и актеръ на драматическія роли. Двѣ самыя главныя роли... Гм... Гм... Чтобы такое прочесть...

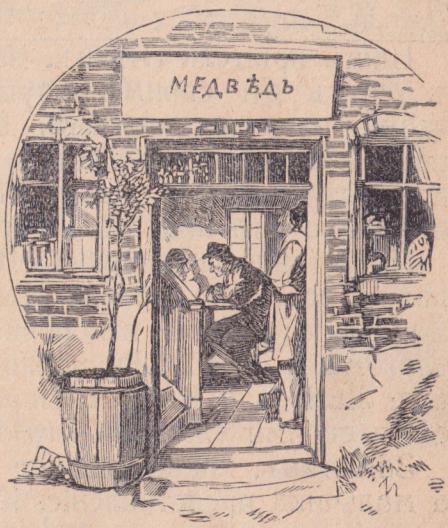
Онъ приподнялся на цыпочкахъ, принялъ величественную позу, и, дико вращая глазами, произнесъ громовымъ голосомъ:

„Какъ я великъ теперь! Мой лютый гнѣвъ
Гнѣву Боговъ теперь подобенъ".

Этьенъ глядѣлъ на него, вытаращивъ глаза.

— Теперь твой чередъ, мальчуганъ! Посмотримъ, какъ ты справишься... Стой смирно!... Хорошо... нѣтъ, голову выше, грудь впередъ... подними руки надъ головою, какъ будто хочешь смѣрить себя... Такъ... Начинай и говори громко и внятно: „Какъ
къ теперь!"

ѣдь, я, вовсе не великъ!—сказалъ
тываясь со смѣху.
дно,—засмѣялся и Кабаратъ;—вижу,
больше призванія къ комедіи, чѣмъ къ
І же предпочитаю всѣмъ другимъ ро-
трагиковъ,—сказалъ онъ важно и, по-
нутку, прибавилъ:—Мальчикъ ты я вижу,
ый; тебѣ можно было бы поручить испол-
мальчиковъ и, пожалуй, даже дѣвочекъ
ъ-нибудь парижскомъ или провинціаль-
трѣ. Что ты на это скажешь?
раво, не знаю!
ы только попробуй. Можетъ быть, тебѣ и
гъ... Знай, мой другъ, что талантливый
—выше короля.
И вы также?—
ливно спросилъ Этьенъ.



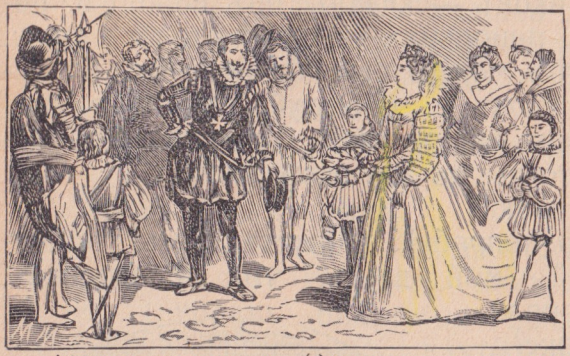
Лицо Кабарата омрачилось. „Я болѣе того,—буркнулъ онъ:—я—непонятый талантъ.

Тѣмъ временемъ они подошли къ довольно большему мѣстечку. У самаго выѣзда, надъ дверями одного изъ домишекъ, весьма невзрачнаго на видъ, болталась деревянная вывѣска съ полуистертою синею надписью: „Медвѣдь“.

Трагикъ остановился и, указывая на вывѣску, сказалъ: „Зайдемъ, выпьемъ за твои будущіе успѣхи на сценѣ“.

Полъчаса спустя, отдохнувъ и подкрѣпившись, они снова пустились въ путь. Такъ, заходя попутно

то въ одну, то въ другую харчевню, кламируя, они дня черезъ два добралис богатые надеждами, но съ пустыми ка



Въ

Въ вечеръ рѣ Пор Мартен пьеса «К ва Марго

Нашъ пріятель Этьенъ, заоравшійся спозар въ театръ съ своимъ спутникомъ, съ любопытствомъ озирался кругомъ. Все его восхищало: и красная бархатная мебель, и люстры, и позолота, и нарядныя красивыя дамы. Такое великолѣпіе ему даже и во снѣ никогда не грезилось!

Представленіе началось. Передъ Этьеномъ прошли прелестная королева Наварская и ея очаровательныя фрейлины въ роскошныхъ, сверкавшихъ золотомъ и серебромъ, нарядахъ, Беарнэ и два рыцаря: Ламоль и Кокона. Варфоломѣевская ночь со всѣми своими ужасами глубоко потрясла Этьена.

Замѣтивъ, какое сильное впечатлѣніе произвело на мальчика представленіе, Кабаратъ сказалъ:

— Захочешь, и ты будешь участвовать въ этой пьесѣ, видишь, сколько на сценѣ статистовъ. Я знакомъ съ режиссеромъ и могу замолвить за тебя словечко. Ты и вечеръ пріятно проведешь и два франка заработаешь.

Увидѣть вблизи королеву Наварскую, короля Генриха IV, весь дворъ, играть самому, да еще два франка заработать—такое предложеніе соблазнитъ хоть кого

— Не знаю, какъ благодарить васъ, господинъ Кабаратъ! Пожалуйста, поговорите съ режиссеромъ!—взволнованно прошепталъ мальчикъ.

Заночевали они въ маленькой гостинницѣ на улицѣ Тампль, гдѣ знали актера и вѣрили ему въ долгъ.

Оставшись, наконецъ, одинъ въ крохотной комнаткѣ, чуть-чуть почище коморки въ «Золотомъ Львѣ», Этьенъ улегся на жесткую постель и, засыпая, благословлялъ счастливый часъ, когда ему пришла впервые въ голову мысль уйти изъ деревни, гдѣ люди не живутъ, а прозябаютъ, какъ улитки. И какое счастье, что судьба свела его съ Кабаратомъ, съ этимъ добрымъ, хорошимъ человѣкомъ!

Наутро наши пріятели поднялись раненько,—голодъ порядкомъ таки давалъ себя знать.

— Вотъ тебѣ пятьдесятъ сантимовъ,—сказалъ Кабаратъ Этьену;—сбѣгай, купи на два сантима сыру Бри, на четыре су хлѣба и на два су табаку.

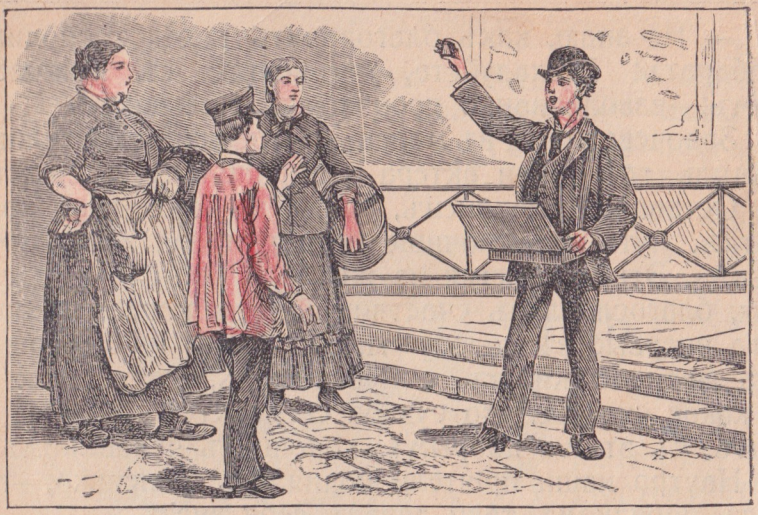
У бѣдняги было въ карманѣ всего на всего семьдесятъ пять сантимовъ. Закусивъ сыромъ и запивъ его водою, онъ ушелъ «по дѣламъ» и только черезъ четыре часа вернулся въ гостинницу.

— Могу тебя поздравить,—обратился онъ къ Этьену, потирая руки.—ты сегодня дебютируешь въ Портъ Сенъ-Мартенѣ, а я замѣняю товарища въ Клюни.

— Что же мнѣ нужно будетъ тамъ дѣлать?—спросилъ Этьенъ.

— Тебѣ покажутъ. Завтра утромъ получишь два франка.

Два франка въ день! Шестьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ! Этьену казалось, что онъ милліонеръ. То-то удивятся въ Ламарлетѣ, когда узнаютъ эту новость!



VII.

Новый другъ.

Боже, какія старыя, некрасивыя, всѣ въ морщинахъ были вблизи эти прекрасныя придворныя дамы! Какое полинялое тряпье волочили онѣ по пыльнымъ подмосткамъ театра! И на какомъ далеко не придворномъ языкѣ говорили между собою!

Сильно разочарованный стоялъ за кулисами бѣдный Этьенъ въ костюмѣ изъ потертаго лиловаго бархата съ бѣлыми атласными прорѣзами въ рукавахъ, и съ грустью ждалъ появленіи королевы Наварской. Наконецъ королева явилась.

Подмалеванная, осыпанная пудрою, она показалась Этьену совсѣмъ некрасивою. Но вотъ онъ и самъ на сценѣ. Ему приказано было держаться около другаго пажа и во всемъ подражать ему, но этотъ пажъ—большой проказникъ—вздумалъ подшутить надъ Этьеномъ. Онъ вдругъ поддался впередъ, какъ бы желая пройти передъ королевой;

Этьенъ, слѣдуя его примѣру, тоже шагнулъ впередъ, и совсѣмъ преградилъ дорогу ея величеству.

Въ публикѣ раздался смѣхъ. Шествіе остановилось. Пажи, принцессы, принцы, придворныя дамы и вся свита пришли въ смущеніе. Одинъ король не потерялся. Онъ протянулъ руку и во мгновеніе ока водворилъ мальчугана на его мѣсто. Весь пунцовый, медленно двигался Этьенъ въ торжественномъ шествіи. За кулисами всѣ придворные, съ мальчуганомъ - проказникомъ во главѣ, стали смѣяться надъ Этьеномъ и поддразнивать его. Одни предлагали ему не церемониться и пойти погулять на сцену, другіе--нацѣпить ради пущаго эффекта на носъ очки и взять въ руки трость тамбуръ - мажора или большую трубку. А какой-то господинъ въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ, глядя на него злыми-презлыми глазами, крикнулъ: — „Записать за нимъ штрафъ!“

Бѣдный Этьенъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Къ счастью, слѣдующій актъ сошелъ для него благополучно.

Въ первомъ часу онъ вернулся въ свою коморку на улицѣ Тамиль.

Долго, не раздѣваясь, поджидалъ Этьенъ Кабарата; ему хотѣлось разсказать старику про свою неудачу,—все легче бы стало на душѣ; да такъ не дождавшись и заснулъ въ креслѣ.

Проснувшись на другой день, Этьенъ первымъ дѣломъ зашелъ къ Кабарату, но Кабарата не оказалось дома,—онъ какъ вечеромъ ушелъ, такъ и пропалъ на всю ночь. Идти въ театръ, чтобы получить свои два франка было рано, дома Этьену не сидѣлось, вотъ онъ и пошелъ побродить по городу, и только въ началѣ десятаго отправился въ театръ. Какъ разъ въ это время съ противоположной стороны къ театру подходилъ высокій, блѣдный подростокъ лѣтъ шестнадцати-семнадцати съ необыкно-

венно бойкимъ выраженіемъ лица. Черезъ плечо у него висѣлъ на ремнѣ небольшой четырехугольный ящикъ; онъ барабанилъ по немъ пальцами лѣвой руки, и въ то же время, заложивъ въ ротъ два пальца правой руки, подражалъ очень удачно звукамъ оркестра.

Взглянулъ на него Этьенъ и опѣшилъ: передъ нимъ стоялъ пажъ королевы, который такъ безсовѣстно вчера его подвелъ.

— Что смотришь? или не узнаешь?—спросилъ музыкантъ, наклоняясь чуть не къ самому лицу Этьену.—Вѣдь я Трубачъ; это я каждый день убиваю Колиньи и изображаю пажа королевы... А тебѣ, голубчикъ, отъ шрафу не отвертѣться,—прибавилъ онъ, смѣясь.—По правдѣ сказать, совѣсти нѣтъ у этихъ людей! Попадется имъ новичекъ, они сейчасъ и рады его нагрѣть... Пойдемъ, я покажу тебѣ, какъ надо съ ними разговаривать, у меня тоже получка.

Онъ повелъ Этьена черезъ маленькую дверь къ кассѣ. Получивъ свои два франка, онъ сталъ громко выражать негодованіе на то, что «съ бѣднаго честнаго артиста ни съ того, ни съ сего удержали цѣлый франкъ изъ за какой-то пустой ошибки».

Режиссеръ прогналъ его, но Этьена такъ тронуло великодушное заступничество новаго пріятеля, что онъ сталъ горячо его благодарить.

— Откуда ты? Вѣрно издалека?—полюбопытствовалъ Трубачъ.

— Я изъ Пикардіи, изъ деревни Ламарлетъ, и только третій день въ Парижѣ.

Побарабанилъ Трубачъ разокъ-другой по ящику и спросилъ:

— А Новый мостъ видѣлъ?

— Нѣтъ, еще не видалъ.

— Ну, такъ пойдемъ, покажу.

— Отчего бы и не пойти, да только мнѣ нужно въ гостинницу поскорѣе вернуться.

— Ого! въ гостинницу! Ишь, ты какой важный баринъ!

— Можетъ быть, господинъ Кабаратъ вернулся и ждетъ меня.

— А что это за птица господинъ Кабаратъ?

Этьенъ разсказалъ все, что зналъ про актера.

— Первый разъ про него слышу.. Увѣряю тебя, онъ не вернулся. Въ Парижѣ разъ кто вышелъ изъ дому, не жди скоро назадъ. Пойдемъ.

Трубачъ повелъ Этьена бульваромъ и улицею Монмартръ. Не роскошные магазины съ золотомъ, серебромъ и шелковыми тканями привлекали вниманіе нашего маленькаго героя, а булочныя и колбасныя, изъ которыхъ такъ заманчиво пахло. Сильно проголодавшись, онъ остановился передъ одной булочной и сталъ глядѣть на пирожныя и сладкія булочки.

— Ну, чего сталъ, иди!—сказалъ Этьену Трубачъ, толкая его въ булочную. юркнулъ вслѣдъ за нимъ самъ и потребовалъ: «хлѣба на четыре су».

Этьенъ заплатилъ, а Трубачъ взялъ хлѣбъ съ вѣсовъ.

— А недурно бы теперь горяченькой буженинки раздобыть!—проговорилъ Трубачъ, выходя изъ булочной.

Они завернули въ первую попавшуюся колбасную, гдѣ на этотъ разъ заплатилъ Трубачъ. Раздѣливъ побратски хлѣбъ съ бужениной, они зашагали къ Сенѣ. Никогда еще не доводилось Этьену ѣсть такой вкусной буженины. Горячая, сочная, она такъ и таяла во рту. Щеки и губы его залоснились, а глаза такъ и блестѣли отъ удовольствія.

Трубачъ, которому такія угощенія были повидимому не въ диковинку, всю дорогу дурачился: то лаялъ собакой, то мяукалъ кошкой, то выкрикивалъ дикимъ голосомъ: «Стекла вставлять! Стекла!.. Бобы, горохъ зеленые!.. Старыя платья мѣнять, продавать!..

Шкурки, кроличьи шкурки!..» и безцеремонно толкалъ прохожихъ, отпуская на ихъ счетъ разныя шутки.

Всѣ эти выходки очень смѣшили нашего деревенскаго мальчугана; онъ невольно проникался уваженіемъ къ своему спутнику, который такъ смѣло велъ себя на улицахъ Парижа и рѣшительно никого не боялся.

Но вотъ они и на Новомъ мосту.

— Гляди!—сказалъ Трубачъ, указывая на статую Генриха IV.—Вотъ это онъ вчера такъ безцеремонно схватилъ тебя за шиворотъ и онъ же мечталъ о томъ, чтобы всѣ французы ѣли по воскресеньямъ буженину. Погляди-ка на него хорошенько!

Опершись на перила, Этьенъ нѣкоторое время смотрѣлъ на памятникъ, на Сену, на Лувръ, на набережную и мосты, а когда обернулся—увидѣлъ, что Трубачъ стоитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него съ маленькою склянкою въ рукахъ, а ящикъ, который у него болтался на ремнѣ черезъ плечо, очутился теперь на тротуарѣ.

— Эй, папаши, мамаши!—рѣзкимъ голосомъ выкрикивалъ Трубачъ.—спѣшите склеивать вашу разбитую посуду! Достаточно одной капли этого лучшаго въ мірѣ клея, и нѣтъ болѣе битаго фарфора и стекла. Склянка съ кисточкою стоятъ всего пятьдесятъ сантимовъ. Чего дешевле! Покупайте скорѣе.

Вокругъ продавца «лучшаго въ мірѣ» клея въ одну минуту собралась толпа любопытныхъ, но раскошеливаться никто не думалъ. Подошелъ и Этьенъ, очень заинтересованный новою выходкой бойкаго парижанина. Замѣтилъ его Трубачъ и крикнулъ: «Тише, тише, господа, не напирайте такъ, на всѣхъ хватитъ... Эй, вы тамъ, молодой человѣкъ, сколько прикажете склянокъ?»

Послѣ вчерашняго случая въ театрѣ нашъ Этьенъ сталъ куда догадливѣе; онъ сразу понялъ, чего

хотѣлъ отъ него Трубачъ и быстро поднялъ указательный палецъ.

— Одну!

— Извольте!

Склянка переходила изъ рукъ въ руки, пока не дошла наконецъ до Этьена. Всѣмъ любопытно было поглядѣть на нее поближе, пощупать, повертѣть.

— А деньги, молодой человѣкъ?

Всѣ засмѣялись. Этьенъ отдалъ пятьдесятъ сантимовъ.

— Глядите, господа,—продолжалъ выкрикивать Трубачъ, чувствуя, что покупатель клюетъ:—вотъ чашка, которая была разбита на пятьдесятъ четыре куска, слышите—пятьдесятъ четыре куска! Ее склеили этимъ лучшимъ въ мірѣ клеемъ. Кто укажетъ хоть одно склеенное мѣсто — получитъ даромъ склянку клею.

Новенькая, совершенно цѣлехонькая, чашка загуляла по рукамъ. Въ концѣ-концовъ одинъ умникъ розыскалъ-таки склеенное мѣсто. Дѣлать нечего, пришлось отдать одну склянку, зато явилось сразу десять охотниковъ купить клей. Торговля шла отлично. Но вдругъ на другомъ концу моста показалась трехуголка полицейскаго и вмигъ торговецъ, клей, ящикъ,—все словно сквозь землю провалились.

Этьенъ догналъ пріятеля только на улицѣ Дофине.

— Тутъ у меня превосходный завтракъ,—сказалъ Трубачъ, хлопая по ящику.—Пойдемъ, я угощаю моихъ покупателей.

И онъ толкнулъ Этьена въ кабачекъ.

— А вздумаешь что-нибудь разбить,—прибавилъ онъ, смѣясь — такъ не стѣсняйся, у тебя, вѣдь, въ карманѣ лучшій въ мірѣ клей.

Онъ принялся острить надъ розинями прохожими, надъ полицейскимъ, а Этьенъ, не совсѣмъ хорошо понявшій, что такое произошло на Новомъ

мосту, только слушалъ и дивился; потомъ Трубачъ заказалъ чисто царскій завтракъ: супъ, жаркое, дичь, сыръ и кофе. Эта былъ первый разъ послѣ ухода изъ Ламарлета, что Этьенъ, какъ слѣдуетъ, поѣлъ.

Подъ вліяніемъ выпитаго вина, отъ котораго у нихъ почернѣли губы и десны, Этьенъ разговорился. Онъ съ умиленіемъ сталъ вспоминать про дѣдушку, Жака, Терезу, тетю Агиту, разсказалъ и про то, что собирался выучиться какому-нибудь хорошему ремеслу.

— Хорошему ремеслу! Такъ вотъ зачѣмъ птенчикъ вылетѣлъ изъ подъ тетушкина крыла,—глубокомысленно замѣтилъ Трубачъ, закуривая папироску.—Нашелъ и я, какъ говорили, хорошее ремесло...

Приложивъ трубкою лѣвую руку къ глазу, онъ правою сдѣлалъ жестъ, будто вертитъ какой-то крохотный предметъ.

— Только скоро мнѣ надоѣло, вотъ я и удралъ, да и сейчасъ еще въ бѣгахъ числюсь... Впрочемъ въ Парижѣ можно и безъ ремесла прожить чудесно; сегодня ты пажъ королевы или убиваешь адмирала Колиньи, завтра продаешь лучшій въ мірѣ клей, чего еще надо!

И онъ побарабанилъ пальцами по ящику, стоявшему рядомъ на стулѣ. Позавтракавъ, снова повѣсилъ ящикъ черезъ плечо и повелъ товарища смотрѣть другіе мосты, ботаническій садъ, дикихъ звѣрей, которыхъ не преминулъ подразнить.

Вернулись они другою дорогой. Порядочно проголодавшись, наши пріятели опять угостились буженіною, съ горячимъ картофелемъ на прибавку, затѣмъ отправились въ театръ и, нарядившись въ шелкъ и бархатъ, стали изображать пажей.

На этотъ разъ все шло какъ по маслу. Королевская свита съ благороднымъ достоинствомъ продефилировала въ полнѣйшемъ порядкѣ по сценѣ. Этьенъ, очень довольный, что представленіе сошло для него

благополучно, познакомился съ нѣкоторыми статистами, и, между прочимъ, и съ рыжимъ палачемъ.

У этого палача, когда онъ снималъ рыжую бороду и страшныя насупленныя брови, была самая простодушная ребячья физіономія. По ремеслу онъ былъ слесарь и имѣлъ большую семью. Жена его уже третій мѣсяцъ хворала и жила въ деревнѣ у родныхъ, вотъ и приходилось слесарю, чтобы какъ-нибудь свести концы съ концами, изображать каждый вечеръ въ театрѣ палача. Своею неопытностью и безпомощностью Этьенъ возбудилъ въ немъ участіе, онъ и пригласилъ мальчугана зайти когда-нибудь къ нему въ тупичекъ Тилльель д. 17 предмѣстья Бельвиль.

Они вышли вмѣстѣ изъ театра. Простившись, Этьенъ направился домой; его очень безпокоило, что сталось съ Кабаратомъ, который какъ ушелъ изъ гостинницы, такъ словно въ воду канулъ. На углу бульвара Этьенъ снова встрѣтился съ Трубачемъ.

— Пойдемъ, ужинать – предложилъ Трубачъ.

— Нѣтъ, спасибо, иду домой спать.

— Что за фантазія! Еще нѣтъ двѣнадцати, а въ Парижѣ куры и тѣ садятся на нашестъ не раньше двухъ часовъ утра.

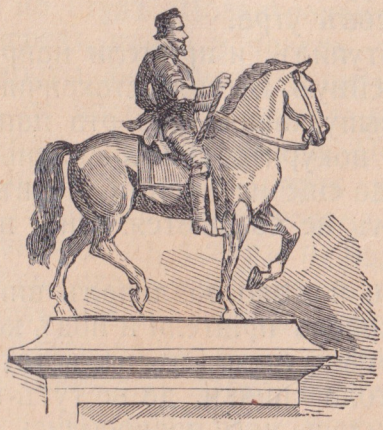
Этьенъ уступилъ, и пріятели направились въ небольшую кофейную. Выпили стаканчикъ-другой вина; Трубачъ не выпускавшій изо рта папиросы, предложилъ Этьену покурить. Нашъ маленькій деревенскій житель никогда еще не курилъ, но въ четырнадцать лѣтъ въ этомъ не сознаются. Онъ взялъ папиросу и затянулся.

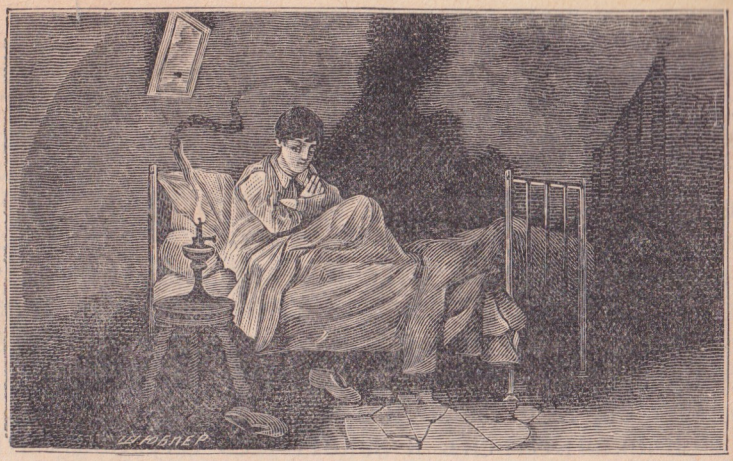
Трубачъ то и дѣло подливалъ вина. Пили, пили, чокались, чокались пріятели и подъ конецъ совсѣмъ охмѣлѣли. Хотѣлъ было Этьенъ встать, чтобы взять съ другого стола спички, да не тутъ-то было, голова у него закружилась, ноги подкосились, и онъ съ громкимъ смѣхомъ тяжело опустился на стулъ.

Когда настало время закрывать кофейную, нашихъ пріятелей выпроводили. И вотъ они на бульварѣ. Трубачъ, и самъ сильно подъ хмѣлькомъ, поддерживалъ весело хохотавшаго Этьена, у котораго ноги совершенно отказывались служить.

— Его нельзя бросить одного, — разсуждалъ самъ съ собою Трубачъ.—Онъ того и гляди расхохочется въ лицо полицейскому, и тогда не миновать ему бѣды.

Къ счастью, онъ вспомнилъ, что Этьенъ говорилъ ему про гостинницу Дофине, которая была близехонько отъ кофейной; кое-какъ Трубачъ дотащилъ Этьена и, не раздѣвая, положилъ на постель. Этьенъ тотчасъ же захрапѣлъ, а Трубачъ зажегъ свѣчу и сталъ шагать по комнатѣ. Блуждая мутными глазами по голымъ стѣнамъ, по спящему товарищу, онъ замѣтилъ серебряную цѣпочку, блестѣвшую изъ подъ его блузки. Глаза Трубача сверкнули; онъ протянулъ руки и мигомъ отцѣпилъ цѣпочку съ часами, потомъ, затаивъ дыханіе, осторожно отворилъ дверь и, крадучись, на цыпочкахъ выбрался изъ комнаты.





VIII.

Знатная покровительница.

Проснулся Этьенъ на другой день усталый, больной, съ тяжелою, словно свинцомъ, налитою головой и еле-еле поднялся съ постели. Сталъ онъ мочить себѣ голову холодною водою, но и вода его не освѣжила.

Солнышко веселымъ яркимъ свѣтомъ освѣщало комнату. «Который-то теперь часъ?» подумалъ Этьенъ, полѣзъ за часами, а часовъ и слѣдъ простылъ. Онъ обшарилъ всѣ карманы въ жилеткѣ, перетрясъ постель, заглянулъ подъ стулъ, подъ кровать, но часы, какъ въ воду канули. Куда же, однако, они дѣвались? И почему онъ не успѣлъ раздѣться, а какъ легъ въ постель, такъ и проспалъ всю ночь.

Мало по малу онъ припомнилъ, что наканунѣ вечеромъ ужиналъ съ Трубачемъ въ кофейной. Но какъ же онъ попалъ домой?.. Такъ, такъ! папироска... вино... Ужъ не выпилъ ли онъ лишняго?.. Ну, такъ и есть, былъ тотъ грѣхъ.

Какъ ему стало стыдно, какъ онъ презиралъ себя. Не дай Богъ, чтобъ Тереза, тетя Агита, дѣдушка,

маленькій Жакъ узнали когда-нибудь, какъ онъ кутилъ въ кофейной. Да, видно недаромъ предостерегала его добрая Томассенъ изъ Сонанкура!.. А часы, доставшіеся ему по наслѣдству отъ отца, которыми онъ такъ дорожилъ,—гдѣ они, куда дѣвались? Что онъ скажетъ, когда о нихъ спросятъ дома? Такъ мучительно укорялъ Этьена внутренній голосъ, что онъ не выдержалъ, закрылъ лицо руками и горько заплакалъ. «Что я надѣлалъ, что я надѣлалъ!—твердилъ онъ.—Жалкое я, презрѣнное созданіе! Не глядѣли бы мои глаза на свѣтъ Божій!»

Поплакалъ Этьенъ и захотѣлось ему подѣлиться своимъ горемъ съ кѣмъ-нибудь изъ близкихъ. «Милая моя, дорогая сестрица, какой скверный, дурной мальчишка твой братъ,—началъ онъ письмо къ Терезѣ.—Дорогая моя Терезочка, какъ я несчастливъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, не стану ихъ разстраивать!—сказалъ онъ и отбросилъ бумагу.—Я и безъ того причинилъ имъ, бѣднымъ, не мало горя своимъ уходомъ. Мнѣ слѣдуетъ не огорчать ихъ, а утѣшать, радовать моими письмами.

Онъ снова принялся искать свои часы. «Да куда же они дѣвались?—недоумѣвалъ онъ. — Потерялъ-ли я ихъ, или у меня ихъ украли?»

У него не хватало духа винить въ этомъ Трубача, но онъ далъ себѣ слово не встрѣчаться больше съ нимъ и не заглядывать въ театръ Портъ-Сенъ-Мартенъ.

Но что теперь предпринять. Гдѣ найти заработка?

Тутъ онъ вспомнилъ о добрякѣ-слесарѣ, что каждый вечеръ игралъ роль палача въ Портъ-Сенъ-Мартенѣ и, не долго думая, поспѣшилъ въ Бельвиль. Только передъ домомъ № 17 въ тупичкѣ Тилль Этьенъ сообразилъ, что явился рановато, и слесарь навѣрное не пришелъ еще съ работы.

— Дома слесарь Ландри? — спросилъ онъ наудачу привратницу.

— Дома. Въ шестомъ этажѣ, направо.

Палачъ былъ дома и исполнялъ роль сидѣлки. Его шестилѣтняя дочка, добрая, славная дѣвочка, вздумала было наканунѣ помыть посуду, чтобы порадовать папу, какъ она думала, да не остереглась, опрокинула лоханку съ кипяткомъ и обварила себѣ ноги. Не на радость вернулся вчера изъ театра бѣдняга домой.

Въ комнатѣ царилъ страшный безпорядокъ: на пыльныхъ стульяхъ валялись платье и бѣлье, на полу—посуда и разная хозяйственная утварь. Сразу было видно, что глазъ матери-хозяйки отсутствуетъ здѣсь.

Разсказалъ слесарь Этьену про свою бѣду и, подавая дочкѣ пить, спросилъ: „А тебя нужда какая что ль загнала ко мнѣ?»

— Да вотъ пришелъ спросить не возьметъ-ли меня вашъ хозяинъ въ мастерскую? — отвѣтилъ Этьенъ.

— Гм!.. Время-то теперь тихое, въ ученикахъ не очень нуждаются... впрочемъ, поговорить можно. Загляни какъ-нибудь денька черезъ два-три.

— Отчего и не заглянуть, только ждать мнѣ никакъ нельзя!—И Этьенъ разсказалъ, что его привело въ Парижъ и какъ ему трудно здѣсь живется.

— Ты славный мальчикъ,—проговорилъ Ландри, выслушавъ Этьена и, подумавъ немного, добавилъ: я увѣренъ, что твой покойный отецъ, живя въ Парижѣ, имѣлъ, какъ художникъ, знакомство съ богатыми, знатными господами. Припомни-ка.

— Помнится мнѣ, что папа давалъ уроки одной богатой барышнѣ Довилье,—она жила въ большомъ, красивомъ домѣ. Не разъ меня водилъ туда папа.

— А гдѣ этотъ домъ?

— Въ предмѣстьи Отёль... Улицы не припомню, а покажи мнѣ домъ сразу бы узналъ.

— Такъ не теряй же понапрасну времени и сту-

пай въ Отёль. У Тюльери сядешь на пароходъ и доѣдешь за три су.

Пароходъ! Да онъ на пароходѣ какъ разъ и ѣздилъ въ предмѣстье съ отцемъ,—ему тогда было пять лѣтъ. Онъ хорошо помнитъ живописные берега, помнитъ, какой тамъ былъ чудесный чистый воздухъ.

Этьенъ быстро направился къ Сенѣ и сѣлъ на пароходъ. Мимо его замелькали памятники, набережныя, Елисейскія Поля—все знакомыя мѣста. Пароходъ сталъ приближаться къ предмѣстью Отёль. Отрадно стало на душѣ у Этьена при мысли, что онъ вотъ-вотъ увидитъ ту, которая знавала его отца. Онъ какъ сейчасъ видитъ передъ собою госпожу Довилье, высокую, красивую даму, которая ласкала его и давала гостинцы.

Но вотъ и Отёль со своими великолѣпными домами. Съ полчаса походилъ Этьенъ по улицамъ, внимательно приглядываясь къ каждому дому и, наконецъ, остановился. Ну, такъ и есть, это тотъ самый домъ. Тотъ же фасадъ, та же дверь, тотъ же палисадникъ... Сомнѣній нѣтъ, это онъ!

Этьенъ дернулъ за ручку звонка, блестѣвшую, какъ золото. Раздался громкій внушительный звонокъ. Страхъ и волненіе овладѣли маленькимъ просителемъ. Оглядѣлъ онъ себя, и стыдно ему стало за свою холщевую блузу, за грязные стоптанные башмаки. Что онъ скажетъ красивой барынѣ? Она, быть можетъ, давнымъ-давно забыла про своего бывшаго учителя живописи. Его такъ и подмывало убѣжать, но дверь открылась и на порогѣ появилась хорошенькая, кокетливо причесанная молодая дѣвушка въ бѣломъ передникѣ, обшитомъ кружевами, и такъ внимательно оглядѣла его съ головы до ногъ, что Этьенъ смутился и покраснѣлъ, затѣмъ, разспросивъ его, побѣжала наверхъ по устланной ковромъ лѣстницѣ.

— Я сейчасъ поведу гулять Нинетту; скажи ему минуточку подождать,—донесся до Этьена сверху громкій голосъ.

— Присядь здѣсь на скамеечкѣ,—сказала дѣвушка, сбѣжавъ внизъ; —барышня сейчасъ выйдутъ.

Онъ сѣлъ и сталъ ждать. Минутка растянулась въ добрыхъ полчаса. Отъ скуки Этьенъ принялся разсматривать старинные тканые обои, фаянсовыя вазы, японскій фонарь и бездѣлушки, украшавшія стѣны. Прихожая была высокая, просторная и освѣщалась окномъ съ расписными стеклами.

— Что за красота, что за роскошь!—думалъ нашъ деревенскій мальчуганъ.—Какъ счастливы должны быть богатые люди! Ужъ ихъ то навѣрное не заставляютъ по дѣлымъ часамъ дожидаться въ передней.

Но вотъ зашуршало по ковру шелковое платье и, кто-то тяжело переводя духъ, сталъ медленно спускаться по лѣстницѣ.

— Наконецъ то, но почему она такъ задыхается,— подумалъ Этьенъ, всталъ и снялъ фуражку.

Онъ увидѣлъ высокаго роста даму, смуглую, съ темными, чуть чуть тронутыми сѣдиной, волосами и съ маленькими черными усиками. Мелькомъ взглянувъ близорукими глазами въ ту сторону, гдѣ Этьенъ стоялъ въ почтительной позѣ, она сняла съ крючка широкополую шляпу и надѣла ее, потомъ громко позвала:

— Ну, Нинетта, двигайся скорѣе! Экая маленькая лѣнтяйка!

Тяжело дышавшая Нинетта остановилась на лѣстницѣ, чтобы перевести духъ. На зовъ хозяйки она кубаремъ скатилась на соломенный матъ, и Этьенъ увидѣлъ не то клубокъ бѣлой шерсти, не то шаръ, похожій на англійскую муфту. Клубокъ былъ не такъ близорукъ, какъ его хозяйка. Замѣтивъ тотчасъ чужаго, Нинетта принялась сердито

ворчать, потомъ хрипло залаяла, какъ лаютъ игрушечныя собаченки.

Г-жа Довилье оглянулась, осѣдлала горбатый носъ пенсне на черномъ шелковомъ шнурочкѣ и добродушно сказала: «А я то совсѣмъ и забыла про васъ». Затѣмъ, внимательно всмотрѣвшись въ Этьена, прибавила: „А, вѣдь, ты вылитый портретъ отца. Какъ онъ поживаетъ?“

— Онъ умеръ.

— Ахъ, да... Я забыла. Бѣдный Жильберъ! Прекрасный былъ человѣкъ, умный, скромный... И такой талантливый... Да помолчи же минуточку, Нинетта! Сейчасъ пойдемъ, голубка моя, въ садъ... Иди и ты съ нами, дружокъ!

Они прошли черезъ красивую гостинную съ свѣтло-сиреневою шелковою мебелью и по небольшой лѣстницѣ въ нѣсколько ступенекъ сошли въ садъ.

— Ну, разсказывай, что тебѣ нужно.

Только Этьенъ сталъ говорить, Нинетта, которой вѣроятно не понравился его голосъ, снова затявкала. Тявкнетъ маленькая злючка и остановится, чтобы духъ перевести.

— Ну, полно, полно, голубка моя, не сердись! — останавливала ее Довилье.—Продолжай, мальчуганъ, я слушаю!

Но продолжать не было никакой возможности. Одышливая собаченка бѣсилась, давилась, пыхтѣла; казалось, она вотъ-вотъ лопнетъ. Ея хозяйка встревожилась не на шутку.

— Хорошо, мальчуганъ, я понимаю, что тебѣ нужно,—обратилась она къ Этьену.—Ты хочешь обучиться какому-нибудь ремеслу—это похвально... но... не рано ли, тебя отъ земли совсѣмъ не видать .. Впрочемъ, посмотримъ, можетъ быть, что-нибудь и устрою для тебя.

Она взяла разсвирипѣвшую собаченку на руки и

направилась къ крыльцу. Тутъ поджидала ее горничная и сказала, что принесли какую-то раму.

Барыня попросила Этьена погулять минуточку по саду, а сама пошла домой. Черезъ четверть часа она вернулась и сказала:

— Сейчасъ хлопотала за тебя. Ступай къ позолотчику Папильону въ улицу Тифенъ № 25, въ Гренеллѣ и скажи, что я тебя прислала; ему нуженъ ученикъ.

Она внимательно поглядѣла на Этьена въ лорнетку и сказала: „Окажи и ты мнѣ теперь услугу. Мнѣ хочется написать твою голову, такъ послужи мнѣ моделью".

Они поднялись въ мастерскую художницы втроемъ, — третьей была Нинетта. Ее, запыхавшуюся и еле переводившую духъ, положили передъ каминомъ на зеленую бархатную подушку, отороченную бахромою съ розовыми кистями. Этьенъ съ восхищеніемъ глядѣлъ на красивые обои, статуи, картины, бархатную и атласную мебель; его поражали блескъ и роскошь обстановки.

Барышня поставила натурщика въ позу; она писала мальчика-итальянца, продающаго апельсины. Работала художница молча, Этьенъ тоже ничего не говорилъ, не слышно было и деревяннаго игрушечнаго голоса маленькой злючки,—она повидимому спала. Цѣлый часъ продолжался сеансъ, а когда кончился, художница достала изъ кармана золотую монету въ десять франковъ и, видимо довольная своею работою и маленькимъ натурщикомъ, сказала, протягивая ему деньги:

— Вотъ возьми, дружокъ. Большое тебѣ спасибо!

Этьенъ сконфузился и сталъ было отказываться. Она настаивала, и такъ какъ у мальчугана не было ни сантима, онъ, скрѣпя сердцемъ, взялъ золотой. На прощанье она еще разъ повторила ему адресъ позолотчика Папильона.

Невесело было у Этьена на душѣ, когда онъ уходилъ отъ бывшей ученицы своего отца; онъ хорошо понималъ, что она только вѣжливо отдѣлалась отъ него. Не теряя времени, онъ поспѣшилъ на улицу Тифенъ. Тамъ въ домѣ подъ № 25, онъ дѣйствительно нашелъ магазинъ позолотчика. На окнѣ стояли и висѣли запыленныя рамы, а на вывѣскѣ надъ дверью было крупными буквами выведено: «Продажа и золоченіе рамъ», а внизу: «Папильонъ».

Онъ отворилъ дверь. Колокольчикъ звякнулъ, и изъ за перегородки выглянула молодая женщина съ соннымъ, апатичнымъ выраженіемъ лица.

— Что нужно?—спросила она.

Снявъ фуражку, Этьенъ сказалъ, кто онъ и зачѣмъ пришелъ. Женщина позвала его за перегородку. Тамъ какъ разъ обѣдали. На столѣ, кое-какъ накрытомъ, безъ скатерти, стояла кострюля съ бобами, тюричекъ съ жаренымъ картофелемъ, огромный салатникъ, полный до верху салатомъ, и у одного изъ приборовъ игрушечный барашекъ изъ картона.

— Дуду, прочь лапки!—прикрикнулъ г-нъ Папильонъ на свою трехлѣтнюю дочурку, которая безцеремонно теребила правою рукой тюричекъ съ картофелемъ, а лѣвой нажимала пружину барашка, громко блеявшаго: бэ! бэ! бэ!

— Еще новая Нинетта!—подумалъ Этьенъ.

Но Дуду и ухомъ не повела. Продолжая громко кричать, она попрежнему теребила тюричекъ съ картофелемъ и изо всѣхъ силъ нажимала барашка.

Позолотчикъ Папильонъ, толстый плотный мужчина съ веселымъ, жизнерадостнымъ выраженіемъ лица, поглядѣлъ съ полминуты на стоявшаго въ дверяхъ Этьена и спросилъ:

— Тебя прислала ко мнѣ г-жа Довилье?

— Такъ точно, сударь!

— Присядь, мальчуганъ, поговоримъ!.. Мнѣ, правда, нуженъ ученикъ. Вотъ условія: столъ, квартира, стирка—мои; жалованье первые шесть мѣсяцевъ получать не будешь... Да замолчи же, Дуду!.. Затѣмъ годъ по пяти франковъ въ недѣлю, слѣдующій годъ—подмастерьемъ отъ семи до двѣнадцати су въ часъ... Зизи, да уйми же ребенка!—обратился онъ къ женѣ, которая было открыла ротъ, но только для того, чтобы запихнуть туда жареную картошку...— Обыкновенно хозяева берутъ учениковъ въ ученье на два, или на два съ половиною года. Но, зная твою исторію, сдѣлаю исключеніе... Ты сынъ художника, я тоже не изъ простыхъ... Обижать мы тебя не будемъ... Итакъ, по рукамъ?

— Да, сударь!—согласился Этьенъ. Ему очень понравился толстякъ хозяинъ, да и условія контракта показались подходящими.

— Зизи, поставь-ка приборъ, мальчикъ-то не завтракалъ!.. Да не шуми же такъ, Дуду, говорятъ тебѣ!

Но Дуду ни за что не хотѣла угомониться. Въ ушахъ звенѣло отъ ея криковъ и блеянья барашка.

Зизи медленно встала и, не спѣша, поставила на столъ приборъ. Усѣвшись между отцемъ и дочкою, Этьенъ улыбнулся дѣвочкѣ. Та въ восторгѣ, что на нее обратили вниманіе, стала весело смѣяться.

Дуду была маленькая тщедушная дѣвочка съ бѣлыми, словно льняными волосами, падавшими прямыми прядами на ея голубые плутовскіе глазенки; они чуть-чуть косили и потому, когда Дуду смотрѣла на что-нибудь, то преуморительно склоняла на бокъ голову. Она не переставая гримасничала своимъ крохотнымъ ротикомъ, отчего ея запачканная рожица становилась еще комичнѣе. Участливое отношеніе позолотчика тронуло Этьена и, онъ, глядя на обезьяньи ужимки Дуду, все время улыбался.

Очень довольная своимъ успѣхомъ, мадемуазель Дуду стала еще болѣе изощряться въ разныхъ шалостяхъ. Она растерла кусочекъ сыра между пальцами и вымазала ротъ своему новому пріятелю, потомъ тѣми же грязными пальцами принялась его дергать за волосы. Мать не останавливала дочку; казалось, одно усиліе открыть ротъ уже утомляло ее, а отецъ нѣтъ-нѣтъ повторялъ машинально, словно барашекъ свое бэ: „да полно же, Дуду, полно“!

А та не унималась, пока не заснула тутъ же за столомъ.

— И такъ до завтра, мальчуганъ, приходи между десятью и одинадцатью,—сказалъ хозяинъ и вышелъ изъ комнаты. Собрался было и Этьенъ уходить, но мадамъ Зизи попросила его помочь убрать со стола, потомъ сходить на конецъ улицы за водою, а тамъ проснулась Дуду и пришлось съ нею заняться. Только поздно вечеромъ, когда дѣвочка снова заснула, Этьена отпустили домой.

Художница работала молча... (стр. 53).

IX.

Пьеръ Томассенъ.

Слава Богу, работа, наконецъ, нашлась! Теперь конецъ мытарствамъ, начнется новая прекрасная жизнь! И какое благородное ремесло—быть позолотчикомъ!

Вернувшись въ гостинницу, Этьенъ сталъ перебирать въ памяти все, что случилось съ нимъ со времени его ухода изъ Ламарлета: скитанія по большимъ дорогамъ, голодъ и холодъ, ночевка съ мышами въ скирдѣ хлѣба, потомъ—знакомство съ старушкою Томассенъ, Кабаратомъ, Трубачемъ, спектакль въ театрѣ Портъ-Сенъ-Мартенъ, наконецъ, пирушка въ кабачкѣ, послѣ которой пропали часы—часы его покойнаго отца! Увы! никакіе милліоны не замѣнятъ ихъ.

Одно это печальное происшествіе только и омрачало его радость. А какъ было ему не радоваться! Въ какихъ-нибудь десять дней ему удалось хорошо пристроиться въ Парижѣ и найти себѣ работу по душѣ.

— Завтра, какъ встану, сейчасъ напишу домой,—думалъ онъ.—Мои, навѣрное, всѣ глаза обо мнѣ

проплакали. Пока писать было нечего, не могъ же я огорчать ихъ дурными вѣстями.

Этьенъ долго не могъ заснуть. Было далеко за полночь, когда онъ наконецъ забылся. Вдругъ сильный стукъ въ дверь заставилъ его открыть глаза.

— Кто тамъ?

— Я!—послышался отвѣтный возгласъ. Этьенъ узналъ голосъ Трубача. Послѣ минутнаго колебанія онъ всталъ, зажегъ свѣчу и отворилъ дверь.

Вошелъ его пріятель; лицо его поразило Этьена своею блѣдностью.

– Здравствуй! Куда ты пропалъ? Отчего не былъ въ театрѣ?

— Я больше туда не пойду! - ледянымъ тономъ отвѣтилъ Этьенъ.—Это занятіе не по мнѣ, да къ тому же я и мѣсто себѣ нашелъ,—къ позолотчику въ ученіе поступилъ.

— Вотъ какъ!- протянулъ Трубачъ, озабоченно шагая по комнатѣ.—А ты вчера здорово напился,—продолжалъ онъ съ дѣланнымъ смѣхомъ;—еслибъ не я—ночевать бы тебѣ въ участкѣ.

— Такъ это ты привелъ меня домой?—насторожившись, спросилъ Этьенъ.

— Нѣтъ. это король Генрихъ IV бережно доставилъ господина пажа домой и уложилъ его бай-бай въ постельку... Ха! Ха! и хорошъ же ты былъ вчера!—засмѣялся онъ неестественнымъ смѣхомъ.

Этьенъ молчалъ. лицо его попрежнему было холодно и сурово. Съ полъ-минуты они глядѣли другъ на друга.

— Для меня наша пирушка окончилась очень печально, я остался безъ часовъ,—сказалъ Этьенъ, не спуская глазъ съ Трубача; тотъ отвернулся и снова зашагалъ по комнатѣ.

— Ужъ не хочешь ли сказать, что ихъ у тебя украли?

— Нѣтъ. Я, быть можетъ, самъ потерялъ ихъ. Но они мнѣ были особенно дороги, какъ память о покойномъ отцѣ.

Подойдя къ окну, Трубачъ сталъ барабанить пальцемъ по стеклу. Потомъ смертельно блѣдный медленно подошелъ къ кровати, на которую снова улегся Этьенъ.

— Вотъ возьми,—чуть слышно произнесъ онъ задыхающимся голосомъ и опустилъ руку въ карманъ,—вотъ твои часы! Это я ихъ взялъ... У меня шумѣло въ головѣ отъ вина, а ты лежалъ, какъ мертвый, увидалъ я блестѣвшую цѣпочку и соблазнился... И такъ это меня мучило, что я всю ночь глазъ сомкнуть не могъ. А какъ всталъ, все мнѣ кажется, что вотъ-вотъ нагрянетъ полиція. Измучился совсѣмъ... Уже два раза заходилъ къ тебѣ, да все дома не заставалъ.

А Этьенъ глядѣлъ на часы и не помнилъ себя отъ радости.

— Спасибо, другъ,—промолвилъ онъ,—вотъ это ты благородно поступилъ.

— Я, видишь ли, не воръ,—взволнованно заговорилъ опять Трубачъ.—Я изъ хорошей честной семьи, и всѣ Томассены изъ Сонанкура могутъ ходить съ высоко поднятою головой,—имъ жандармы не страшны...

— Томассенъ! Ты—Пьеръ Томассенъ, внукъ Катерины Томассенъ изъ Сонанкура?

Посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ Трубачъ и кивнулъ головою.

— Да, вѣдь, я знаю твою бабушку. Она пріютила меня на ночь, я спалъ въ твоей кровати... Вотъ-то она будетъ рада!

У Трубача, который, въ сущности, былъ гораздо лучше, чѣмъ казался, блеснули на глазахъ слезы.

— Зачѣмъ она только отдала меня въ такое ремесло, гдѣ день-денской надо сидѣть съ лупою

на глазу, какъ съ горчишникомъ. Вотъ я и удралъ. Не могу я торчать на одномъ мѣстѣ, мнѣ нужно движеніе.

— Но, вѣдь, есть такія занятія, гдѣ можно двигаться сколько угодно!—замѣтилъ Этьенъ.

— Напримѣръ?

— Да хоть торгуя въ разносъ. А тебѣ это дѣло знакомо, ты уже не разъ продавалъ на мостахъ лучшій въ мірѣ клей... Вотъ это дѣло какъ разъ по тебѣ.

— Торговцемъ въ разносъ!—повторилъ Трубачъ, почесывая за ухомъ.

— Будетъ тогда гдѣ поразмять ноги,—продолжалъ Этьенъ.—Иди себѣ, куда хочешь, отъ деревни до деревни, солнышко тебя грѣетъ...

— Дождь тебя мочитъ,—вставилъ, смѣясь, Трубачъ.

— А то какъ-нибудь вечеркомъ завернешь къ бабушкѣ Катеринѣ, бросишься ей на шею...

— Бѣдная старушка!—вздохнулъ Трубачъ.

— И дашь ей слово опять скоро вернуться.

— Фью-ю-ю!—свистнулъ Пьеръ Томассенъ.—Все это очень заманчиво... Можно бы погулять по бѣлу-свѣту не хуже иного богача, лишь бы котомка не слишкомъ оттягивала плечъ... По правдѣ сказать, порядкомъ надоѣло мнѣ каждый вечеръ отправлять на тотъ свѣтъ адмирала Колиньи и выбрасывать его изъ окна, не прочь бы я заняться другимъ дѣломъ. Но для того дѣла, о которомъ ты говоришь, нуженъ товаръ, а чтобы имѣть товаръ надо...

И, сложивъ пальцы въ щепотку, онъ потеръ ими другъ о друга.

Подумалъ Этьенъ минутку и спросилъ:

— А нельзя ли здѣсь гдѣ-нибудь заложить часы?

— У тетки можно.

— У тетки? У тебя есть тетка въ Парижѣ?

— Она такая же тетка тебѣ, какъ и мнѣ; она

кому хочешь тетка. Теткою у насъ зовется ссудная касса.

— Ладно, пойдемъ къ теткѣ и заложимъ часы. Что дадутъ за нихъ, возьмешь себѣ, а какъ заработаешь—возвратишь мнѣ долгъ, а я выкуплю часы.

Трубачъ былъ тронутъ до слезъ и отвернулся, чтобы скрыть свое волненіе. Они пожали другъ-другу руки и уговорились на слѣдующій день снова встрѣтиться въ десять часовъ утра у ссудной кассы. Утромъ, прежде чѣмъ пойти къ условленному мѣсту, Этьенъ написалъ письмо въ Ламарлетъ.

Въ трогательныхъ выраженіяхъ онъ умолялъ простить его за самовольный уходъ изъ дома и объяснялъ, почему такъ долго не давалъ о себѣ вѣстей. Теперь онъ устроился, будетъ заниматься прибыльнымъ, благороднымъ ремесломъ и съ сегодняшняго дня становится на работу. Похвалы позолотному ремеслу, г-ну Папильону и выгоднымъ условіямъ, на которыхъ онъ поступилъ, заняли двѣ страницы. Онъ подробно разсказалъ о своемъ путешествіи, о Парижѣ, о посѣщеніи г-жи Довилье, но не словомъ не обмолвился ни о театрѣ Портъ-Сенъ-Мартенъ, ни о пажѣ королевы Наварской, ни объ отцовскихъ часахъ. Онъ хотѣлъ, чтобы его письмо принесло роднымъ только радость и утѣшеніе.

Опустилъ Этьенъ письмо въ ящикъ и въ назначенный часъ подходилъ къ условленному мѣсту, гдѣ его уже поджидалъ Трубачъ. Наши пріятели отправились въ кассу ссудъ; ни тотъ, ни другой отродясь еще не бывали въ ней. Низкій, сырой залъ, такой темный, что даже днемъ приходилось зажигать лампы, показался имъ настоящимъ погребомъ. Залъ былъ биткомъ набитъ народомъ; особенно много было бѣдно-одѣтыхъ женщинъ съ блѣдными, истощенными лицами. Всѣ пришли съ узлами; у многихъ на рукахъ былъ еще и ребенокъ. Рѣшетка

отдѣляла публику отъ четырехъ служащихъ; они сидѣли за высокими конторками и что-то записывали. Двое другихъ подлѣ маленькаго окошечка принимали вклады. Вкладчики по очереди подходили къ окошечку и подавали свои вещи; немного погодя, громкій голосъ спрашивалъ:

— Три франка за двѣ простыни, согласны?

— Согласенъ, давайте деньги!—отвѣчалъ закладывающій.

А иной разъ тотъ же голосъ сердито говорилъ: «Бѣлье старое,—въ залогъ принять нельзя!»

И бѣдная мать, съ ребенкомъ на рукахъ, уходила, понуря голову.

Настала очередь и нашихъ пріятелей. Трубачъ развязно протянулъ часы въ окошечко,—Этьену было не дотянуться до него, да и толпившійся вокругъ народъ смущалъ его.

— Открытые золотые часы—тридцать пять франковъ! Хотите?

— Давайте!—поспѣшилъ отвѣтить Трубачъ и съ довольной улыбкой оглядѣлъ сосѣдей. Пока все шло, какъ по маслу. Но кассиръ, прежде чѣмъ отсчитать тридцать пять франковъ, спросилъ:

— Это ваши часы?

— Нѣтъ, не мои, а господина. . господина Этьена Жильбера; онъ и самъ здѣсь,—отвѣтилъ Трубачъ, указывая рукою на пріятеля.

Хотя „господинъ Этьенъ Жильберъ“ и вытянулся на цыпочкахъ, какъ пѣтухъ на шпорахъ, но всежъ его маленькая фигурка повидимому не внушила довѣрія кассиру и онъ, окинувъ его подозрительнымъ взглядомъ, спросилъ:

— У тебѣ есть разрѣшеніе родителей заложить часы?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Этьенъ, смутившись.—Часы—мои.

— Приведи сюда родителей или двухъ законныхъ свидѣтелей, тогда получишь залогъ.

— Скажите, пожалуйста, двухъ законныхъ свидѣтелей!—развелъ руками пажъ королевы Наварской.

— Такъ позвольте получить мои часы обратно?—растерянно сказалъ Этьенъ.

— Вотъ тебѣ квитанція, а часы пока здѣсь останутся—отвѣтилъ кассиръ, подавая бумажку.

— Говорите, гдѣ живете, я запишу.

Этьенъ сказалъ. Трубачъ протестовалъ, кричалъ что-то о несправедливости. Ихъ выпроводили. Какой-то господинъ въ старомъ изношенномъ платьѣ, дожидавшійся своей очереди, чтобы заложить фракъ, который болтался у него на рукѣ, объяснилъ нашимъ друзьямъ, что эти предосторожности необходимы, такъ какъ частенько въ кассу приносятъ въ залогъ краденыя вещи.

Этьенъ былъ въ отчаяніи. Онъ опять лишился своихъ милыхъ часовъ! Мало того, его еще воромъ ославятъ... Не такъ-то, вѣдь, легко найти свидѣтелей!

Думалъ, думалъ, Трубачъ, потомъ его озарило:

— Пойдемъ къ тебѣ въ гостинницу! — сказалъ онъ, и оба отправились въ улицу Дофине. Вызвавъ хозяина гостинницы, Трубачъ разсказалъ ему о случившемся и далъ понять, что Этьенъ закладывалъ свои часы только затѣмъ, чтобы расплатиться съ нимъ, хотя прекрасно зналъ отъ самаго Этьена, что у того въ карманѣ десять франковъ, сумма болѣе чѣмъ достаточная, чтобы заплатить по счету.

Не желая терять своихъ денегъ, хозяинъ охотно согласился быть свидѣтелемъ; мало того, раздобылъ и втораго свидѣтеля,—колбасника, жившаго на углу улицы. Всю дорогу Трубачъ дурачился; онъ не отходилъ отъ колбасника и увѣрялъ, что наслаждается, вдыхая чудный запахъ любимыхъ колбасъ и сосисокъ, которыми тотъ былъ будто бы пропитанъ.

Въ ссудной кассѣ дѣло сразу пошло на ладъ. Этьенъ получилъ свои тридцать пять франковъ, которые тутъ же и вручилъ пріятелю. Трубачъ отсчиталъ ему пять франковъ и сказалъ:

— Непремѣнно отправляйся къ твоему позолотчику въ омнибусѣ; это подыметъ тебя въ ихъ глазахъ. А гдѣ онъ живетъ?

— Улица Тифенъ, № 25.

— Такъ и запишемъ. А я пойду сейчасъ куплю товару, да напишу старушкѣ-бабушкѣ. До свиданія!

Этьенъ крѣпко пожалъ ему руку.

— Да ты никакъ плакать собрался?—сказалъ Трубачъ и, ткнувъ шутливо въ лицо Этьена пальцемъ, прибавилъ, смѣясь, хотя голосъ его слегка дрожалъ: «Экую похоронную мину состроилъ! Ну, прощай, старина; ты славный малый!

Онъ круто повернулся на каблукахъ, приложилъ руки ко рту и, убѣгая, затрубилъ бравурный маршъ.

X.

Баловница Дуду.

Было уже двѣнадцать часовъ, когда Этьенъ на другой день пришелъ въ магазинъ позолотчика. Г-жа Папильонъ съ еще болѣе апатичнымъ лицомъ, чѣмъ наканунѣ, полулежала на сильно поддержанной облупленной кушеткѣ; маленькая Дуду, непричесанная, немытая и неодѣтая, вертѣлась вокругъ неубраннаго со вчерашняго дня стола, спокойно брала рюмку за рюмкой, подносила къ розовому ротику и выпивала остатокъ ликера. Этьену она очень обрадовалась, подбѣжала къ нему съ кокетливыми ужимочками и, подобравъ съ пола окурки, любезно предложила ихъ гостю.

Этьенъ спросилъ гдѣ мастерская.

— Мастерская!—протянула позолотчица, какъ бы пробуждаясь отъ сна.—Въ мастерской нѣтъ ни души, мужъ и Франсуа ушли въ аукціонный залъ... Пока что, возьми-ка ведерко и сходи за водой.

И она снова погрузилась въ свою обычную полудремоту.

— А куда узелъ положить?—спросилъ нѣсколько опѣшенный этимъ приказаніемъ Этьенъ.

— Клади куда хочешь!—отвѣтила позолотчица, для которой повидимому не существовало правила: „для каждой вещи свое мѣсто".

Осмотрѣвшись въ магазинѣ, Этьенъ бросилъ узелъ подъ прилавокъ, потомъ сходилъ за водою.

— А теперь займись твоею посудой!—обратилась къ нему позолотчица.—Вонъ тамъ лежитъ кухонный передникъ.

Слова „твоей посудой", и „кухонный передникъ" окончательно озадачили Этьена. Онъ никакъ не ожидалъ, что такъ странно начнется его ученіе у позолотчика. Полная растерянность выразилась на лицѣ мальчугана, но хозяйка словно и не замѣчала ее. Дѣлать нечего, пришлось пойти на кухню и приняться за работу. Подернутая жирными блестками вода сразу вызвала въ немъ омерзѣніе и тошноту. О! чтобы сказали тетя Агита и сестренка Тереза, еслибъ увидали своего Этьена въ кухонномъ передникѣ за мытьемъ грязной посуды! А посуды этой набралось за цѣлую недѣлю не мало.

Покончивъ съ мытьемъ посуды, Этьенъ долженъ былъ подмести и убрать магазинъ и сосѣднюю комнату. За этимъ занятіемъ онъ провозился чуть не до двухъ часовъ. Къ этому времени позолотчикъ вернулся домой; равнодушно взглянувъ на подметавшаго полъ ученика, словно такъ и надо было, онъ бросилъ на столъ двѣ золотыя монеты и весело сказалъ:

— Вотъ тебѣ, жена, на обѣдъ... Сегодня у Друо мнѣ удалось найти для графини среди разнаго желѣзнаго хлама нѣсколько совершенно потемнѣвшихъ картинъ—настоящихъ голландцевъ. Съ той поры, что графиня купила у меня Рембрандта,—засмѣялся позолотчикъ,—она признаетъ только тем-

ныя картины, а всѣ темныя картины для нея подлинныя произведенія голландской школы.

При видѣ золота глаза позолотчицы загорѣлись, апатію ея словно рукой сняло.

— Я позвалъ къ намъ сегодня обѣдать упаковщика и Франсуа,—прибавилъ позолотчикъ.

Вся семья наскоро позавтракала. Дуду, нашалившись, накричавшись и измучивъ своими капризами Этьена, тутъ же за столомъ заснула. Мать уложила дочку на кушетку и съ живостью совершенно, казалось, ей несвойственной, сняла со стѣны большую пузатую корзину.

— Посиди съ дѣтюшкой, пока я схожу на рынокъ,—приказала она Этьену, уходя.

Позолотчика тоже давно слѣдъ простылъ. Усѣвшись возлѣ кушетки, на которой сладко спала дѣвочка, Этьенъ спрашивалъ себя: гдѣ и когда работаетъ этотъ непосѣда-позолотчикъ.

Черезъ часъ позолотчица вернулась съ корзиной, до того полной всякой провизіи и фруктовъ, что она казалось вотъ-вотъ лопнетъ. Сама позолотчица послѣ появленія двухъ золотыхъ въ домѣ стала неузнаваема: бѣгала, суетилась, чуть въ плясъ отъ радости не пускалась. Облизываясь, она бережно достала изъ корзины на диво откормленную пулярдку съ нѣжнымъ бѣлымъ мясомъ, вареныхъ яркокрасныхъ раковъ, розовую лососину съ перламутровою чешуею, молочно-бѣлую цвѣтную капусту, крупную чудесную спаржу, клубнику, вишни и нѣсколько бутылокъ вина.

Тутъ проснулась Дуду и первымъ долгомъ набросилась на ягоды. Мать насыпала дочкѣ полные карманы вишень, потомъ кое-какъ обтерла ей полотенцомъ лицо, собрала растрепанные волосы въ сѣтку, и, чтобы не видно было грязнаго платья, надѣла на дѣвочку пальто.

— Поди-ка погуляй съ Дуду до обѣда,—прика-

зала она Этьену;—сведи ее къ мосту въ ближайшій скверъ или куда ей вздумается.

Этьенъ покорно взялъ Дуду за руку, и они отправились. Цѣлыхъ три часа продолжалась прогулка. Смотря по фантазіи мадемуазель Дуду, они то шли, то останавливались, то дѣлали изъ песку пирожки и каравайчики; маленькая баловница, очень довольная своимъ послушнымъ рабомъ, нѣтъ-нѣтъ принималась гладить его по лицу грязными, запачканными въ пескѣ рученками, или съ громкимъ смѣхомъ кидала ему въ глаза песокъ.

Когда они вернулись домой, позолотчица въ ситцевомъ передникѣ стояла передъ плитой и стряпала. Запахъ лука и жаренаго мяса разносился по всѣмъ комнатамъ.

— Вертѣлъ ты когда-нибудь вертелъ?—спросила она ученика.—Нѣтъ?,. Ну, такъ иди, я тебя научу.

Этьенъ поворачивалъ вертелъ, поливалъ пулярдку стекавшимъ съ нея жиромъ, поджаривалъ лососину, рубилъ петрушку, затѣмъ, когда все было готово, накрылъ на столъ. Въ половинѣ седьмого явился позолотчикъ съ гостемъ-упаковщикомъ и подмастерьемъ Франсуа; отъ всѣхъ трехъ порядкомъ-таки несло табакомъ и виномъ.

Хозяйка не успѣла ни сама пріодѣться, ни одѣть дочку. Но Дуду было и не до того; она сидѣла въ магазинѣ и усердно толкла испанскія бѣлила. Когда ее позвали обѣдать, она пришла вся въ бѣлилахъ, съ маленькимъ ведеркомъ, наполненнымъ бѣлымъ порошкомъ и поставила его на столъ.

— Стряхни-ка съ нея мѣлъ! — сказала хозяйка ученику.

Этьенъ обчистилъ дѣвочку. Когда стали садиться за столъ, баловница, въ знакъ своей особой милости, потребовала, чтобы мальчикъ помѣстился рядомъ съ нею. Дѣлать нечего, пришлось повиноваться. Когда подали супъ, мадемуазель Дуду зачерпнула

изъ ведерка полную ложку бѣлилъ и высыпала въ тарелку своего пріятеля.

— Ѣшь!—приказала она и, слегка наклонивъ головку, глядѣла на Этьена косоватыми глазками.

Но такъ какъ Этьенъ не торопился исполнить ея приказанія, она стала кричать: „Ѣшь, ѣшь! Дуду хочетъ, чтобы ты ѣлъ!“

Позолотчикъ съ женою, упаковщикъ, Франсуа,— всѣ молчали и глядѣли на капризницу, а она принялась еще громче кричать.

— Ну, полно, Дуду, перестань! — обратился позолотчикъ къ дочкѣ съ своимъ обычнымъ увѣщеваніемъ.

Куда тамъ! Ставъ краснѣе лежавшихъ передъ нею на тарелкѣ раковъ, Дуду вопила благимъ матомъ, дрыгая руками и ногами:

— Дуду хочетъ, чтобы ты ѣлъ!.. Хочетъ! Хочетъ! Хочетъ!

Наконецъ хозяйка, огорченная слезами своей крошки, сказала:

— Сдѣлай милость, Этьенъ, скушай ложечку,— Дуду и успокоится.

Этьенъ, оглушенный криками дѣвочки, растерянно глядѣлъ на свой супъ, который становился все мутнѣе и бѣлѣе.

— Да бѣлила ничуть не вредны!—замѣтилъ упаковщикъ, которому неистовый крикъ мадемуазель Дуду порядкомъ-таки надоѣлъ.—Ихъ даютъ дѣтямъ вмѣсто слабительнаго.

Позолотчикъ и подмастерье, также выведенные изъ терпѣнія криками дѣвочки, умоляюще глядѣли на несчастнаго Этьена, словно хотѣли сказать: «сдѣлай милость, съѣшь ложечку».

— Одну только ложечку!—уговаривала нѣжная мамаша.—Не бойся, живъ останешься!

Бѣдный Этьенъ съ видомъ мученика зачерпнулъ ложку бѣловатой смѣси, съ отвращеніемъ про-

глотилъ, и, мигомъ почувствовавъ тошноту, убѣжалъ въ кухню.

Дуду и всѣ, кто сидѣлъ за столомъ, такъ и покатились со смѣху.

Когда онъ вернулся въ столовую, Дуду принялась ласкаться къ нему съ лукавою усмѣшечкой, затѣмъ до конца обѣда дурачилась съ нимъ, какъ съ своимъ барашкомъ и куклою, которые лежали тутъ-же на столѣ. Этьенъ не очень-то казался доволенъ обѣдомъ, зато остальные угостились на славу. Дессертъ запили шампанскимъ; Дуду не замедлила залить имъ платье, скатерть и свои игрушки.

Такіе обѣды были обыкновеннымъ явленіемъ у позолотчика, какъ только у него заводились деньжонки.

Лишь въ двѣнадцатомъ часу разошлись гости, слегка пошатываясь. Позолотчикъ съ женою и Дуду медленно поднялись въ шестой этажъ въ свою комнатку, а Этьенъ, у котораго тоже слегка шумѣло въ головѣ, растянулся на матрацѣ подъ прилавкомъ. Ему не спалось; лежа съ открытыми глазами онъ все ломалъ себѣ голову, да гдѣ же мастерская у этого позолотчика и когда онъ работаетъ?

На слѣдующій день позолотчикъ съ утра ушелъ по своимъ дѣламъ; жена его снова томно полулежала на кушеткѣ, а Этьенъ убиралъ комнаты мылъ посуду и исполнялъ тысячу и одну фантазію мадемуазель Дуду.

Позавтракали остатками вчерашняго обѣда.

— А теперь маршъ въ мастерскую!—неожиданно обратился позолотчикъ къ Этьену послѣ завтрака.

Тотъ живо скинулъ передникъ, поставилъ половую щетку на мѣсто, и черезъ темный дворъ послѣдовалъ за хозяиномъ въ святилище. Мастерская помѣщалась въ довольно просторной комнатѣ; тамъ стоялъ всего одинъ только большой столъ, зава-

ленный бѣлыми неотдѣланными багетами, тетрадками листоваго золота и инструментами; подъ столомъ валялась куча стружекъ. Возлѣ стѣнъ на полу стояли золоченыя рамы; однѣ почти совсѣмъ отдѣланныя, другія обломанныя и потускнѣвшія. Въ углу, одна на другой, лежали картины.

— Наконецъ-то я въ мастерской!—подумалъ радостно Этьенъ, благоговѣйно озираясь вокругъ себя.

Позолотчикъ, посвистывая, бралъ съ полу одну картину за другою и на глазъ прикидывалъ ихъ къ разставленнымъ вдоль стѣнъ рамамъ. Его подмастерье Франсуа въ длинной, чуть не до колѣнъ, блузѣ, держалъ въ одной рукѣ широкую плоскую кисть, въ другой—блюдце съ блестѣвшимъ на немъ листовымъ золотомъ. Дунувъ на листокъ, чтобы расправить его, Франсуа осторожно снималъ его кистью и накладывалъ затѣмъ на раму. Этьенъ съ восхищеніемъ глядѣлъ на работу.

— Поди-ка сюда, мальчуганъ! — позвалъ его вдругъ позолотчикъ, все еще примѣрявшій картины къ рамамъ.—Возьми эту раму, да поддержи ее покрѣпче.

Онъ сталъ вставлять картину въ раму.

— Гм!.. Гм!.. велика, не входитъ.

Картина изображала бурное море и нависшее надъ нимъ свинцовое небо съ тяжелыми, темными тучами.

Сдѣлавъ нѣсколько значковъ мѣломъ, позолотчикъ взмахнулъ высоко картину въ воздухѣ и, смѣясь, произнесъ:

— Океанъ! Тебѣ сейчасъ будетъ положенъ предѣлъ... Ну-ка, ножницы, принимайтесь за работу!

И, ни мало не смущаясь, отхватилъ порядочный кусокъ океана.

Затѣмъ вставилъ въ раму еще двѣ картины. То были подлинные голландцы, о которыхъ онъ говорилъ наканунѣ, голландцы, купленные имъ въ анти-

кварномъ магазинѣ для графини — любительницѣ темныхъ картинъ. Черны онѣ были такъ, что сколько ни смотри, ничего не разберешь.

Дверь отворилась и въ мастерскую вошла жена позолотчика.

— Мнѣ нуженъ Этьенъ, — сказала она; — пора ему идти гулять съ Дуду.

— Этьенъ мнѣ самому нуженъ,—возразилъ позолотчикъ; — пора ему идти погулять и съ моими голландцами.

— А какъ же Дуду?

— Не велика важность, дома посидитъ. Вѣдь, не ходитъ же она на прогулки по цѣлымъ недѣлямъ, когда у меня нѣтъ учениковъ.

Хозяйка лѣниво поплелась обратно въ магазинъ. Позолотчикъ поставилъ всѣ три картины на подставку, взвалилъ ее на спину Этьену и сказалъ:

— Ступай къ графинѣ де-ла-Грелль, 38, улица Ренуаръ, въ Пасси... Скажи ей, что всѣ трое голландцы... Слышишь, самые подлинные голландцы! Первая картина — Рьюсдаля, двѣ другихъ—Пьера де-Хоггъ. Начнетъ она критиковать картины, такъ ты не смущайся, стой на своемъ!.. Ну-ка повтори за мной: Пьеръ де-Хоггъ, Рьюсдаль.

Этьенъ повторилъ.

— Хорошо. И помни, всѣ трое—голландцы. Главное доказательство, это ихъ чернота, особенно эти двѣ Пьера де-Хоггъ... Ну, понялъ?

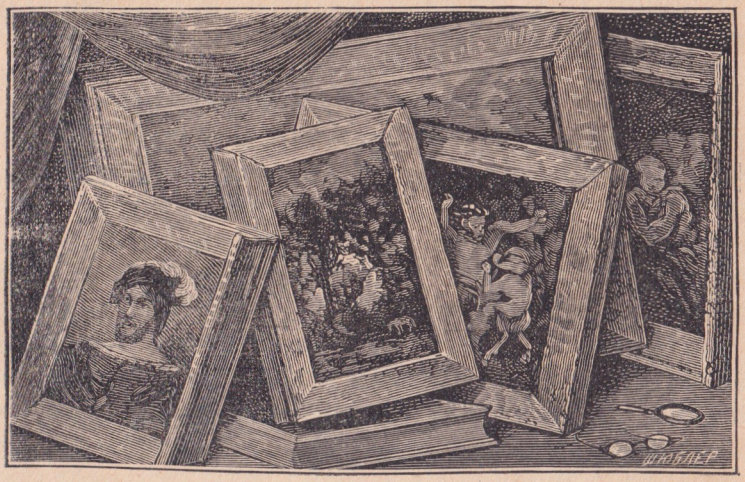
— Понялъ.

Позолотчикъ сунулъ ему въ руки счетъ.

— Ну иди, да смотри, не уступай, будь твердъ какъ скала. Главное, принеси деньги.

— Слушаю, сударь!

И съ голландцами на спинѣ онъ зашагалъ въ Пасси.



XI.

Подлинные голландцы.

Графиня де-ла-Грелль жила въ пятомъ этажѣ въ д. 28 по улицѣ Рэнуаръ.

Взбираясь по высокой, крутой лѣстницѣ, усталый Этьенъ задавалъ себѣ вопросъ: уже не по числу ли этажей стали теперь графини считать свою родословную?

Онъ позвонилъ. При видѣ картинъ отворявшая ему дверь горничная усмѣхнулась и провела его въ залъ.

Скоро вышла и сама графиня въ коричневомъ атласномъ платьѣ. Это была маленькая сухонькая старушенка, съ сморщеннымъ, какъ печеное яблоко, лицомъ, но съ изсиня-черными волосами и бѣлыми, какъ молоко, зубами. Всѣмъ своимъ обли-

комъ она походила на тѣхъ старыхъ злыхъ фей, которыхъ въ сказкахъ обыкновенно забываютъ пригласить на крестины очаровательныхъ принцевъ и принцессъ, а онѣ являются сами и на зло родителямъ одаряютъ ребенка какимъ-нибудь злополучнымъ даромъ. Эта же фея была навѣрное феею хлама и старья.

Въ залѣ не было ни одного стула; зато, какъ въ магазинѣ рѣдкостей, множество столовъ, большихъ и маленькихъ, витринъ и полочекъ, заваленныхъ разными разностями. На крохотныхъ древесныхъ стволахъ сидѣли чучела птицъ, богъ знаетъ, когда набитыя; тутъ же на столахъ ютились, среди искусственныхъ цвѣтовъ прошлаго столѣтія, чучела морскихъ свинокъ, крысъ, бѣлыхъ мышей, кошекъ и собакъ, лежали булыжники, раковины, обломки кирпичей и камни съ приклеенными на нихъ ярлыками, на которыхъ графиня тщательно отмѣчала время и мѣсто ихъ находки. На одномъ изъ столиковъ высилась обломанная колонка изъ чернаго мрамора; на ней лежалъ на бархатной подушкѣ, отороченной серебрянною бахромой, длинный желтый зубъ съ надписью:

„На память отъ барона де-ла-Никетъ."

Стѣны были увѣшаны, сверху до низу, картинами въ рамахъ. Манією графини къ картинамъ пользовались многіе ловкіе люди для наживы; въ послѣднее время страсть графини къ голландцамъ стала главнымъ источникомъ дохода позолотчика Папильонъ. Въ два-три мѣсяца разъ онъ являлся къ графинѣ, церемонный, въ цилиндрѣ, и предлагалъ пріобрѣсти по случаю какой-нибудь рѣдкій экземпляръ Пьера Хоггъ, Міериса, Рьюсдаля или Рембрандта,— всѣ, какъ на подборъ, темные-претемные.

Заходилъ онъ къ графини и наканунѣ и много говорилъ о трехъ рѣдкихъ картинахъ, вотъ она и поджидала съ нетерпѣніемъ Этьена. Взявъ у Этьена

картины, графиня поставила ихъ поближе къ окну; затѣмъ, нацѣпивъ на носъ очки, отступила нѣсколько шаговъ назадъ и, прищурившись, стала ихъ разглядывать. Долго она не отводила глазъ отъ морскаго вида, наконецъ, наморщивъ лобъ, спросила:

— Скажи, пожалуйста, что изображаетъ эта картина?

— Море, сударыня, и надъ нимъ небо.

— Какое странное небо, совсѣмъ зеленое!

— Это потому, что картина стоитъ вверхъ ногами,—отвѣтилъ Этьенъ.

Графиня перевернула картину и снова принялась ее разсматривать.

— По моему, эту картину, какъ ни повѣсь, она все хороша,—у нея, такъ сказать „двойной видъ". Въ этакомъ родѣ у меня нѣтъ ни одной картины. Если это голландскій подлинникъ, я съ удовольствіемъ его возьму.

— Да, сударыня, это настоящій голландецъ,—нерѣшительно сказалъ Этьенъ. Все, что онъ слышалъ и видѣлъ въ мастерской хозяина не оставляло въ немъ никакого сомнѣнія, что Папильонъ и Трубачъ, промышлявшій „единственнымъ въ мірѣ клеемъ"—два сапога пара.

— Голландецъ, говоришь? Ну, это ты сочиняешь! —возразила старая графиня.—Скажи: свѣтлая она по твоему или темная?

Она сняла очки и сердито сунула ихъ Этьену. Онъ испуганно вскинулъ на нее глаза.

— Право, сударыня, это голландецъ...

Но растерянное выраженіе лица, дрожащій голосъ выдали его.

Пожавъ плечами, графиня снова нацѣпила на носъ очки и, указывая на двѣ другія картины,—ужаснѣйшія копіи, на которыхъ художникъ такъ переусердствовалъ темною краскою, что не было никакой возможности отличить человѣка отъ лошади, сказала:

— Вотъ эти, сомнѣнія нѣтъ, настоящіе голландцы!.. Но та... та... Какъ ты назвалъ художника?

— Рьюсдаль, сударыня.

Она презрительно усмѣхнулась и, погрозивъ пальцемъ, сердито сказала:

— Повтори-ка!

Повторить онъ не посмѣлъ и испуганно отступилъ назадъ, почесывая у себя за ухомъ.

— Ужъ не воображаешь-ли ты, что понимаешь толкъ въ картинахъ? — спросила графиня, наступая на мальчугана.

— Простите, сударыня, ничего не понимаю.

Это смиренное признаніе нѣсколько успокоило графиню; сама, вѣдь, она была знатокомъ, охъ, какимъ знатокомъ! Подъ ея испытующимъ взоромъ Этьенъ невольно опустилъ глаза,—совѣсть-то его была не совсѣмъ чиста. Графинѣ это еще болѣе понравилось и она уже другимъ тономъ спросила: „А счетъ съ тобою?“

О, разумѣется, счетъ былъ съ нимъ!

На счетѣ значилось: „Двѣ картины, по всему вѣроятію, кисти Пьера Хоггъ—150 франковъ; рамы съ работой — 75 франковъ. Морской видъ Рьюисдаля—110 франковъ; рама съ работой—55 франковъ. Итого: 390 франковъ.

Цѣна показалась графинѣ невысокой;—она, вѣдь, не разъ покупала рембрандтовъ по 100 фр., а то и дешевле, но вспомнивъ, что только-что усумнилась въ подлинности картины Рьюсдаля объявила, хлопнувъ по картинѣ рукою:

— Ни за что не заплачу 110 фр. за такую свѣтлую картину, ни за что!

Затѣмъ схватила со стола колокольчикъ и, позвонивъ, повторила: „Ни за что, ни за что!»

Этьенъ былъ совсѣмъ озадаченъ. Какъ онъ вернется домой безъ денегъ, которыхъ съ такимъ не-

терпѣніемъ ждутъ! Онъ умоляющими глазами взглянулъ на графиню.

— Сильвія, дайте мальчику 75 сантимовъ и пусть онъ уходитъ!—приказала она появившейся въ дверяхъ горничной.

Горничная отсчитала деньги. Этьенъ не понялъ, что ему дали на чай,— онъ въ простотѣ душевной не зналъ объ этомъ парижскомъ обычаѣ,—и, посматривая на 75 сантимовъ, которые сунула ему въ руку горничная, смущенно произнесъ:

— Мнѣ, вѣдь, слѣдуетъ 390 франковъ!

— Что такое?—закричала внѣ себя графиня.— Пошелъ вонъ!

Этьенъ поспѣшилъ убраться по-добру по-здорову. Позолотчикъ съ женою съ нетерпѣніемъ ждали его возвращенія.

— Ну, подавай деньги!

— Мнѣ дали всего 75 сантимовъ.

— Дуракъ!

— Болванъ! Простофиля! — взвизгнула позолотчица.

— У-у-у!—закричала Дуду и стала колотить Этьена маленькою палочкой, подвернувшейся ей подъ руку.

— Дѣлать нечего, придется самому пойти потолковать съ этою съумашедшей!—сказалъ позолотчикъ.

— Вотъ и держи послѣ этого учениковъ! —не унималась жена.

— У-у-у!—вопила Дуду.

Къ счастью, Папильонъ, человѣкъ не злой, сталъ смѣяться и объявилъ женѣ, что воспользуется удобнымъ случаемъ, чтобы всучить графинѣ еще одного Рембрандта. «По правдѣ сказать,—добавилъ онъ,— картины, которыя купила графиня, не стоятъ дороже 75 сантимовъ за штуку».

Затѣмъ онъ велѣлъ Этьену разсказать все по-

порядку, и очень смѣялся, когда Этьенъ разсказалъ про картину Рьюисдаля, у котораго, по мнѣнію графини, былъ такъ искусно изображенъ «двойной видъ».

Настало обѣденное время. Изъ кухни выглянула позолотчица и позвала Этьена.

— Одолжи-ка мнѣ эти 75 сантимовъ,—сказала она мальчику.—Завтра получишь ихъ назадъ.

Онъ вручилъ ей деньги и сталъ подавать обѣдъ На этотъ разъ, кромѣ кровяной колбасы, ничего не было. Этьенъ не любилъ кровяной колбасы; припомнился ему вчерашній, пиръ и онъ съ недоумѣніемъ спрашивалъ себя, почему у позолотчика одинъ день столъ ломится отъ явствъ, другой—ѣсть нечего.

Поутру позолотчикъ отправилея къ графинѣ, чтобы убѣдить ее заплатить по счету. Подмастерье Франсуа тоже куда-то пропалъ, и мастерская такъ и простояла цѣлый день на замкѣ. Зато позолотчица, болѣе апатичная, чѣмъ когда-либо, взвалила на Этьена все хозяйство; мало того, по случаю ненастной погоды, пришлось играть съ Дуду дома, что оказалось куда несноснѣе, чѣмъ гулять съ нею по улицамъ и скверамъ.

Ползая на четверенькахъ и изображая лошадку, онъ чуть не цѣлый часъ таскалъ на спинѣ дѣвочку, потомъ игралъ съ нею въ мячикъ, въ серсо, въ куклы, разставлялъ попарно деревянныхъ звѣрей изъ Ноева ковчега, причемъ по командѣ Дуду подражалъ крику животныхъ и въ концѣ концовъ совсѣмъ осипъ,

— Ну, кричи, какъ обезьяна!—командовала Дуду.—Какъ быкъ!.. Какъ верблюдъ!.. Какъ слонъ!.. Какъ всѣ вмѣстѣ кричатъ!.. Кричи! Кричи! Кричи!

— Ахъ, Боже, да кричи же, наконецъ,—авось, она уймется! – роняла томно мать.

И онъ, надрываясь, кричалъ изо всѣхъ силъ, а самаго такъ и подмывало выбросить изъ окна и

ковчегъ, и звѣрей, и Дуду, и г-жу Папильонъ и все, что потопъ пощадилъ въ Гренеллѣ.

Позолотчикъ вернулся домой въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. Дуду кинулась ему навстрѣчу. «Вотъ тебѣ!»—сказалъ отецъ, подавая ей пакетъ. Въ немъ оказалась прелестная кукла въ нарядномъ розовомъ съ серебромъ платьѣ.

Позолотчица встала съ кушетки, протирая глаза. Мужъ ей принесъ свертокъ съ червонцами и объяснилъ, что графиня не только заплатила за Рьюсдаля, но заказала еще розыскать двухъ-трехъ Рембрандтовъ.

Дождь не переставалъ лить, а потому позолотчица вмѣсто того, чтобы идти самой за провизіею, вручила Этьену сорокъ франковъ, пузатую корзину, и, высчитывая по пальцамъ, сказала: «Курицу, паштетъ съ трюфелями, горошекъ, фруктовое мороженое, пирожное. Поворачивайся скорѣе, да смотри, ничего не забудь!»

— Надо-бы вина! — вспомнилъ позолотчикъ. — Впрочемъ я пойду вмѣстѣ съ Этьеномъ и куплю самъ.

Вечеромъ подали такой роскошный обѣдъ, словно у Папильона было двѣсти тысячъ дохода. И цѣлыхъ девять дней шелъ пиръ-горой. А затѣмъ нѣсколько недѣль ѣли жареный картофель, да кровяную колбасу съ лукомъ.

Бѣдный Этьенъ все ждалъ, когда же наконецъ позолотчикъ примется обучать его своему ремеслу.

— Надо бы перейти къ другому мастеру,—говорилъ онъ себѣ не разъ, но день шелъ за днемъ и онъ оставался попрежнему у Папильона. Дѣло въ томъ, что онъ успѣлъ привязаться къ своимъ хозяевамъ. Папильонъ обращался съ нимъ потовари-щески, часто угощалъ его папиросами, отъ которыхъ впрочемъ Этьенъ, помня свою первую папиросу въ кабачкѣ на бульварѣ, всегда отказывался.

Хозяйка любила отводить съ нимъ душу, жалова лась на свое житье, и разъ даже, горько плача разсказала, какъ мужъ прожилъ ея приданое и не разъ носилъ закладывать ея подвѣнечную шаль. Глядя на ея слезы, прослезился и Этьенъ; а Дуду, какъ увидѣла, что оба плачутъ—принялась ревѣть во все горло.

Послѣдніе дни дѣвочку брала къ себѣ играть сердобольная сосѣдка, хозяйка также уходила со двора, и Этьену жилось тихо и спокойно. Эта праздная жизнь изнѣживала нашего маленького героя, онъ сталъ привыкать къ бездѣлью.

И вотъ какъ-то разъ утромъ онъ получилъ письмо изъ Ламарлета. Сердце его забилось, руки задрожали. Онъ распечаталъ конвертъ. Одно письмо было отъ дѣдушки и всего въ нѣсколько словъ:

«Какъ видно, голосъ разсудка говоритъ въ тебѣ сильнѣе голоса сердца, а потому ступай своею дорогой, милый Этьенъ. Желаю тебѣ бо̀льшаго успѣха, чѣмъ выпало на долю твоего отца».

Жильберъ.

Этотъ намекъ на печальную судьбу отца, сухой тонъ письма огорчили Этьена. Другое письмо подлиннѣе было отъ Терезы.

«Милый братецъ, если бы ты зналъ, какъ мы оплакивали тебя,—такъ начиналось письмо. — Теперь мы счастливы; слава Богу, тебѣ удалось устроиться у добрыхъ людей и обучаешься ты хорошему ремеслу.

«Я знала, что рано или поздно ты уйдешь отъ насъ, но никакъ не ожидала, что это случится такъ скоро. И ушелъ ты украдкою, даже не поцѣловавъ меня на прощанье.

«Вотъ какъ мы узнали о твоемъ уходѣ. Въ это утро мы поднялись съ тетею пораньше, чтобы испечь хлѣбъ и лепешки. Испекли, подали кофе и стали тебя звать. Зовемъ, зовемъ, ты не отвѣчаешь:

„Онъ ползалъ на четверенькахъ, изображая лошадку“ (стр. 78).

Я побѣжала въ твою комнату. Смотрю — окно настежь, комодъ открытъ, постель, какъ была оправлена, такъ и осталась. «Онъ ушелъ!» крикнула я, сбѣжала внизъ и, вся въ слезахъ, разсказала тетѣ о томъ, что ты говорилъ мнѣ въ послѣдній разъ, когда мы работали въ полѣ. О, Этьенъ, еслибъ ты видѣлъ, какъ горько заплакалъ тогда Жакъ, какъ плакала тетя и все твердила: «Хоть бы посовѣтовался со мною, а то ушелъ безъ сантима денегъ, безъ бѣлья, безъ всего».

«А дѣдушка слова не проронилъ. Какъ сидѣлъ въ креслѣ, такъ и остался сидѣть, только въ окно все глядѣлъ.

„Цѣлыхъ десять дней мы говорили шепотомъ, ступали чуть слышно, словно въ домѣ былъ покойникъ; случалось ставили по привычкѣ твой приборъ, и, замѣтивъ ошибку, принимались опять плакать. Наконецъ пришло отъ тебя письмо! Дѣдушка схватилъ его, но потомъ сталъ шарить по карманамъ, словно искалъ очки; я отлично видѣла, что онъ это сдѣлалъ, чтобы скрыть слезы, затѣмъ передалъ мнѣ письмо, и я прочла его. Молча прослушалъ дѣдушка и сказалъ: „Мальчикъ онъ недурной, да только ужъ очень упрямый—что задумаетъ, непремѣнно поставитъ на своемъ!“

„Тетя, какъ только узнала, что ты живъ и здоровъ—принялась бранить тебя, увѣряя, что ей нѣтъ дѣла до тѣхъ, кто знать ея не хочетъ. Я попробовала заступиться за тебя, но она махнула рукою и сказала: „Знаю я этого маленькаго гордеца, больно ужъ онъ самолюбивъ!“ А я, дорогой братъ, хорошо понимаю, почему ты такъ поступилъ.

„Нашъ школьный учитель тоже не очень на тебя сердится; онъ поручилъ мнѣ тебѣ это передать.

„Я часто ухожу съ работой въ садъ подъ грушу, теперь тамъ распѣваютъ щеглы. Я слушаю ихъ пѣніе и вяжу тебѣ носки — сѣрые съ синими полосками.

„Тетя собирается послать тебѣ кое-что изъ бѣлья и сдобныхъ лепешекъ. Передай твоему хозяину нашъ поклонъ, не забудь поклониться и г-жѣ Папильонъ. Какая славная у нея фамилія! Я представляю ее себѣ граціозной, живой и веселой, какъ бабочка. А маленькая Дуду? Есть ли у тебя время когда-нибудь поиграть съ нею?

„Не надрывайся очень надъ работою... Хорошее, должно быть, ремесло—золоченіе. Случись мнѣ попасть въ Парижъ, непремѣнно отправлюсь къ г-ну Папильону, чтобы учиться золотить вмѣстѣ съ тобою.

„Не забывай насъ, братъ, пиши почаще. Крѣпко тебя обнимаемъ. Тереза.

А внизу нетвердой дѣтскою рукою было выведено крупными буквами: Жакъ.

Улыбнулся печально Этьенъ и спряталъ письмо опять въ конвертъ.

— Если бы они знали, какъ я провожу свое время! Нѣтъ, нѣтъ, я не долженъ здѣсь дольше оставаться!

И онъ рѣшительнымъ шагомъ направился въ мастерскую. Какъ разъ въ эту минуту выглянулъ изъ дверей позолотчикъ и, замѣтивъ ученика, крикнулъ:

— Очень кстати пожаловалъ! Сбѣгай-ка къ Ното и принеси нѣсколько тетрадокъ листоваго золота.

— Сударь...—началъ было Этьенъ.

— Что тамъ еще? Ступай скорѣе!

«Сначала исполню порученіе, — сказалъ себѣ Этьенъ,—а потомъ поговорю съ хозяиномъ.»

У Ното, крупнаго позолотчика, не сразу отпустили товаръ. Этьенъ подошелъ къ ученикамъ, полировавшимъ раму, съ завистью поглядѣлъ на ихъ работу и подумалъ: „Эти то, по крайней мѣрѣ, даромъ время не теряютъ.»

Тутъ одинъ изъ учениковъ, рыжеволосый мальчуганъ съ бойкими глазенками, раза два-три при-

ходившій съ порученіями къ Папильону, узналъ Этьена и, смѣясь, воскликнулъ:

— Глядите-ка, нянька Дуду пришла!

Обернулись мальчики и расхохотались прямо въ лицо Этьена.

Смутился бѣдняга, такъ и вспыхнулъ весь. Тутъ очень кстати принесли тетрадки съ листовымъ золотомъ, и онъ поспѣшилъ поскорѣе уйти.

«И правда, я, вѣдь, не что иное, какъ нянька Дуду и прислуга позолотчицы, — подумалъ Этьенъ, очутившись на улицѣ.—Неужели я для этого ушелъ изъ Ламарлета?... Нѣтъ, надо поскорѣе бросить своего хозяина...—Бросить! легко сказать!—промелькнуло у него въ головѣ,—но куда дѣваться безъ денегъ?

Онъ вспомнилъ о Ландри, слесарномъ подмастерьѣ.

— Послѣ-завтра воскресенье, пойду-ка я повидаюсь съ Ландри. Не пустятъ со двора, самъ уйду... Потолкую съ нимъ, а тамъ будетъ видно, какъ быть дальше.

Къ счастью, въ воскресенье вся семья Папильонъ отправилась въ гости къ упаковщику, тому самому, который такъ хорошо зналъ слабительное свойство испанскихъ бѣлилъ.

Передъ тѣмъ, какъ уходить, хозяинъ совершенно неожиданно далъ Этьену три франка и сказалъ: „Вотъ тебѣ на гулянье“.

Три франка! Вѣдь, это цѣлое состояніе для Этьена, которому позолотчица никакъ не могла собраться отдать взятые у него въ долгъ 75 сантимовъ. А теперь ему и денегъ дали, да еще и на цѣлый день отпустили.

Къ Ландри онъ отправился въ омнибусѣ. Стоялъ чудесный солнечный день, и поѣздка на имперьялѣ показалась ему восхитительной.

Онъ засталъ всю семью Ландри попраздничному пріодѣтой, сіяющей и радостной. Жена Ландри

выздоровѣла и уже съ недѣлю вернулась домой. Теперь не узнать было квартиры: старая мебель, простая фаянсовая посуда, полъ—все блестѣло чистотою.

Маленькая Лили совсѣмъ поправилась, — отъ ожоговъ у нея и слѣда не осталось. Розовенькая, свѣженькая, гладко причесанная, стояла она съ букетомъ въ рукахъ посреди комнаты, боясь шевельнуться, чтобы не измять голубое батистовое платьице, старательно выглаженное матерью; пышная юбочка дѣлала ее похожею на большой гарлемскій тюльпанъ. Трое мальчиковъ, въ новенькихъ матроскихъ шляпахъ, играли въ прятки.

Семья собралась въ Сенъ-Дени, чтобы поздравить съ днемъ рожденія прежняго хозяина Ландри — стараго мастера Герве.

Бѣдный Этьенъ явился совсѣмъ некстати. Онъ хотѣлъ было уйти, но Ландри съ женою его не пустили. «Пойдемъ съ нами!—стали они его уговаривать; — ты насъ не стѣсняешь. Будь покоенъ, Герве тебя приметъ хорошо — онъ старикъ добрый, ласковый.

— Чтожъ, я не прочь, —согласился Этьенъ, и всѣ вмѣстѣ отправились на Сѣверный вокзалъ.

— Ну, какъ дѣла, мальчуганъ? — спросилъ слесарь, когда они вышли на улицу.

Этьенъ разсказалъ про свое житье-бытье у позолотчика и въ заключеніе прибавилъ, что онъ только и думаетъ, какъ-бы ему поскорѣе пристроиться въ какой-нибудь другой мастерской, а за ремесломъ онъ не гонится—онъ радъ всякому, лишь бы честнымъ трудомъ кусокъ хлѣба заработать.

— Ну, и прекрасно. Какъ пріѣдемъ, я поговорю со старикомъ,– пообѣщалъ Ландри. - Доведись тебѣ попасть къ нему — лучшаго и не надо. Герве мастеръ на рѣдкость, какихъ теперь днемъ съ огнемъ не сыщешь. Вскорѣ, какъ вышелъ онъ изъ ученья,

посчастливилось ему жениться на богатенькой; недолго думая, онъ возьми и открой мастерскую въ Сенъ-Дени, и вотъ уже много лѣтъ живетъ припѣваючи. Одна бѣда—дѣтей у него нѣтъ.

Слесарное заведеніе Герве находилось подлѣ самой заставы. Помѣщалось оно въ довольно большомъ каменномъ строеніи; вмѣсто вывѣски передъ мастерской висѣлъ большой вызолоченный ключъ.

Самъ хозяинъ, высокій плечистый мужчина съ степеннымъ благообразнымъ лицомъ, встрѣтилъ гостей въ дверяхъ и поцѣловалъ Лили, а та, вся зардѣвшись, подала ему букетъ.

Черезъ открытую дверь мастерской были видны маленькій горнъ, станки, тиски съ винтами и блестѣвшія, какъ серебро, наковальни; въ мастерской царили чистота и порядокъ. Сейчасъ за мастерской былъ жилой домъ — одноэтажное строеніе, выходившее окнами во дворъ, на которомъ разгуливали, кудахтая, куры. Изъ кухни, находившейся въ концѣ двора, доносился вкусный запахъ жаренаго. Туда то и направилась вся компанія.

У плиты, разрумянѣвшись отъ кухоннаго жара, хлопотала съ вилкою въ рукахъ небольшая плотная женщина лѣтъ пятидесяти въ короткой юбкѣ, бѣломъ чепцѣ и передникѣ. Она очень обрадовалась старымъ знакомымъ и радушно приняла Этьена.

Столъ накрыли въ мастерской, чтобы свободнѣе было сидѣть. Обѣдъ простой, но вкусный и обильный, подавала сама хозяйка. На сладкое было приготовлено любимое эльзасское блюдо: черныя вишни со сбитыми сливками, — такое вкусное, что дѣти облизали себѣ всѣ пальчики.

Послѣ обѣда дѣти побѣжали играть на дворъ, хозяйка съ гостьею ушли на кухню мыть и убирать посуду; въ мастерской остались одни мужчины и завели бесѣду, къ нимъ подсѣлъ и Этьенъ. Какъ разъ противъ него на стѣнѣ висѣлъ желѣзный

рѣзной ларецъ. Этьенъ сталъ внимательно его разсматривать. Замѣтилъ это Герве и спросилъ Ландри:

— Не слесарному-ли дѣлу учится твой знакомый?

— Какое тамъ!—отозвался Ландри.—Живетъ онъ у позолотчика, да только не разберешь, чему его тамъ учатъ.

— Чтожъ, ремесло позолотчика не хуже всякаго другаго, — замѣтилъ Герве. — Только учатъ теперь совсѣмъ не такъ, какъ насъ учили.

И, указывая пальцемъ на ларецъ, заинтересовавшій Этьена, прибавилъ: «Вотъ это работа, такъ работа, не всякій съумѣетъ такъ сдѣлать. Весь ларецъ изъ кованаго желѣза, а замокъ съ такимъ секретомъ, что увѣренъ, никто къ нему не подберется. Сорокъ лѣтъ тому назадъ я его смастерилъ, какъ сдавалъ экзаменъ на мастера.

Онъ снялъ со стѣны ларецъ и сталъ показывать Этьену. Восторгу и удивленію мальчика конца не было. И правда, чудо, какъ красивъ былъ этотъ ажурный, какъ кружево, весь въ розеткахъ и стрѣлкахъ, готическій ларецъ. Одинъ ключикъ чего стоилъ! По тонкости и совершенству работы это была рѣдкая вещица.

Увидалъ слесарь, что его произведеніе оцѣнили по достоинству и очень охотно сталъ показывать свой ларецъ во всѣхъ подробностяхъ и объяснять секреты его механизма.

Дѣльныя, толковыя замѣчанія Этьена очень понравились старику.

— Ты я вижу парень неглупый,—сказалъ онъ;— иному заправскому слесарю не понять того, что ты сразу понялъ.

— А во сколько лѣтъ можно научиться вашему ремеслу? спросилъ Этьенъ.

Герве горько усмѣхнулся.

— Видишь-ли, въ настоящее время во всей Франціи врядъ-ли найдется три-четыре слесаря, настоя-

щихъ мастеровъ. Замковъ отъ этого, конечно, дѣлается не меньше; но одинъ слесарь дѣлаетъ только замочную задвижку, другой — ключъ; работа къ сожалѣнію, дробится. Поди-ка поищи теперь слесарей, которые съумѣли бы изготовить всю вещь цѣликомъ. А ужъ найти подмастерья, который бы смогъ смастерить вотъ такой ларецъ, теперь и не думай,—прибавилъ Герве, указывая на свою работу.

— Мнѣ кажется, хозяинъ, вы немного преувеличиваете,—замѣтилъ Ландри.- Быть можетъ, нынѣшній рабочій и не такъ искусенъ, зато самое ремесло далеко ушло впередъ. Вспомните только, какъ всѣ рынки переполнены всякаго рода издѣліями и какъ все стоитъ дешево; потребности съ каждымъ днемъ растутъ, растетъ и благосостояніе.

— Не въ томъ дѣло, — съ жаромъ возразилъ Герве.—Развѣ я неправъ, утверждая, что во Франціи не найдется теперь трехъ - четырехъ слесарей, настоящихъ мастеровъ своего дѣла. Возьмемъ, напримѣръ, тебя. Развѣ ты знаешь, какъ слѣдуетъ, свое ремесло? Конечно, въ свое время ты могъ бы изучить его, какъ слѣдуетъ, но ты предпочелъ заняться работою полегче. Попробуй-ка нарисовать балконъ, перила для лѣстницы или что-нибудь въ этомъ родѣ. Готовъ пари держать, что не съумѣешь! Тотъ, кому дадутъ матерьялъ, инструменты и скажутъ: сдѣлай мнѣ секретный замокъ, рѣшетку, ларецъ, орнаментъ, и онъ самъ и рисунокъ набросаетъ и вещь смастеритъ—только тотъ по моему и есть заправскій мастеръ... Да, будь у меня сынъ,— продолжалъ онъ, и глаза его сверкнули,—я бы сдѣлалъ изъ него работника - артиста своего дѣла, за это я ручаюсь! А вы всѣ машины и больше ничего!

Тонъ глубокаго убѣжденія, которымъ были проникнуты слова стараго Герве, произвели на Этьена сильное впечатлѣніе.

«Вотъ было бы хорошо, если-бъ старикъ взял-

ся сдѣлать изъ меня такого мастера, какой онъ самъ!» подумалъ онъ.

Та же мысль пришла въ голову и Ландри.

— Смотрите, хозяинъ, какъ жадно внимаетъ мальчуганъ каждому вашему слову. Вы могли бы обучить его и направить такъ, какъ желаете.

Герве внимательно поглядѣлъ на Этьена.

— Ну чтожъ, я не прочь!—сказалъ онъ.—А ты, мальчикъ, согласенъ?

— И еще какъ!—обрадованно воскликнулъ Этьенъ.

— Но знаешь ли ты, что ждетъ тебя, дружище? —заговорилъ еще съ большею энергіею старикъ.— Вотъ ты изучишь ремесло, научишься мастерски владѣть молоткомъ, напильникомъ, рѣзцомъ, и все-таки это еще не все. Надо будетъ взять посохъ въ руки, привязать за спину котомку и начать колесить по Франціи, какъ мы, бывало, это дѣлали; мы странствовали, чтобы поглядѣть, какъ работаютъ другіе, сравнивали, обсуждали и старались сами совершенствоваться. Что скажешь на это, карапузъ?

— Я на все готовъ!—отвѣтилъ Этьенъ.

Старикъ улыбнулся; онъ поглядѣлъ на открытое, энергичное лицо Этьена, пощупалъ его небольшія, но крѣпкія руки и сказалъ:

— Ты не великанъ, но кто не знаетъ, что самые крупные колосья не всегда самые богатые зерномъ; по лицу вижу, что изъ тебя будетъ толкъ. Итакъ, по рукамъ! Старайся, и станешь человѣкомъ!

Онъ ударилъ нѣсколько разъ кулакомъ по столу. Дотронувшись до руки Этьена, Ландри шепнулъ: „Про свое доброе старое время онъ не прочь прихвастнуть, а все же мастеръ онъ превосходный“.

— Марта, неси-ка еще бутылку вина! Знаешь, изъ тѣхъ, что я поставилъ къ сторонкѣ!—крикнулъ Герве женѣ, прибѣжавшей на стукъ мужа. Она ско-

ро вернулась съ бутылкою въ рукахъ, за нею пришла жена Ландри. Герве налилъ стаканы.

— За твое здоровье, товарищъ! — сказалъ онъ серьезно, чокаясь съ Этьеномъ.

Послѣ двухъ-трехъ глотковъ онъ всталъ и также серьезно, какъ передъ тѣмъ чокался, запѣлъ пріятнымъ, еще сильнымъ голосомъ, пѣснь подмастерьевъ. Пѣлъ онъ съ выраженіемъ и большимъ подъемомъ, особенно ту строфу, въ которой, между прочимъ, говорилось:

„И бродитъ иногда бѣдняга долго, долго;
Все счастья не находитъ своего!"

Услышавъ, что въ домѣ поютъ, дѣти вернулись со двора; Ландри и Этьенъ тихонько подпѣвали. Потолковавъ еще немного, они разстались, условившись на прощанье, что Этьенъ поступитъ къ Герве въ мастерскую въ тотъ день, какъ уйдетъ отъ позолотчика.

На радостяхъ мальчуганъ напѣвалъ всю дорогу обратно въ Гренелль. Дома, улегшись спать подъ прилавокъ, онъ долго не могъ уснуть; въ мечтахъ ему рисовались дивныя произведенія искусства, созданныя его руками, странствованія по Франціи, счастливое свѣтлое будущее. Какъ онъ будетъ усердно работать, чтобы наверстать время, потерянное въ играхъ и забавахъ съ Дуду.

Былъ одинадцатый часъ, когда позолотчикъ съ женою и дочкою спустились изъ своей комнаты внизъ. Этьенъ успѣлъ уже подмести и убрать магазинъ Позолотчикъ спросилъ, какъ онъ провелъ свой свободный день. Этьенъ разсказалъ и чистосердечно прибавилъ, что рѣшилъ искать себѣ другое мѣсто.

— Ладно! всякій поступаетъ, какъ знаетъ!—отозвался позолотчикъ,—онъ сознавалъ, что виноватъ передъ ученикомъ.

Совсѣмъ иначе отнеслась къ заявленію Этьена

всегда апатичная позолотчица. Еще бы! своимъ уходомъ безотвѣтный рабъ наносилъ непоправимый ущербъ хозяйству, ей самой и Дуду.

Съ видомъ оскорбленной королевы поднялась она съ кресла и стала укорять неблагодарнаго, безсовѣстнаго ученика, употребившаго во зло великодушіе своихъ добрыхъ хозяевъ, которые взяли его, не обезпечивъ себя контрактомъ. Ученикъ, котораго они сажали съ собою за столъ, кормили тѣмъ же, что сами ѣли, давали даже сладкое! Ученикъ, который шесть дней въ недѣлю билъ баклуши, которому она позволяла играть съ Дуду!.. «Неблагодарные всегда кончаютъ плохо!» пригрозила она ему въ заключеніе.

Эти слова и тонъ, которымъ они были сказаны, возмутили Этьена. Онъ отвѣтилъ, что поступилъ къ нимъ, чтобы выучиться ремеслу позолотчика, а между тѣмъ, за все время былъ въ мастерской одинъ только разъ; дѣлу его не учили, а заставляли каждый день мыть посуду, гулять по цѣлымъ часамъ съ капризною дѣвочкою, и если порою на его долю и перепадали вкусные кусочки, за то случалось ѣсть супъ съ испанскими бѣлилами.

— Ахъ, ты, негодный мальчишка!—крикнула внѣ себя позолотчица, потрясая кулаками.

На шумъ изъ кухни прибѣжала мадемуазель Дуду съ деревяннымъ совочкомъ полнымъ золы. Она поглядѣла на споривших, и, сразу рѣшивъ дѣло въ пользу мамаши, бросила всю золу въ лицо Этьену, да такъ ловко, что угодила ему прямо въ глазъ и запачкала всю грудь. Схватилъ тутъ позолотчикъ дочку и въ первый разъ въ жизни преисправно отшлепалъ.

Въ первую минуту на мадемуазель Дуду отъ неожиданности напалъ столбнякъ, затѣмъ она разразилась неистовымъ ревомъ. Мамаша вторила ей и

пронзительно визжала: „Извергъ! злодѣй! онъ убилъ мою дочь! мое дитя! Мое... ахъ!.. ахъ!.. ахъ!. “

Позолотчикъ увелъ Этьенъ въ лавку.

— Стряхни-ка съ себя золу! — сказалъ онъ ласково.—Да покажи глазъ... Ты можешь его открыть, значитъ ничего серьезнаго нѣтъ, примочи его слюною .. Хорошо!... Теперь собери свои вещи, да удирай поскорѣе!

Онъ прислонился къ дверямъ, которую изъ всѣхъ силъ колотила ногами Дуду, поощряемая криками матери.

— Прощай! Желаю успѣха.

И позолотчикъ протянулъ руку Этьену. Тотъ крѣпко ее пожалъ и выбѣжалъ на улицу.

XII.

За работой.

Закинувъ за спину котомку, Этьенъ отправился въ Сенъ-Дени пѣшкомъ, какъ говорилъ ему Герве. Мысль, что онъ дѣлаетъ какъ бы свое первое маленькое путешествіе по Франціи очень тѣшила мальчика. И денекъ выпалъ чудесный, солнечный, а главное, за нимъ по пятамъ не бѣжала Дуду.

Дорога въ Сенъ-Дени ничѣмъ не замѣчательна. Идетъ она по плоской мѣстности, ни рощицы, ни садика нигдѣ не видно. Вмѣсто деревьевъ къ небу поднимаются заводскія трубы и чернымъ вонючимъ дымомъ отравляютъ воздухъ. Но нашъ путникъ равнодушно глядитъ по сторонамъ и торопится поскорѣе добраться до мѣста. Ему кажется, что на этотъ разъ онъ идетъ къ той желанной цѣли, о которой мечталъ, покидая родное село.

Пробило половина одинадцатаго, когда онъ проходилъ мимо массивнаго, старинной архитектуры, собора, а четверть часа спустя, миновавъ заставу, входилъ въ мастерскую. У наковальни, спиною къ дверямъ, стоялъ Герве. Съ засученными рукавами, въ кожаномъ передникѣ, слесарь ковалъ тяжелымъ молотомъ раскаленное желѣзо, отъ котораго такъ и сыпались во всѣ стороны искры; жена слесаря раздувала мѣха. Отъ молота и мѣха въ мастерской стоялъ адскій шумъ Уже много лѣтъ подрядъ жена была единственною помощницею слесаря; онъ увѣрялъ, что съ нынѣшними рабочими человѣку старинной складки никакъ не спѣться.

Слесарша замѣтила Этьена и сдѣлала ему знакъ подождать.

— Вотъ и ученикъ твой явился! — объявила она, какъ только слесарь остановился, чтобы передохнуть.

— Здравствуй, товарищъ! — сказалъ мастеръ, отирая со лба потъ. Онъ выпрямился и подалъ Этьену широкую мозолистую руку. — Котомку положи къ сторонкѣ, да становись къ мѣхамъ вмѣсто хозяйки... Ну, съ Богомъ, за работу!

Онъ снова взялся за молотъ.

— Здѣсь сразу за дѣло приниматься приходится, не то что у позолотчика! - подумалъ нашъ маленькій человѣкъ и сталъ раздувать мѣха. Онъ усердно работалъ вплоть до самаго обѣда. Послѣ обѣда работа закипѣла вновь и закончилась только къ семи часамъ. Страхъ, какъ ломили у Этьена съ непривычки руки. Да, эта настоящая работа, совсѣмъ не то, что было у позолотчика!

Мастерскую заперли и сѣли ужинать. Посуда, скатерть, столовые приборы — все было просто, но чисто. Картофельный супъ съ саломъ напомнилъ ему былые вкусные ужины въ Ламарлетѣ. Сама слесарша въ бѣломъ чепцѣ, въ ситцевомъ передникѣ, ласковая, радушная такъ походила на тетю Агиту. Какъ сладко волновали Этьена эти воспоминанія.

Послѣ ужина слесарша отвела ученика въ его комнату. Маленькая комнатка подъ самою крышею была оклеена сѣрыми съ пунцовыми цвѣтами обоями; въ ней стояла узенькая желѣзная кровать и деревянный некрашенный столъ. Въ сравненіи съ помѣщеніемъ у Папильона комнатушка показалась Этьену настоящимъ чертогомъ.

— Вотъ здѣсь ты будешь спать,—сказала добрая женщина;—смотри, держи, свою комнату въ порядкѣ и чистотѣ.

Вечеромъ Герве не было дома; онъ, по обыкновенію, ушелъ къ сосѣду - ламповщику поиграть въ домино. Оставшись одинъ, Этьенъ сѣлъ писать письмо школьному учителю, одолжившему ему шесть франковъ, — теперь-то онъ скоро ихъ отдастъ! — и Терезѣ о счастливой перемѣнѣ своей судьбы. Распространяться, однако, много о своей удачѣ онъ побоялся, вспомнивъ, какъ подъ первымъ впечатлѣніемъ тоже возносилъ чуть не до небесъ семью позолотчика и его ремесло. Того гляди, дѣдушка обзоветъ его легкомысленнымъ и непостояннымъ Уходъ свой отъ позолотчика онъ объяснялъ несноснымъ характеромъ Дуду, а главное тѣмъ, что совершенно неожиданно у него открылись большія способности къ слесарному дѣлу.

Но если Этьенъ былъ скупъ на словахъ, когда писалъ о преимуществахъ новаго ремесла, зато онъ съ такимъ восхищеніемъ во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ описалъ чудесный ларецъ, что прочти хозяинъ письмо—онъ навѣрное былъ бы очень польщенъ. «Человѣку, сработавшему такую прекрасную вещь и помереть не жаль!» —восторженно восклицалъ Этьенъ въ концѣ своего письма.

На другое утро, ровно въ шесть часовъ, онъ входилъ въ мастерскую и въ дверяхъ встрѣтился съ хозяиномъ.

— Ай-да молодецъ! - похвалилъ его хозяинъ. - Я самъ за всѣ пять лѣтъ моего ученія ни разу не опоздалъ. Ко всякому дѣлу надо относится честно и добросовѣстно.

Въ кожаномъ фартукѣ, какъ заправскій подмастерье, Этьенъ работалъ цѣлый день молотомъ, и своею смѣтливостью и ловкостью удивлялъ хозяина.

Незамѣтно за дѣломъ прошла недѣля-другая. И вотъ въ одинъ прекрасный день изъ Ламарлета пришелъ по почтѣ большой квадратный ящикъ. Этьенъ

тотчасъ узналъ ящикъ: онъ не разъ видѣлъ его въ Ламарлетѣ на чердакѣ. Ахъ, какъ вкусно запахло изъ ящика, когда мальчикъ открылъ его на кухнѣ! Тамъ оказались большая ватрушка съ яблоками, тыквенный паштетъ и пышки съ лукомъ-пореемъ; подрумянные, золотистые, они ласкали взоръ и пріятно щекотали обоняніе. На ватрушкѣ съ яблоками лежала бумажка со словами: «Для г-жи Герве».

— И меня не забыли!—просіяла слесарша,—она стояла тутъ же и глядѣла. — Славные люди твои родные!

На днѣ ящика, подъ гостинцами оказалось кое-что изъ платья и бѣлья. Больше всего удовольствія доставилъ Этьену подарокъ сестры—сѣрыя съ синими полосками носки, которыя Тереза вязала въ саду „подъ грушею, слушая пѣніе щегловъ». Бѣлье и платье Этьенъ отнесъ къ себѣ наверхъ, а тыквеннымъ паштетомъ и пышками съ лукомъ-пореемъ угостилъ за ужиномъ своихъ хозяевъ.

Слесарь не очень-то плѣнился деревенскими гостинцами, зато слесарша, Эльзаска родомъ, привыкшая съ дѣтства ко всѣмъ этимъ лакомствамъ изъ овощей, да притомъ-же и добрѣйшей души женщина, ѣла все съ удовольствіемъ и похваливала.

Этьенъ въ восторгѣ, что хозяйка оказала вниманіе тетинькиной стряпнѣ, принялся съ увлеченіемъ расказывать о своихъ родныхъ. Онъ говорилъ долго и такъ подробно, что старикамъ Герве подъ конецъ стало казаться, что они давнымъ-давно знакомы съ Ламарлетомъ и его обитателями.

Слесарша не захотѣла остаться въ долгу передъ тетей Агитою и послала въ Ламарлетъ эльзаскій пирогъ. Ей не замедлили отплатить тою же монетою, и въ концѣ концовъ между Сенъ-Дени и Ламарлетомъ установился постоянный обмѣнъ посылокъ съ разными вкусными пирогами и ватрушками.

А тѣмъ-временемъ старикъ Герве съ любовью

и терпѣніемъ обучалъ своего ученика. Разъ по двадцати онъ заставлялъ его передѣлывать одну и ту же вещь, не жалѣлъ ни матерьяла, ни времени, пока мальчикъ, наконецъ, не усваивалъ себѣ вполнѣ, какъ и что надо дѣлать. Прошло два-три мѣсяца, и Этьенъ порядочно набилъ руку въ своемъ новомъ ремеслѣ.

— А мальчуганъ-то нашъ дѣлаетъ успѣхи, да и смекалка у него есть,—говорилъ слесарь женѣ и вскорѣ сталъ давать ученику разную мелкую починку.

Сначала Этьенъ получалъ, какъ-бы на чай, по франку въ недѣлю; но скоро хозяинъ увеличилъ плату до трехъ франковъ. Это дало мальчугану возможность въ концѣ перваго-же мѣсяца, за покрытіемъ кой-какихъ мелкихъ расходовъ, уплатить учителю свой долгъ въ шесть франковъ, а еще черезъ мѣсяцъ—послать пять франковъ и въ Ламарлетъ. Отъ родныхъ продолжали приходить ласковыя письма, правда, не часто,—крестьяне небольшіе охотники изводить бумагу.

«Какъ только получили отъ тебя деньги,—писала Тереза, — я побѣжала за табакомъ для дѣдушки; онъ далъ мнѣ его понюхать, и я потомъ чихала весь день. Спасибо тебѣ за деньги, а все-же, дорогой братъ, дѣдушка, тетя и я, мы не хотимъ, чтобы ты изъ за насъ отказывалъ себѣ въ чемъ-либо».

Все шло хорошо; Этьенъ продолжалъ усердно работать и дѣлалъ большіе успѣхи. Незамѣтно наступила осень, дни стали короче, вечера — длиннѣе. Мальчикъ раздобылъ книгъ и послѣ работы всѣ вечера просиживалъ за чтеніемъ. Иной разъ слесарь не уходилъ къ сосѣду играть въ домино; тогда онъ усаживался въ соломенное кресло, приказывалъ подать себѣ трубку, кружку эльзасскаго пива и принимался разсказывать разные случаи изъ своей богатой воспоминаніями жизни. Недаромъ, вѣдь,

„Этьенъ усердно работалъ и дѣлалъ большіе успѣхи“ (стр. 96).

онъ прожилъ шестьдесятъ лѣтъ! Особенно охотно вспоминалъ онъ дни своей молодости, когда былъ еще подмастерьемъ. Не блисталъ старикъ образованіемъ,—въ его время школа была рѣдкостью, но это не мѣшало ему обо всемъ судить правильно.

— Прежде, мой другъ, мы жили въ ученіи пять лѣтъ, слышишь-ли, пять лѣтъ? — таковъ былъ законъ. Затѣмъ, каждый ученикъ долженъ былъ самъ смастерить какую-нибудь вещь, чтобы получить званіе подмастерья. И только пробывъ пять лѣтъ въ подмастерьяхъ, исходивъ всю Францію, чтобы усовершенствоваться въ своемъ ремеслѣ — могъ получить званіе мастера. Что и говорить, искусъ былъ долгій! Но тотъ, кто доводилъ его до конца, научался, какъ слѣдуетъ, обращаться съ желѣзомъ, если былъ кузнецомъ, съ деревомъ, если былъ столяромъ, съ золотомъ, если былъ ювелиромъ. Тогда дорожили честью своего цеха; всякій, кто позволилъ бы себѣ работать кое-какъ навсегда потерялъ бы въ глазахъ товарищей. А теперь что? Нѣтъ ни таланта, ни искусства, одна только страсть къ наживѣ! Перевелись настоящіе мастера... Возьми хоть моего сосѣда-токаря; онъ двухъ досокъ сколотить не съумѣетъ.

И Герве пожималъ плечами.

Этьенъ слушалъ, ничего не возражая изъ уваженія къ хозяину, но про себя думалъ, что старикъ не совсѣмъ правъ въ своихъ нападкахъ на настоящее время. Онъ припоминалъ, что и въ Ламарлетѣ ему приходилось слышать, какъ старые люди сокрушались, что не стало больше старинныхъ сохъ, повозокъ, разной утвари и всякой старой посуды.

Гораздо интереснѣе казались Этьену разсказы старика о его странствованіяхъ по Франціи. Все занимало мальчугана: и описанія новыхъ мѣстностей, и дорожныя приключенія, и отношенія товарищей другъ къ другу, даже распри, часто доходившія до дракъ, между представителями разныхъ цеховъ.

XIII.

Негръ.

По воскреснымъ днямъ у Герве не работали. Пользуясь свободнымъ временемъ, Этьенъ то одинъ, то съ хозяевами предпринималъ небольшія прогулки по окрестностямъ: въ Энгіенъ, Монморанси, Аржантёль и Санноа. Это было какъ будто начало того чуднаго заманчиваго путешествія по Франціи, о которомъ онъ мечталъ и во снѣ и на яву.

Разъ, въ воскресенье Этьенъ пошелъ бродить и какъ заправскій подмастерье, взялъ съ собою посохъ

Посохъ былъ большой, куда больше его самаго. Не доставало только часовъ, о которыхъ онъ частенько таки вспоминалъ. Очень пріятно было бы украсить ими жилетъ, да и въ дорогѣ они были бы очень кстати, такъ какъ прогулку онъ рѣшилъ сдѣлать немаленькую, а вернуться домой надо было не позднѣе шести.

Проходя по городской площади, Этьенъ увидѣлъ кучку любопытныхъ вокругъ какого-то страннаго человѣчка. Человѣчекъ этотъ что-то выкрикивалъ дребезжащимъ, какъ надтреснутый колокольчикъ, голосомъ. Мальчуганъ подошелъ ближе. Крикунъ оказался негромъ, одѣтымъ въ бѣлые панталоны, полосатую куртку и въ красную феску, на которой торчалъ жалкій обрывокъ синей кисточки.

Этьенъ никогда не видалъ негровъ. По учебникамъ онъ зналъ, что у черной расы „приплюснутый носъ, курчавые, какъ баранья шерсть, волосы и толстыя, словно вывернутыя, губы". Очевидно этотъ негръ представлялъ уклоненіе отъ общаго типа. Не будь только чернаго, какъ сажа, цвѣта кожи,—отъ его правильныхъ чертъ лица, вьющихся волосъ не отказался-бы любой изъ жителей Сенъ-Дени.

Негръ продавалъ нугу, финики, ситцевые набивные платки и, кружась волчкомъ среди обступившихъ его зрителей, выхваливалъ свой товаръ, немилосердно коверкая слова.

— Дешево продаю нугу, купите нугу—сладкую, вкусную!.. И финики! Я за ними высоко, высоко лазилъ на пальму!—И негръ показывалъ движеніемъ, какъ онъ влѣзалъ на дерево.—А поглядите-ка платки!—продолжалъ онъ, развертывая красные, синіе, зеленые, желтые платки, на которыхъ были напечатаны всевозможныя картины. Были тутъ и „Синяя Борода", и „Вѣчный Жидъ", и „Взятіе Севастополя"..—Хорошіе, господа, платки!.. Прямехонько изъ Магадаскара, изъ страны крокодиловъ! Купите!

Онъ принялся корчиться, извиваться, гримасничать, словно за нимъ гналась по пятамъ стая крокодиловъ и вырывала изъ рукъ платки. Гримасы и кривлянья смѣнились ловкими, смѣлыми прыжками, прыжки — бѣшенымъ кекъ-уокомъ, все подъ аккомпаниментъ разныхъ инструментовъ: барабана, флейты, тромбона, корнетъ-а-пистона, которымъ негръ очень искусно подражалъ на губахъ. По временамъ эти звуки заглушались звономъ треугольника и бряцаньемъ тарелокъ.

Публика очень забавлялась, и монеты такъ и сыпались въ шляпу предпріимчиваго негра.

— Мнѣ что-то эта музыка знакома! — подумалъ Этьенъ и крикнулъ: — Эй ты, черная рожа, на два су финиковъ!

Негръ умолкъ, глянулъ въ ту сторону, откуда раздался голосъ и съ тюричкомъ въ рукахъ подошелъ къ Этьену.

— Ступай въ гостинницу Крейца, налѣво первая улица, и подожди меня тамъ минутку, — шепнулъ онъ на чистомъ французскомъ языкѣ, подавая Этьену тюричекъ съ финиками.

И снова закричалъ визгливымъ голосомъ: «Купите африканскую нугу!.. Чудныя платки изъ Мадагаскара!.. Финики изъ султанскихъ садовъ!»

„Эге, да это никакъ опять „лучшій въ мірѣ клей!“ — подумалъ Этьенъ, направляясь въ улицу налѣво.—Вотъ, значитъ, какъ онъ торгуетъ въ разносъ!“

Этьенъ вошелъ въ гостинницу и сталъ поджидать негра. Прошло добрыхъ полтора часа, а негра все нѣтъ и нѣтъ. Наконецъ, громко стуча тяжелыми, подбитыми желѣзными гвоздями, башмаками, вошелъ приличный молодой человѣкъ въ коричневомъ бархатномъ костюмѣ.

— Здравствуйте, господинъ Томассенъ! — вѣжливо привѣтствовалъ его хозяинъ гостинницы.

Господинъ Томассенъ взялъ подъ руку Этьена, глядѣвшаго на него растерянным взоромъ, и повелъ его въ свою комнату.

— Эхъ, ты простота, простота!—говорилъ онъ дорогою Этьену. — Нехитрое, вѣдь, дѣло стать негромъ. Надѣнешь подходящее платье, вымажешься краскою—вотъ тебѣ и негръ! А потомъ сходишь къ надежному банщику, который умѣетъ держать языкъ за зубами, и опять станешь чистымъ, опять приличнымъ!

Что и говорить, видъ у него былъ вполнѣ приличенъ! Пріятели пожали другъ другу руки и усѣлись за столъ.

Трубачъ сталъ разсказывать всѣ свои похожденія съ того самаго дня, когда они разстались. Попробовалъ онъ было заняться торговлею въ разносъ въ окрестностяхъ Парижа, но дѣло не пошло. Платки, холстъ, фуражки—кого этимъ удивишь! Чтобы обратить на себя вниманіе, надо было торговать по крайней мѣрѣ обелисками. За неимѣніемъ обелисковъ ему пришла счастливая мысль сдѣлаться негромъ-плясуномъ. Затѣя удалась, какъ нельзя лучше, и деньги такъ и потекли къ нему въ карманы.

— Вотъ погляди-ка! — И нагнувшись къ своему ящику, Трубачъ досталъ холщевый кошелекъ и медленно, словно желая продлить удовольствіе, сталъ вынимать одну за другой четыре двадцатифранковыя золотыя монеты, потомъ взялъ пакетикъ, тщательно завернутый въ бумагу и, подавая Этьену, сказалъ:

— Получай твои тридцать франковъ... Это первыя деньги, что я заработалъ. Я давно бы тебѣ ихъ отдалъ, да не зналъ, гдѣ тебя найти. Знать-то я зналъ, что ты живешь въ Гренеллѣ, да, какъ на грѣхъ, забылъ улицу и номеръ дома,—вотъ тутъ и ищи тебя! Весь Гренелль обѣгалъ, наконецъ разыскалъ твоего Папильона съ женой и дочкою. Услы-

хала дѣвчонка твое имя и завопила благимъ матомъ. Ужъ не потчивалъ ли ты ее вонъ тою палкою.—И онъ указалъ на длинный посохъ Этьена.—Папильонша что-то проворчала, а ея мужъ сердито буркнулъ: «Онъ въ Сенъ-Дени». Ужъ я успѣлъ обѣгать одиннадцать слесарей, а вечеромъ думалъ заглянуть и къ остальнымъ.

Трубачъ остановился, чтобы перевести духъ.

— А бабушку видѣлъ?—спросилъ Этьенъ.

— Еще бы! Какъ вспомню о нашемъ свиданіи, такъ на сердцѣ повеселѣетъ.—Онъ хлопнулъ въ ладоши и скомандовалъ: «Валяй, горнисты, маршъ!» и, приставивъ руку трубкою ко рту, протрубилъ бравурный маршъ.—Ну, теперь, слушай, какъ это случилось. Въ одинъ прекрасный день я очутился въ Сонанкурѣ. Обождавъ сумерекъ, я отправился къ бабушкиному домику съ моимъ тючкомъ за спиною. Бѣдная старушка сидѣла у окна и шила. Я хотѣлъ было разыграть маленькую комедію, предложить ей купить у меня нитокъ, иголокъ, шерстяныхъ чулокъ—куда тамъ! Только успѣлъ я войти въ садъ, а она уже бѣжитъ ко мнѣ навстрѣчу и кричитъ: «Онъ! Онъ! Ужъ это навѣрное онъ, мой милый Пьеръ!»

Трубачъ быстрымъ движеніемъ смахнулъ слезу.

— Другъ мой, какіе тутъ начались поцѣлуи, объятія! И ни одного слова упрека! Ужъ такія эти бабушки добрыя!.. Вспоминали мы и о тебѣ. Я все ей разсказалъ; она назвала тебя моимъ ангеломъ-хранителемъ. Прожилъ я у бабушки съ недѣлю; она ни за что не хотѣла отпустить меня, да мнѣ не сидѣлось на мѣстѣ. Сказалъ, что мнѣ поскорѣй хочется деньгу зашибить и... прощай бабушка! Разставаясь, обѣщалъ изрѣдка писать, и пишу!.. А теперь, малышъ, если нуждаешься въ «капиталахъ», черпай изъ моей сокровищницы сколько нужно.

Этьенъ поблагодарилъ; у него самого были «капиталы». Пріятели позавтракали, но вина выпили

немного,—Трубачъ сталъ теперь совсѣмъ степеннымъ юношею. Разсказалъ и Этьенъ въ свою очередь обо всемъ, что случилось съ нимъ со времени ихъ разлуки, и какъ ему теперь хорошо живется у старика Герве.

— А это твой посохъ подмастерья?—спросилъ, смѣясь, Трубачъ и указалъ на длинную палку, стоявшую въ углу.—Посохъ, который ждетъ, чтобы ты дорослъ до него?

— Ты угадалъ!—засмѣялся Этьенъ и сталъ говорить о томъ, какъ собирается обойти современемъ всю Францію.—А пока что,—сказалъ онъ въ заключеніе,—я не прочь обѣгать и осмотрѣть пригородъ.

— Ну, такъ идемъ вмѣстѣ! — сказалъ Трубачъ, вставая.—Сейчасъ только два часа, я провожу тебя до Энгіена, а тамъ мы разстанемся:—ты пойдешь своею дорогою, а я отправлюсь въ „Садъ Розъ“ и буду тамъ откалывать свой знаменитый кекъ-уокъ, разумѣется, предварительно обративъ себя опять въ негра.

Они отправились въ путь: одинъ съ длинною палкою въ рукѣ, другой—съ ящикомъ за спиной. Всю дорогу они толковали о финикахъ, нугѣ, о слесарномъ ремеслѣ и о томъ, какъ весело бродить по бѣлу-свѣту, затѣмъ наши пріятели разошлись въ разныя стороны, крѣпко пожавъ другъ другу руки на прощанье и пожелавъ поскорѣе опять свидѣться.

XIV.

Нежданная бѣда.

Спустя три дня Герве послалъ Этьена въ Парижъ за рѣзцомъ. Пользуясь случаемъ, Этьенъ выкупилъ свои часы. И счастливъ же онъ былъ, когда милые родные часики опять очутились у него въ рукахъ.

Хорошо теперь жилось Этьену. Слесарь съ женою обращались съ нимъ, какъ съ роднымъ сыномъ, любили и жалѣли его. „Быстро промчатся два-три года ученія,—мечталъ мальчуганъ;—выпустятъ меня не въ примѣръ другимъ въ подмастерье—самъ старикъ мнѣ это обѣщалъ,—а тамъ годъ-другой постранствую по Франціи, смотришь и въ мастера попаду, да не шутите, стану мастеромъ собственной мастерской Герве. Старикъ, вѣдь, не разъ мнѣ на это самъ намекалъ». Перевезетъ онъ тогда всѣхъ своихъ въ Сенъ-Дени и то, о чемъ онъ такъ мечталъ въ Ламарлетѣ, наконецъ сбудется. И съ полною вѣрою въ это хорошее будущее Этьенъ трудился и работалъ, сколько силъ хватало.

Но увы! не все на свѣтѣ дѣлается такъ, какъ мы хотимъ; только путемъ борьбы, долгой неустанной борьбы удается добиться того, о чемъ мечтаешь.

Старый слесарь, всегда пользовавшійся хорошимъ здоровьемъ, сталъ за послѣднее время сильно тучнѣть. Измѣнилось у него и расположеніе духа; часто послѣ обѣда и ужина онъ казался усталымъ и жаловался на головокруженіе.

— Надо бы вамъ, хозяинъ, съ докторомъ посовѣтоваться,—сказалъ разъ Этьенъ.

— А что проку!—пожалъ плечами старикъ и бережно взялъ со столика, стоявшаго въ углу кузницы, старую засаленную книгу.—Вотъ мой докторъ, и пока у меня сохранится хоть капелька здраваго смысла—другого мнѣ не надо. Купилъ я эту книгу въ Овернѣ, въ первый годъ моего странствованія по Франціи, у одного москательщика, честнаго, хорошаго человѣка. Тутъ всѣ болѣзни перечислены и какъ ихъ лечить нужно. Вотъ послушай-ка.

Перелистовавъ нѣсколько страницъ, онъ сталъ читать медленно, запинаясь, какъ читаютъ неумѣлые чтецы.

„*Головокруженія.*“ Головокруженія, какъ показываетъ само слово, суть болѣзни головы. Онѣ скорѣе непріятны, чѣмъ опасны и никогда никому не причиняли смерти. Все же не мѣшаетъ принимать противъ нихъ мѣры. Самое лучшее пить натощакъ отваръ изъ горькой травы, это очищаетъ кровь“.

— Видишь, товарищъ, избавиться отъ этой болѣзни нетрудно, стоитъ всего только купить на два су травника. Доктора стали бы прописывать пьявки, рожки и богъ знаетъ еще что, пока совсѣмъ бы не уморили. Пусть они дурачатъ другихъ и наживаются на ихъ счетъ, мнѣ они не нужны. Посмотри на собакъ, онѣ куда умнѣе. Заболитъ собачка, она побѣжитъ не къ какому-нибудь лекаришкѣ, а прямо въ поле и лечится травою.

И Герве важно закрылъ книгу. Съ этого дня онъ принялся пить травникъ рюмками, стаканами, наконецъ бутылками и послѣ всякаго пріема увѣрялъ, что чувствуетъ себя лучше, а станутъ ему что-нибудь возражать, онъ и слушать ничего не хочетъ. Послѣ всякаго обѣда и ужина на него нападала какая-то странная, съ каждымъ днемъ все усиливавшаяся сонливость. Старушка Герве не на шутку стала тревожиться.

А тутъ, какъ на грѣхъ, съ его другомъ-ламповщикомъ, съ которымъ онъ тридцать лѣтъ подрядъ игралъ по вечерамъ въ домино, случилось большое несчастье. У него въ подвалѣ загорѣлась бочка съ керосиномъ; несчастный не успѣлъ выскочить и сгорѣлъ. Смерть друга сильно поразила Герве. Много лѣтъ тому назадъ онъ полушутливо, полусерьезно обѣщалъ пріятелю украсить его могилу надгробнымъ памятникомъ своей работы. Теперь, когда сосѣдъ умеръ, Герве счелъ долгомъ выполнить свое обѣщаніе.

На другое утро послѣ похоронъ старикъ подозвалъ Этьена и, показывая ему листикъ бумаги, сказалъ:—Ну-ка погляди. Что скажешь?

Это былъ рисунокъ креста тонкой ажурной работы того же стиля, что и ларецъ. Этьену рисунокъ очень понравился.

Не сталъ старикъ долго собираться, сейчасъ же развелъ горнъ и принялся за дѣло. Три дня старый мастеръ, не разгибая спины, простоялъ за работой.

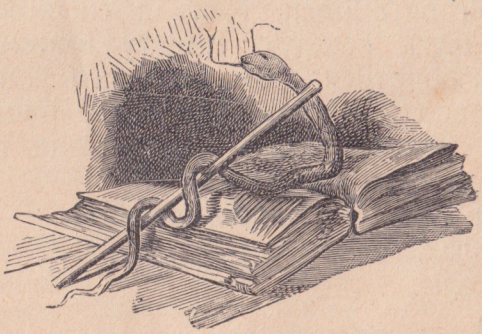
— Хочу выковать крестъ на славу. Вещь эта будетъ куда получше той, — сказалъ онъ Этьену, указывая на висѣвшій на стѣнѣ ларецъ.

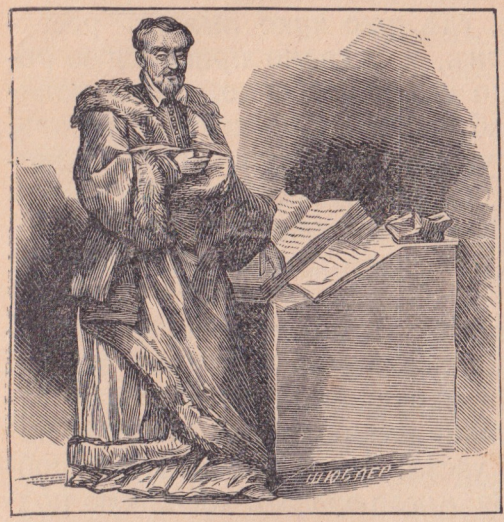
Между тѣмъ, время отъ времени съ нимъ дѣлались удушья, лицо наливалось кровью и багровѣло. На четвертый день онъ еле всталъ, его шатало во всѣ стороны и голова сильно кружилась. Жена умоляла его отдохнуть.

— Ладно, успѣю еще! — отвѣтилъ слесарь, прошелъ въ мастерскую, гдѣ уже ярко пылалъ разведенный Этьеномъ горнъ, и усердно принялся за работу. Вдругъ все лицо его перекосило, глаза налились кровью, изъ ослабѣвшихъ рукъ выпалъ молотъ; старикъ схватился рукою за горло и, какъ подкошенный, упалъ. На крикъ мальчика прибѣжали слесарша и двое сосѣдей, подняли старика и уложили въ постель. Къ вечеру стараго слесаря не стало.

Изъ Страсбурга пріѣхалъ родственникъ слесарши, мелкій пивоваръ, и взялъ на себя всѣ заботы по похоронамъ. Сама вдова была такъ убита горемъ, что чуть не лишилась разсудка и почти никого не узнавала. Ее увезли въ Эльзасъ. И эта добрая женщина, которая могла оказать кое-какую поддержку Этьену, тоже какъ будто умерла для него.

Домъ, гдѣ мальчикъ разсчитывалъ кончить ученье и стать современемъ хозяиномъ, продали въ какихъ-нибудь шесть-семь дней. Продали и ларецъ; онъ пошелъ съ аукціона всего за шестьдесятъ франковъ.





XV.

Въ поискахъ работы.

Въ лѣтній солнечный день Этьенъ отправился странствовать по Франціи. Хотѣлось ему и новые мѣста поглядѣть и поучиться кой-чему; не забылъ онъ и того, что покойный хозяинъ не разъ говорилъ ему, какъ важно бывать у разныхъ мастеровъ и поглядѣть на ихъ работу, чтобы стать и самому хорошимъ ремесленникомъ.

Закинувъ на плечо палку съ узелкомъ, Этьенъ весело зашагалъ берегомъ Сены въ Мелену—мѣсту свой первой остановки. Какъ дѣти, получившіе въ подарокъ часы, каждую минуту вынимаютъ ихъ, чтобы полюбоваться, такъ и нашъ Этьенъ то и дѣло доставалъ изъ кармана свой паспортъ, развертывалъ, разглядывалъ его и снова принимался перечитывать свои примѣты.

Ростъ 1 метръ 50 сантиметровъ.
Лобъ обыкновенный.
Глаза каріе.
Носъ } обыкновенные.
Ростъ }
Волосы темно-каштановые.

Съ особеннымъ удовольствіемъ онъ читалъ: «Ростъ 1 м. 50 с.» Такъ оно и было въ дѣйствительности. Здоровый трудъ, материнскія заботы доб-

рой слесарши, сытный столъ сдѣлали свое дѣло,— нашъ маленькій человѣкъ порядкомъ-таки вытянулся. Но его «обыкновенный» лобъ—высокій, красивой формы; „обыкновенный" носъ—правильный, съ нервными, подвижными ноздрями; „каріе" глаза, красивые, глубоко сидящіе глаза говорятъ объ энергіи, убѣжденности и сильной воли; «обыкновенный" ротъ—смѣло и красиво очерченъ, съ чуть замѣтнымъ пушкомъ на верхней губѣ.

Онъ бодро шагалъ, любуясь новыми живописными мѣстами, и на третій день около полудня входилъ въ Меленъ. Первымъ его дѣломъ было розыскать постоялый дворъ, гдѣ останавливаются обыкновенно странствующіе подмастерья. Содержательницы этихъ дворовъ слывутъ среди подмастерьевъ подъ кличкою матерей-покровительницъ. Объ нихъ ему не разъ разсказывалъ и Герве.

Спросилъ Этьенъ у какихъ-то двухъ прохожихъ, гдѣ ему найти такой постоялый дворъ, но тѣ съ улыбкою поглядѣли на него и, видимо недоумѣвая надъ страннымъ вопросомъ, пошли своею дорогою. Къ счастью, городъ былъ невеликъ; проблуждавъ часа два онъ наконецъ остановился въ узенькомъ темномъ переулкѣ передъ трактирчикомъ съ вывѣскою „Добрые друзья". Его направилъ туда какой-то сердобольный прохожій.

На порогѣ стояла хозяйка. Въ коричневой, съ безчисленными заплатами, юбкѣ, въ чепцѣ сомнительной чистоты, съ угрюмымъ, сердитымъ выраженіемъ лица,- она была далека отъ того представленія, который онъ составилъ себѣ объ этихъ добрыхъ радѣтельницахъ странствующихъ подмастерьевъ. Этьенъ снялъ фуражку и спросилъ: «Не вы ли мать-хозяйка подмастерьевъ»?

Она взглянула на него еще съ бо́льшимъ удивленіемъ, чѣмъ тѣ двое прохожихъ, которыхъ онъ остановилъ на улицѣ и, ничего не отвѣтивъ, зна-

комъ руки пригласила войти. Спустившись по тремъ ступенькамъ, Этьенъ очутился въ маленькомъ скверномъ зальцѣ, непріютномъ и плохо обставленномъ. Все его убранство составляли два ряда выкрашенныхъ зеленою краскою столовъ и грязный прилавокъ.

Этьенъ усѣлся за одинъ изъ дальнихъ столиковъ, положилъ узелокъ около себя на полъ и потребовалъ хлѣба, сыра и стаканъ вина. Хозяйка, подозрительно оглядывая его съ ногъ до головы своими маленькими, непріятными сѣро-зелеными глазками, не спѣшила исполнить его требованія и только, когда онъ второй разъ попросилъ подать себѣ закусить, принесла ему завтракъ.

Этьенъ принялся за ѣду, а хозяйка, остановившись посреди комнаты, не спускала съ него глазъ—глазъ злой сторожевой собаки, и, казалось, слѣдила за каждымъ кускомъ, который онъ подносилъ ко рту.

Этьенъ, все болѣе и болѣе смущаясь, наконецъ обратился къ ней съ просьбою указать ему какую нибудь слесарную мастерскую, гдѣ-бы онъ могъ найти себѣ работу.

— Что такое?—сердито прошамкала старуха, широко открывая свой беззубый ротъ.—Какъ-же, такъ и стану тебѣ указывать! Не разъ я указывала,—вашего брата тутъ не мало перебывало, а они ѣли, пили, а потомъ прощайте! уходили, не заплативъ ни гроша! Нѣтъ, уже довольно съ меня!

Закусивъ, Этьенъ досталъ пятифранковую монету и положилъ ее на столъ.

— Двадцать пять су!—сказала старуха и схватила деньги съ такою жадностью, словно хотѣла возмѣстить себя за всѣ понесенные убытки. Сдачу же она подала медленно, съ такимъ сердитымъ нахмуреннымъ видомъ, точно наносила себѣ горькую обиду.

Этьенъ, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, чуть не плакалъ.

„Съ добрый часъ продолжалась игра съ перемѣннымъ счастьемъ“ (стр. 116).

— Значитъ, вы не мать-хозяйка подмастерьевъ? —упавшимъ голосомъ спросилъ онъ.

— Было время, не одинъ десятокъ подмастерьевъ прошелъ черезъ мои руки, но теперь нѣтъ болѣе странствующихъ подмастерьевъ. Они или разъѣзжаютъ по желѣзнымъ дорогамъ или сидятъ по своимъ угламъ... Ступайте, ступайте своею дорогою.

Этьенъ всталъ и пошелъ въ городъ искать работы. Покидая Сенъ-Дени, онъ, чтобы на первое время быть спокойнымъ за своихъ, отправилъ въ Ламарлетъ пятнадцать франковъ, себѣ же оставилъ бездѣлицу, въ надеждѣ въ скоромъ времени пріискать какія-нибудь занятія.

Однако найти работу было не такъ-то легко, какъ казалось. Куда онъ ни обращался, всюду отказывали, и только одинъ слесарь пожалѣлъ его и велѣлъ заглянуть черезъ нѣсколько дней, обнадеживъ, что къ тому времени, быть можетъ, и навернется что-нибудь. Легко сказать, черезъ нѣсколько дней! Онъ опять зашагалъ и долго бродилъ изъ улицы въ улицу; наконецъ, грустный, усталый, остановился передъ ратушей. Во дворѣ ратуши стоялъ памятникъ. Этьенъ скользнулъ по нему разсѣяннымъ взглядомъ, но вдругъ весь встрепенулся,—на пьедесталѣ крупными буквами было написано: Жакъ Аміо.

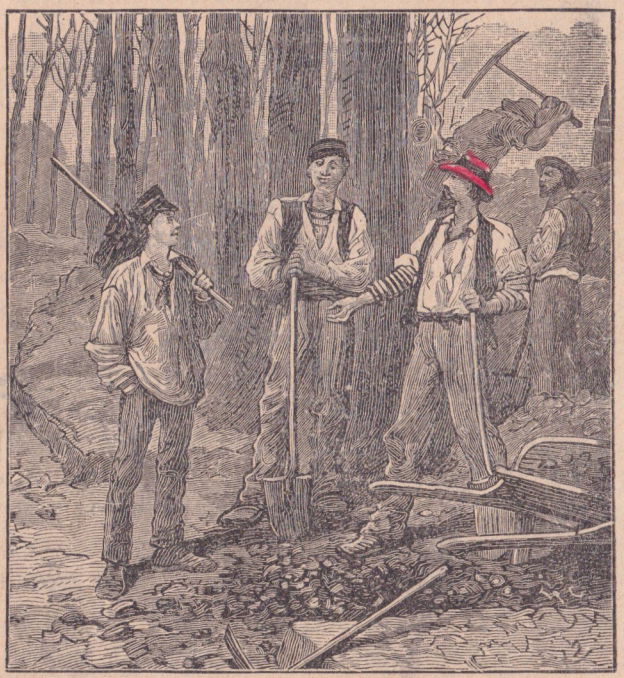
— Аміо! маленькій Жакъ Аміо! — Онъ снялъ фуражку и съ умиленіемъ глядѣлъ на изображеніе великаго мужа. Проходившіе мимо люди подсмѣивались надъ нимъ, но мальчуганъ ничего не видѣлъ и не слышалъ,—онъ весь ушелъ въ созерцаніе памятника.

„Если Аміо преодолѣлъ всѣ препятствія и достигъ того, къ чему стремился, зачѣмъ мнѣ унывать и падать духомъ! — подумалъ Этьенъ. — Не сегодня, такъ завтра, а непремѣнно раздобуду себѣ какую-нибудь работишку.

И онъ бойко зашагалъ дальше, свернулъ наудачу въ какую-то улицу и скоро очутился за городомъ въ полѣ. Тамъ подлѣ дороги работали землекопы. Этьенъ остановился и сталъ на нихъ глядѣть.

— Не хочешь ли съ нами поработать?—спросилъ, смѣясь, одинъ изъ рабочихъ.—Намъ нужны землекопы.

— Ну чтожъ! Я не прочь.



Рабочіе, все рослые ребята, стали подшучивать надъ нашимъ маленькимъ человѣкомъ. Наконецъ старшій сказалъ:

— Постарайся къ завтрашнему дню вырости на вершокъ-другой и приходи сюда къ шести часамъ утра.

— Ладно, приду.

Этьенъ переночевалъ въ ближайшемъ постояломъ дворѣ и къ шести часамъ явился въ назна-

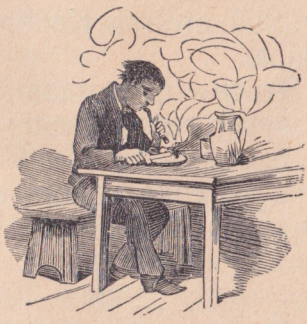
ченное мѣсто. Вырости за ночь онъ не выросъ, но всежъ его пожалѣли и поставили на работу. Крестьянскій мальчикъ, которому не разъ доводилось держать въ рукахъ лопату, сразу умѣло взялся за дѣло. Изъ самолюбія, чтобы не отстать отъ другихъ, онъ работалъ съ такимъ рвеніемъ, что потъ катился съ него градомъ.

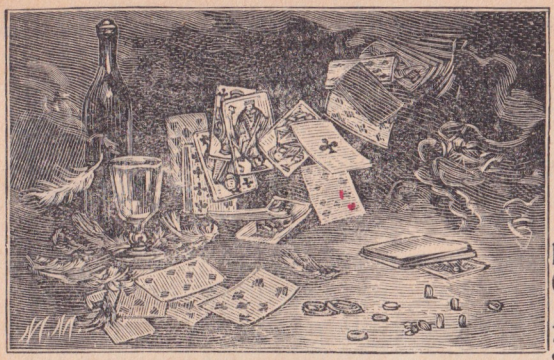
Какъ ни уговаривали его товарищи не слишкомъ налегать на работу, онъ, не разгибая спины, все копалъ да копалъ землю. При разсчетѣ на его долю достался одинъ франкъ двадцать пять сантимовъ. Очень довольный, Этьенъ отправился на постоялый дворъ и заказалъ себѣ на ужинъ рагу изъ баранины съ рѣпой. Хоть ужинъ былъ и неважный—баранина подгорѣла, рѣпа переварилась, но онъ все съѣлъ съ аппетитомъ, а, поужинавъ, поскорѣе улегся спать.

Наутро онъ проснулся самъ не свой; все тѣло у него ныло, руки и ноги такъ одервенѣли, что трудно было двинуться съ мѣста.

— Не бѣда, привыкну!—подумалъ мальчуганъ и побрелъ въ поле. Цѣлый день онъ работалъ, сколько было силъ. Вторую ночь онъ почти не спалъ; тѣло разболѣлось еще больше, лицо горѣло, его всего кидало то въ жаръ, то въ ознобъ.

Работать-работай, да мѣру знай!





XVI.

Неожиданная встрѣча.

Что ни говорите, а свѣтъ не безъ добрыхъ людей. И хозяйка Этьена, вдова съ пятью дѣтьми, оказалась доброю, славною женщиной. Какъ мать родная, ходила она за больнымъ Этьеномъ.

Черезъ четыре дня онъ всталъ и хотя чувствовалъ слабость во всемъ тѣлѣ, пошелъ прямо къ тому слесарю, который приказалъ ему еще разъ понавѣдываться.

— Сегодня у меня ничего нѣтъ. Приходи завтра! — сказалъ хозяинъ.

Въ самомъ грустномъ расположеніи духа пошелъ Этьенъ бродить по городу; его такъ и тянуло къ памятнику Аміо, — онъ надѣялся въ созерцаніи своего бронзоваго друга снова почерпнуть твердость духа и энергію. Только подошелъ къ памятнику, слышитъ, кто-то окликаетъ его. Обернулся, глядь въ дверяхъ кофейной стоитъ Кабаратъ и, улыбаясь, машетъ ему шляпою.

Обрадовался Этьенъ неожиданной встрѣчѣ; забылъ онъ, что старый актеръ не очень-то хорошо съ нимъ поступилъ, бросивъ его въ Парижѣ на произволъ судьбы, какъ котенка какого захудалаго, и побѣжалъ къ старику.

— Какъ я радъ тебя видѣть! — сказалъ Кабаратъ, протягивая Этьену руки. — Какимъ образомъ ты здѣсь очутился? А я только что про тебя вспоминалъ... Что, думаю, сталось съ мальчугаиомъ!

— Я теперь слесарь.

— Слесарь! Вотъ оно что! Какъ Людовикъ XVI значитъ... И хорошо тебѣ живется?

— А вамъ? — простодушно спросилъ Этьенъ.

— Мнѣ?... Ахъ, да! мы, вѣдь, какъ разстались съ тобою тогда въ Парижѣ, больше и не видались, мой славный маленькій пажъ; но развѣ товарищъ, котораго я просилъ передать тебѣ... такъ-таки ничего тебѣ не говорилъ.

— Никакого товарища я не видалъ.

— Экая досада, право. Ну такъ, видишь-ли, въ тотъ самый вечеръ, когда я игралъ въ Клюни и, надо сказать, имѣлъ большой успѣхъ, а ты подвизался въ Портъ Сенъ-Мартенѣ, одинъ пріятель затащилъ меня ужинать въ ресторанчикъ, познакомилъ тамъ съ бродячею труппою, и мы вмѣстѣ отправились на гастроли на югъ... А теперь я служу въ другой труппѣ на сѣверѣ. Меня хорошо принимали, — нерѣшительнымъ голосомъ прибавилъ онъ, опустивъ глаза. — Честное слово, хорошо...

Онъ пригласилъ Этьена въ кофейную. Тамъ за столикомъ играли въ карты два бритыхъ господина, прихлебывая изъ стакановъ какую-то зеленую жидкость.

— Это все наши актеры: «благородный отецъ» и комикъ, — сказалъ Кабаратъ, подходя съ Этьеномъ къ играющимъ.

— Позвольте вамъ представить — бывшій артистъ театра Портъ Сенъ-Мартенъ, а теперь надежда нашей отечественной промышленности! — сказалъ Кабаратъ, хлопнувъ Этьена по плечу. — Садись сюда, мальчуганъ, и выпьемъ стаканчикъ-другой... Эй, пива!

Актеры кончили партію. Благородный отецъ, не молодой уже мужчина съ сильно поблекшимъ, но торжественно-важнымъ лицомъ, всталъ изъ за стола. Ему сегодня сильно не везло, и онъ порядочно

проигралъ. На его мѣсто сѣлъ Кабаратъ и сыгралъ три партіи. Этьенъ внимательно слѣдилъ за игрою.

— А ты, молодой человѣкъ, играешь въ экарте?— спросилъ благородный отецъ.

— Кое-что будто и смекаю, сударь!—наивно отвѣтилъ Этьенъ.

— Садись, сыграемъ!—предложилъ старикъ.

— „Съ тобой бороться — трудъ напрасный!“ — продекламировалъ Кабаратъ, вставая. Ему тоже не повезло.

Тутъ подошелъ къ нему слуга и сталъ говорить что-то на ухо.

— Иду, иду! — заторопился Кабаратъ и, нагнувшись къ Этьену, тихо спросилъ: — У тебя есть деньги?

— Немного есть.

— Въ такомъ случаѣ, брось не играй... Я сейчасъ вернусь.

Онъ направился къ дверямъ кофейной. На лицѣ у комика выразилась тревога, онъ поспѣшно всталъ и пошелъ за Кабаратомъ. Тогда благородный отецъ взялъ карты, стасовалъ ихъ и сталъ играть одинъ. Играетъ, а самъ искоса на Этьена поглядываетъ. Видитъ, что мальчику до смерти хочется попытать счастье и говоритъ:

— Подсаживайся! Дамъ тебѣ два очка впередъ; игра по франку.

Этьенъ досталъ франкъ и положилъ на блюдце. Актеръ сдалъ. Что ни сдача—всѣ козыри у Этьена. Одну за другой восемь партій подрядъ выигралъ онъ у актера. Обступили игроковъ всѣ, кто случился въ кофейной; глядятъ, дивуются на маленькаго чудо-игрока.

Опьяненный удачею, съ пылающимъ лицомъ, блестящими глазами, Этьенъ дрожащими руками то снималъ, то сдавалъ карты. Съ добрый часъ продолжалась игра съ перемѣннымъ счастьемъ; на-

конецъ благородный отецъ бросилъ карты, объявивъ, что ему пора идти завтракать.

Отъ двадцати франковъ, которые были у Этьена, осталось пять, ровно столько, чтобы разсчитаться на постояломъ дворѣ. Онъ вышелъ изъ кофейной, надѣясь гдѣ-нибудь поблизости увидѣть Кабарата, но потомъ передумалъ и рѣшилъ лучше совсѣмъ съ нимъ не встрѣчаться,—ужъ очень ему было досадно и стыдно за себя. Хорошъ, нечего сказать! Сѣлъ играть въ карты и проигралъ пятнадцать франковъ. Цѣлыхъ пятнадцать франковъ!

Вернувшись на постоялый дворъ, Этьенъ снова почувствовалъ себя нехорошо,—съ нимъ повторился приступъ лихорадки. Онъ легъ и укрылся потеплѣе, но сонъ бѣжалъ отъ него, и онъ всю ночь не могъ сомкнуть глазъ. На другой день, рано утромъ, весь разбитый, онъ отправился въ знакомую слесарню.

Тамъ уже кипѣла работа. Слесаря, кто у горна, кто за наковальней, занимались своимъ дѣломъ, а хозяинъ, высокій худощавый мужчина съ орлинымъ носомъ, расхаживалъ по мастерской и распоряжался. Этьенъ подошелъ къ нему.

— А-а, это ты, барченокъ! Работы ищешь?.. Намъ какъ разъ нуженъ молотобоецъ.—И, смѣривъ Этьена взглядомъ, прибавилъ насмѣшливо прищуривъ глаза;—да только ты больно жидокъ!

— Я служилъ молотобойцемъ у моего прежняго хозяина,—смущенно пробормоталъ Этьенъ.

— А долго ты у него прожилъ?

— Порядочно. Не умри онъ, и сейчасъ бы жилъ.

— Такъ онъ умеръ. Тѣмъ хуже для тебя. Ужъ не онъ ли, прежде чѣмъ отправится на тотъ свѣтъ, научилъ тебя играть въ экарте, да еще по большой. Я увѣренъ, что ты картами больше наживешь, чѣмъ своимъ ремесломъ, да только тебѣ здѣсь дѣлать нечего, у насъ въ карты не играютъ, – съ усмѣ-

шечкою промолвилъ слесарь и повернулся къ Этьену спиною.

Бѣднягѣ ничего не оставалось, какъ уйти.

„Да, честному рабочему, живущему только на свой трудовой заработокъ, деньги, выигранныя въ карты, должны руки жечь... А я игрокъ. Увидѣлъ карты и не устоялъ!.. Игрокъ, да еще и пьяница! Несчастный я, пропащій человѣкъ!

Такъ казнился Этьенъ, мучимый укорами совѣсти. Въ тотъ же день онъ ушелъ изъ Мелена съ пятнадцатью су всего въ карманѣ. Взглянуть на прощанье еще разъ на памятникъ Аміо у него не хватило духа.

Забыть, забыть этотъ городъ и поскорѣ попасть въ долину рѣки Соны, гдѣ, какъ говорилъ ему Герве, много всевозможныхъ металлургическихъ заводовъ. „Тамъ-то на всѣхъ хватитъ работы,— думалъ нашъ маленькій человѣкъ, отправляясь въ путь,—не до картъ будетъ!“

XVII.

Даровой ночлегъ.

Питаясь, чѣмъ Богъ послалъ, ночуя, гдѣ придется, брелъ день за днемъ нашъ маленькій путешественникъ, пока не добрелъ до знаменитаго своими розами Провена, втораго на его пути города.

Подъ проливнымъ дождемъ, усталый, голодный, безъ сухой нитки на тѣлѣ, подходилъ онъ къ Провену. Надо бы гдѣ-нибудь заночевать, да въ карманѣ у него одинъ су, одинъ маленькій жалкій су, съ которымъ страшно разстаться. Мало ли на что онъ можетъ еще пригодиться! «Не поискать ли мать-хозяйку подмастерьевъ?—промелькнуло у него въ головѣ.—Да нѣтъ, не стоитъ!—рѣшилъ онъ, вспомнивъ, какъ его приняли въ трактирчикѣ „Добрые друзья».

Когда сосетъ подъ ложечкою отъ голода, самое лучшее заснуть поскорѣе. Заснуть, а гдѣ? Ба! да, вѣдь, въ ратушѣ можно достать билетъ на ночлегъ. Всякій подмастерье это знаетъ. И вотъ онъ отправился въ ратушу. Тамъ толстый флегматичный господинъ съ медлительными движеніями разсмотрѣлъ его паспортъ, долго о чемъ то раздумывалъ и наконецъ далъ ему билетъ въ больницу.

Промокшій до костей, весь въ грязи, на видъ, ни дать ни взять, жалкій бродяжка, остановился Этьенъ передъ больницею Что тамъ ни говори, а переночевать въ больницѣ все же было лучше, чѣмъ въ гостинницѣ „Подъ открытымъ небомъ“, гдѣ, не переставая ни на одно мгновеніе, лилъ частый, ровный дождь.

Сторожъ взялъ билетъ, внимательно прочелъ его и безъ дальнѣйшихъ формальностей отвелъ Этьена въ длинный просторный залъ съ чисто выбѣленными стѣнами. При тускломъ свѣтѣ коптившей лампы можно было разглядѣть два ряда кроватей по восьми въ рядъ; надъ каждою бѣлѣлъ пологъ. Почти половина кроватей была занята. Несмотря на открытое окно въ комнатѣ было такъ душно и смрадно, что у Этьена захватило дыханіе.

— Ложись на эту кровать! – сказалъ сторожъ, повернулся и ушелъ.

На сосѣдней кровати хрипѣлъ больной; съ другихъ кроватей тоже доносились стоны. Жутко стало мальчику, такъ бы и убѣжалъ, кажется, да усталыя ноги отказывались служить. Онъ тихонько раздѣлся, улегся и задернулъ пологъ, но уснуть долго не могъ. Больной рядомъ съ нимъ продолжалъ стонать и хрипѣть. Вдругъ часа черезъ два залъ огласился страшнымъ пронзительнымъ крикомъ, затѣмъ вздохи, стоны, хрипѣніе – все разомъ смолкло.

Ужасъ охватилъ Этьена, волосы поднялись у него на головѣ, кровь застыла въ жилахъ. Дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ приподнялся на кровати, но отдернуть полога не посмѣлъ. Его тревожно настороженное ухо уловило сдержанный щопотъ, шумъ шаговъ, то приближающихся, то удаляющихся.

— Боже, что это? Привидѣніе! Мертвецы!

Зубы у него стучали; онъ снова улегся и скоро заснулъ. Сильный свѣтъ разбудилъ его рано утромъ. Яркое солнце такъ и било прямо въ глаза.

— Этого что ли привели ночью? — громко спросилъ чей-то басъ.

— Онъ еще не записанъ,—отвѣтилъ другой голосъ.

— Почему не записанъ? Что за безпорядки!

Этьенъ полуоткрылъ глаза. Подлѣ кровати стоялъ высокій господинъ съ серьезнымъ, хмурымъ лицомъ и какіе-то люди въ бѣлыхъ передникахъ и черныхъ шапочкахъ. Господинъ внимательно поглядѣлъ на Этьена, потомъ, взявъ его за руку, сказалъ:

— Покажи языкъ, мальчуганъ!

Этьенъ засмѣялся. Полный отдыхъ, яркое, горячее солнце привели его въ хорошее настроеніе.

— Я не боленъ, сударь.

— Не боленъ?.. Такъ зачѣмъ же ты здѣсь? — досадливо проговорилъ докторъ.—Или захворать захотѣлось?

Этьенъ разсказалъ, какъ онъ попалъ въ больницу.

— Дурачье! — сердито проговорилъ докторъ и, какъ бы ища виновнаго, быстрымъ взглядомъ обвелъ окружающихъ.—Я этого такъ не оставлю... А ты, дурень, развѣ не могъ уйти—обратился онъ опять къ Этьену. — Лучше спалъ бы подъ дождемъ! Ну, вставай и убирайся поскорѣе!

Ворча что-то подъ носъ, докторъ направился къ другой постели, а Этьенъ одѣлся и скорехонько выбрался изъ палаты.

И вотъ онъ опять на улицѣ. День былъ воскресный, значитъ не найти работы, а голодъ все больше и больше его мучилъ. Обшарилъ онъ всѣ карманы, вывернулъ ихъ на изнанку, но кромѣ единственнаго су ничего не нашелъ. Заложивъ руки въ карманы, стоялъ Этьенъ, прислонившись къ стѣнѣ, и раздумывалъ: „Куплю себѣ кусокъ хлѣба... а потомъ? Придется ждать до завтра, а будетъ ли у меня завтра больше, чѣмъ сегодня? Не проще ли остаться тутъ и умереть?“

Ноги у него подкашивались, голова кружилась. Сдѣлавъ надъ собой усиліе, онъ поплелся вдоль улицы, ища глазами булочную. Улица въ концѣ перекрещивалась двумя другими. Куда повернуть? Направо или налѣво?

Онъ досталъ изъ кармана свою единственную монетку и подбросилъ ее вверхъ. «Если орелъ—пойду налѣво; рѣшка—направо». Выпалъ орелъ. Едва Этьенъ успѣлъ отойти какихъ-нибудь десять шаговъ, какъ замѣтилъ вывѣску, на которой крупными буквами было выведено:

ТУРНЕ СЫНЪ.

Кузнецъ, телѣжникъ.

Въ глубинѣ небольшого двора стоялъ каменный домъ, закоптѣлый отъ дыма. Внизу помѣщалась кузница; по случаю праздничнаго дня она была закрыта. На дворѣ въ безпорядкѣ валялись сохи, плуги, тачки, опрокинутыя телѣги. Молодой рыжеволосый мужчина, заложивъ руки въ карманы, посвистывая, расхаживалъ по двору. Лицо его, доброе и привѣтливое, понравилось Этьену. Онъ подошелъ и, приложивъ руку къ козырьку, повторилъ все тотъ же старый вопросъ: „Не нуженъ ли вамъ работникъ?“

Поглядѣлъ на него минутку кузнецъ и сказалъ: «Ну чтожъ! на недѣльку-другую, пожалуй, возьму тебя, да только справишься ли ты съ работой,—на видъ ты больно молодъ.

— Помилуйте, мнѣ пятнадцать лѣтъ! Хоть ростомъ я и не великъ, зато силою Богъ меня не обидѣлъ. Я былъ въ ученіи у слесаря, могу служить и молотобойцемъ.

— У меня нужно быть на всѣ руки мастеромъ. На первое время дамъ тебѣ по тридцати су въ день, а тамъ увидимъ.

Получать двѣ недѣли по тридцати су въ день! Вѣдь, это цѣлое богатство. Этьенъ не помнилъ себя отъ радости.

— Ну, а теперь пойдемъ выпьемъ, — сказалъ кузнецъ.—Тебѣ не мѣшаетъ выпить рюмочку-другую винца, ишь, ты какой блѣдный.

Въ первой комнатѣ, куда они вошли, передъ большою лоханкой стояло шесть ребятишекъ малъ-мала меньше. Мать, черноволосая, полная женщина съ живымъ, выразительнымъ лицомъ, ловкимъ движеніемъ намыливала дѣтишкамъ лицо и руки, затѣмъ ополоснувъ ихъ чистою водою, сухо-на-сухо вытирала, не обращая вниманія на капризы и слезы. Разъ, два, три—и готово!

Дѣти подбѣжали къ отцу; онъ расцѣловалъ ихъ умытыя свѣженькія рожицы.

У Этьена при видѣ этой милой сценки даже на душѣ повеселѣло.

— Вотъ, жена, я нанялъ новаго работника, — сказалъ кузнецъ.—Принеси-ка намъ бутылочку вина.

Не выпуская изъ рукъ вороха дѣтскихъ штанишекъ и чулочекъ, слесарша мигомъ открыла шкапъ, достала бутылку, два стакана, хлѣбъ и съ привѣтливою улыбкою поставила все это на столъ.

Изголодавшійся Этьенъ былъ бы не прочь одинъ съѣсть весь хлѣбъ, но сдержался и принялся весело разсказывать о томъ, какъ попалъ въ больницу на ночлегъ. Кузнецъ просилъ его не стѣсняться, закусить, какъ слѣдуетъ, и оставилъ у себя обѣдать. Заморивъ червячка, они пошли на дворъ, пересмотрѣли повозки, плуги, сошники, телѣги и распредѣлили работу на завтрашній день. Толковыя, дѣльныя замѣчанія Этьена сразу подняли его въ глазахъ слесаря.

За обѣдомъ подали ароматную, дымящуюся похлебку съ цѣлой горой капусты, моркови и рѣпы на отдѣльномъ блюдѣ. Сытно поѣли, а потомъ всею семьею отправились гулять по дорогѣ въ Парижъ. Этьенъ забавлялъ дѣтей, вырѣзывалъ имъ изъ тальника свистульки и бузинныя дудочки, чѣмъ окончательно полонилъ сердце мамаши. Она шепнула что-то мужу, и тотъ по возвращеніи домой предложилъ Этьену остаться у него жить, но предупредилъ, что спать ему придется въ коморочкѣ на

чердакѣ. Этьенъ съ радостью согласился,—спать на чердакѣ всежъ куда лучше, чѣмъ ночевать въ больницѣ или въ придорожной канавѣ.

Вечеромъ, растянувшись на мягкомъ, тепломъ соломенникѣ и слушая, какъ завываетъ вѣтеръ и хлещетъ по черепицамъ дождь, онъ думалъ: «Какъ много значитъ въ жизни случай! Выпади у меня вмѣсто орла рѣшка, я бы повернулъ направо и, можетъ быть, умиралъ бы теперь съ голода на кучѣ камней».

Слесарь съ женой были добрые, славные люди Весь домъ держался на хозяйкѣ. Вставала она до зари, ложилась послѣднею и ни минуты не сидѣла безъ дѣла: то убирала комнаты, то стряпала, то возилась съ дѣтьми, стирала, шила или штопала. И характера была всегда такого спокойнаго, ровнаго. Какая разница между нею и позолотчицею съ

ея несносною Дуду! Нельзя сказать, чтобы маленькіе Турне были бы ангелами, а все-таки они не мучили Этьена своими капризами, не мѣшали ему работать и не сыпали ему въ супъ испанскихъ бѣлилъ.

Ловкостью и знаніемъ дѣла Турне напоминалъ Этьену его стараго хозяина. Какъ и Герве, онъ былъ усердный и старательный работникъ, но работа его требовала больше силы, нежели искуства.

Вмѣсто двухъ недѣль Этьенъ проработалъ у Турне три, а затѣмъ пришло время уходить. Жалко имъ было другъ съ другомъ разставаться,—хорошіе люди скоро сходятся.

Вся семья вышла проводить Этьена за городъ. Дѣтишки, которымъ онъ на память смастерилъ великолѣпнѣйшаго воздушнаго змѣя, прощаясь, горько плакали.

Обнявъ еще разъ всѣхъ, Этьенъ зашагалъ по убитой щебнемъ дорогѣ. И долго было слышно, какъ стучали его башмаки, собственноручно подбитые имъ въ четыре ряда большими гвоздями. Кромѣ пріятныхъ воспоминаній о семьѣ Турне, онъ уносилъ съ собою восемьнадцать франковъ, новую фуражку и новый запасъ здоровья и надеждъ. Потерянное въ Меленѣ онъ наверсталъ съ лихвою. Звонко бренчали въ его карманѣ франки. Весь міръ принадлежалъ ему!

XVIII.

Дорожныя приключенія.

Блѣдное зимнее солнце скупо лило на подмерзшую землю свои лучи. Цѣлый день шелъ Этьенъ, нигдѣ не останавливаясь. Ранніе сумерки застали его въ пустынной безлюдной мѣстности; кругомъ ни жилья не видно, ни огонька нигдѣ не свѣтится. Гадать здѣсь на орла и рѣшку, какъ въ Провенѣ, было бы совершенно безполезно. А сумерки все сгущались и сгущались. Досталъ Этьенъ изъ котомки кусочекъ хлѣба и колбасу, но ѣсть не могъ, ужъ очень утомила его долгая ходьба, да и на душѣ было неспокойно и жутко. Куда дѣваться? Не ночевать же въ холодную ноябрьскую ночь въ придорожней канавѣ подъ ревъ и свистъ буйнаго вѣтра. „Въ больницѣ и то было бы лучше! — думалъ мальчуганъ. — Да и глупо ночевать въ канавѣ, когда есть чѣмъ заплатить за ночлегъ“.

На удачу Этьенъ сталъ медленно взбираться на каменистый пригорокъ, какъ вдругъ откуда-то издали до него донесся сначала звонъ колокольчиковъ, потомъ блеяніе овецъ. Звуки все близились, росли, и вдругъ съ вершины сосѣдняго холма, освѣщеннаго послѣдними отблесками догорающаго дня, стало сбѣгать большое стадо овецъ; двѣ огромныя овчарки неслись по бокамъ, то забѣгая впередъ, то поворачивая назадъ, всячески стараясь поддержать порядокъ въ стадѣ.

Понемногу на фонѣ сѣраго неба стала вырисовываться фигура пастуха, важно выступающаго за

стадомъ въ длинномъ плащѣ, съ капюшономъ на головѣ и съ посохомъ въ рукахъ. Обрадовался Этьенъ, что наконецъ человѣка увидѣлъ и поспѣшилъ къ пастуху.

— Здравствуй, дѣдушка! Скажи, пожалуйста, куда я забрелъ; кругомъ не видно ни города, ни деревни, ни фермы.

— Ты сбился, сынокъ, съ дороги,—прошамкалъ старикъ.—А жилье тутъ есть; вѣдь не брожу же я, какъ вѣчный жидъ, и не съ конца свѣта пригналъ сюда свое стадо.

Старикъ поднялся съ Этьеномъ повыше на пригорокъ и, указывая на темнѣвшую вдали рощицу, сказалъ:

— Видишь, вонъ тамъ между деревьевъ огонекъ свѣтится. Это ферма, она близехонько отсюда, въ какой-нибудь полверстѣ; тамъ тебя навѣрное пустятъ на ночлегъ. Бѣги поскорѣе, а то, какъ стемнѣетъ, совсѣмъ дороги не найдешь.

— Спасибо, — поблагодарилъ Этьенъ. — А ты развѣ въ полѣ ночуешь со стадомъ?

— А то гдѣ-же?

— Ну, такъ покойной ночи, дѣдушка!

Этьенъ быстро спустился по косогору и, не теряя изъ вида мерцающаго между деревьями огонька, скоро добрался до фермы. Посреди большого двора, обнесеннаго стѣною, стоялъ красивый каменный домъ въ одинъ этажъ. Въ глубинѣ двора чернѣли какія-то зданія, не то риги, не то конюшни.

— Ого! вотъ это постоялый дворъ такъ постоялый дворъ!—подумалъ Этьенъ.

По двору проходилъ старый слуга съ двумя полными ведрами только что подоеннаго молока. Этьенъ поднялся вслѣдъ за нимъ на крылечко и вошелъ въ домъ; большой косматый песъ встрѣтилъ его громкимъ лаемъ.

Въ просторной комнатѣ ярко пылалъ на очагѣ

огонь. Надъ огнемъ висѣлъ на крючкѣ большой котелъ, въ которомъ варилась пріятно раздражавшая аппетитъ вкусная похлебка. Противъ очага сидѣлъ въ соломенномъ креслѣ старичекъ и грѣлся; рядомъ съ нимъ сидѣла его жена, женщина лѣтъ шестидесяти въ бѣломъ накрахмаленномъ чепцѣ, и вязала чулокъ; у нея на колѣняхъ мурлыкалъ большой котъ. Когда Этьенъ вошелъ, старушка подняла на него глаза, но, не проронивъ ни слова, снова углубилась въ работу.

— Ишь, какіе нелюбезные!— подумалъ Этьенъ и, подойдя къ старичкамъ, сказалъ:

— Здравствуйте, хозяева! Нельзя ли у васъ поужинать и переночевать?

— Мы въ этомъ никому не отказываемъ, — отвѣчалъ старикъ, окинувъ бѣглымъ взглядомъ Этьена, и указалъ на стулъ рядомъ съ собою.

— Сюда должно быть не часто заходятъ путники?— спросилъ Этьенъ, считавшій необходимымъ сказать что-нибудь изъ вѣжливости.

— О, нѣтъ! Къ намъ частенько заворачиваютъ прохожіе,— возразилъ старичекъ.—Насъ всѣ здѣсь знаютъ.

Дверь отворилась. Вошли нѣсколько работниковъ, а за ними служанка съ большою черною миской съ мелко нарѣзаннымъ хлѣбомъ. Она вылила въ миску варившуюся въ котлѣ похлебку и поставила ее на столъ. Всѣ усѣлись за столъ, а хозяинъ съ хозяйкой заняли мѣсто посерединѣ.

Этьену показались очень вкусными и похлебка, и бобы съ саломъ, поданные на второе. Все ему было по душѣ въ этомъ постояломъ дворѣ: и простота хозяевъ, и вкусный ужинъ, и теплая, уютная комната. Одно только не понравилось: хозяинъ съ хозяйкою пили вино, а работники какую-то грушевку, довольно-таки кислую на вкусъ.

„Пусть они угощаютъ своихъ слугъ, чѣмъ имъ вздумается, но я гость, да къ тому же не съ пустымъ

карманомъ, могли бы меня спросить, что я желаю пить,—подумалъ Этьенъ и потребовалъ бутылку вина.

Онъ не замѣтилъ, что сидѣвшіе за столомъ усмѣхнулись. По знаку хозяина жена принесла бутылку вина.

Этьенъ всталъ, налилъ всѣмъ присутствующимъ, потомъ, чокнувшись съ хозяиномъ и хозяйкой, выпилъ за ихъ здоровье. Тѣ отвѣтили ему тѣмъ же. Отъ его вниманія, однако, не укрылось, что работники что-то медлятъ пить вино и переглядываются. Смутившись, онъ спросилъ хозяина:

— Скажите, вѣдь, здѣсь постоялый дворъ? Не такъ-ли?

Всѣ засмѣялись, засмѣялся и Этьенъ.

— Простите,—извинился онъ.—Чего добраго, я бы послѣ бутылки вина потребовалъ бы и жареныхъ перепеловъ.

— Ба! мы отлично видѣли, что вы спросили вина по простотѣ души,—сказалъ хозяинъ.—У насъ не постоялый дворъ, а даемъ мы пріютъ путникамъ по старому, еще дѣдами нашими, заведенному обычаю.

Когда настало время ложиться спать, одинъ изъ конюховъ зажегъ фонарь и отвелъ Этьена въ большую теплую конюшню. Тамъ, фута на три отъ потолка, висѣли рядомъ два деревянныхъ ящика для спанья; взбираться надо было по веревкѣ, перевязанной узлами. Этьенъ полѣзъ наверхъ и прекрасно провелъ ночь несмотря на то, что снизу сильно потягивало не очень-то пріятнымъ душкомъ.

Рано поутру Этьенъ покинулъ ферму, отъ души поблагодаривъ добрыхъ хозяевъ. Онъ торопился поскорѣе добраться до Ножана разсчитывая найти тамъ письмо отъ Терезы,—по уговору она должна была писать туда до востребованія. Въ Ножанѣ онъ

первымъ дѣломъ завернулъ на почту. Тамъ его уже ждало письмо. Боже, какъ онъ обрадовался знакомому милому почерку! Къ сожалѣнію, вѣсти были не совсѣмъ утѣшительныя. Жакъ былъ боленъ— у него болѣло горло,—и только теперь сталъ немного поправляться, дѣдушка тоже все похварывалъ. Въ спокойномъ тонѣ письма сквозила грусть, какъ ни старалась Тереза ее скрыть.

„Какое ты задумалъ далекое трудное путешествіе!— писала она.—Съ каждымъ днемъ ты уходишь отъ насъ все дальше и дальше. Развѣ это ужъ такъ необходимо исходить весь свѣтъ? Какъ подумаешь, что ты тамъ всѣмъ чужой, нн отъ кого не услышишь ласковаго слова, никто не позаботится о тебѣ, такъ и защемитъ на сердцѣ... Братецъ, вѣдь, ты же вернешьзя къ намъ, неправда ли? Но когда? Подумать только, мы, вѣдь, раньше никогда не разставались. Право, хотѣлось бы, чтобы мы снова стали маленькими; тогда ты не собирался уходить отъ насъ, и мы жили такъ счастливы! Видно правду говорилъ дѣдушка: „годъ прожить—еще одно несчастье нажить“.

„Я отмѣтила на стѣнѣ твой ростъ: 1 метръ 50 сантиметровъ. Однако, ты порядочно выросъ, маленькій человѣкъ! Ростъ у тебя прибавляется, только любовь бы къ намъ не убавлялась.

Этьенъ отеръ показавшіяся на глазахъ слезы. „Какъ только у меня будутъ деньги, непремѣнно поѣду ихъ провѣдать,—рѣшилъ онъ.—Много, видно, тяжелыхъ минутъ пережили они, да только мнѣ не говорятъ... Бѣдная моя Тереза! Какое у нея славное, доброе сердечко!“.

Въ Ножанѣ онъ проработалъ четыре дня у пьяницы-кузнеца, который вмѣсто денегъ во чтобы то ни стало хотѣлъ навязать ему нѣсколько бутылокъ вина. «Да бери же,—уговаривалъ онъ Этьена.—Увидишь, пригодятся въ дорогѣ».

Въ Дижонѣ ему тоже не посчастливилось. Работы по слесарной части не нашлось, онъ и проработалъ нѣкоторое время на пряничной фабрикѣ. Ему страхъ, какъ надоѣло складывать цѣлый день маленькіе круглые пряники въ бумажныя коробки съ нарисованными на нихъ красавицами въ зеленыхъ, красныхъ, оранжевыхъ платьяхъ, или завертывать въ серебряную бумагу такъ называемые „булыжники“,— пряники, выпеченные изъ плохой муки на скверной патокѣ, зато разукрашенные разводами изъ розоваго и бѣлаго сахара.

И стало въ душу Этьена закрадываться сомнѣніе, есть ли какая-нибудь польза отъ этого путешествія по Франціи. Научиться онъ новому ничего не научился, а возня съ пряниками, если и пріятна для тѣхъ, кто любитъ ихъ, всежъ имѣетъ такое же отношеніе къ слесарному дѣлу, какой имѣлъ супъ съ бѣлилами мадемуазель Дуду къ позолотѣ. И вспомнились ему слова изъ пѣсни старика Герве:

«И бродитъ иногда бѣдняга долго, долго,
«Все счастья не находитъ своего».

Съ грустью поглядывалъ онъ иногда на свою длинную, съ крючкомъ на концѣ палку, на свою котомку, и казалось, спрашивалъ себя, не лучше ли вернуться домой.

Вернуться домой! Значитъ, не выдержать характера, бѣжать съ поля битвы, признавъ себя побѣжденнымъ. И это послѣ такихъ свѣтлыхъ надеждъ на будущее! Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. И грозя кулакомъ снѣжнымъ хлопьямъ, готовымъ, казалось, засыпать его, и вѣтру, который насквозь его продувалъ, нашъ маленькій человѣкъ, ощущая въ себѣ силу, смѣлость и ни передъ чѣмъ не останавливающуся рѣшимость, воскликнулъ:

— Нѣтъ, ничто меня не остановитъ, поставлю на своемъ... Рѣшилъ пойти въ Крезо, страну же-

лѣза и стали, и чтобы тамъ ни было,—доведу до конца задуманное.

Не взирая на вѣтеръ, на снѣгъ, онъ шелъ все впередъ и впередъ, останавливаясь только для того, чтобы хоть немного заработать деньжонокъ. Нѣтъ слесарной работы, онъ и другою не брезгаетъ: то каменьщикамъ помогаетъ, то газеты разноситъ, то улицы подметаетъ, а то разъ даже поваренкомъ былъ, какъ въ то время, когда жилъ у злой Папильонши.

На себя онъ старался тратить, какъ можно меньше, самъ стиралъ свое бѣлье въ ручьяхъ, и разъ даже цѣлый мѣсяцъ питался однимъ сухимъ хлѣбомъ. Отъ такой ѣды не раздобрѣешь, зато стрянать не надо. Удастся ему порой раздобыть нѣсколько картошекъ, онъ задаетъ себѣ пиръ горой. Выберетъ мѣстечко, гдѣ не такъ промерзла земля, выроетъ ямку, какъ то дѣлаютъ пастухи, разведетъ костеръ изъ хворостинокъ и давай печь картошки. Какъ онѣ были вкусны, сочны! Какъ напоминали счастливые дѣтскіе годы, когда вмѣстѣ съ товарищами или съ Терезою онъ точно также пекъ картофель осенью въ полѣ. Бывало, самъ возится у костра, а Тереза сидитъ рядышкомъ и все хочетъ намотать паутинки, что шелковистыми нитями носятся раннею осенью въ воздухѣ. И весело ей, когда онѣ летятъ вверхъ, къ синему небу! Вспомнитъ все это Этьенъ, вздохнетъ и побредетъ дальше.

Эта суровая, полная лишеній жизнь въ концѣ концовъ закалила Этьена; ни холодныя ночи, ни голодовки не пугали его больше. Тереза не ошиблась; маленькій человѣкъ подрасталъ, выравнивался, мало того, обѣщалъ сдѣлаться красивымъ юношей.

Красота дѣла не портитъ. Испыталъ онъ это и на себѣ. Красиваго, симпатичнаго Этьена не только случалось обѣдами и ужинами угощали, но порою и на вечеринки приглашали, какъ то было въ хо-

рошенькой деревушкѣ по дорогѣ въ Шалонь, куда онъ забрелъ, услыхавъ издали веселое пиликанье скрипокъ. Подъ навѣсомъ, подлѣ одного изъ домиковъ собрался народъ по случаю свадьбы. Хоть и холодно было, а всѣ такъ усердно отплясывали, точно собирались согрѣться на всю зиму. Веселые голоса и смѣхъ сливались съ визгливыми звуками скрипки, на которой усердно пиликалъ высокій худой музыкантъ съ безумными глазами.

Захотѣлось Этьену поглядѣть, какъ люди веселятся, онъ подошелъ поближе и сталъ смотрѣть на танцующихъ.

— А паренекъ-то ладненькій!—послышался чей-то голосъ, и къ Этьену подошелъ толстякъ-винодѣлъ съ добрымъ краснымъ лицомъ и носомъ, расцвѣтшимъ, какъ піонъ, отъ частыхъ возліяній.

— Ты, вѣрно, бредешь издалека?—полюбопытствовалъ толстякъ.

— Да, изъ Сенъ-Дени направляюсь въ Крезо. Я слесарь.

— А скажи-ка, слесарь, обѣдалъ ли ты сегодня?.. Ну, ну, вѣрно не обѣдалъ!... Пойдемъ, угощу тебя, а ты намъ потомъ за это пѣсеньку споешь.

— Я не умѣю пѣть.

— Развѣ ты не бургундецъ?

— Я пикардіецъ.

Толстякъ поморщился.

— Пикардійцы-пивопійцы,—засмѣялся онъ.—Они извѣстно, пѣть не умѣютъ... Все равно, пойдемъ, другъ, со мною.

Онъ повелъ его въ просторную комнату. Длинный столъ, за которымъ только что отобѣдало больше пятидесяти человѣкъ, не былъ еще убранъ; весь онъ былъ заставленъ огромными блюдами съ остатками всевозможныхъ жаркихъ. Въ комнатѣ вкусно пахло кушаньемъ и виномъ.

— Садись, да закуси хорошенько,—сказалъ тол-

стякъ,—а мнѣ надо пойти кое-чѣмъ распорядиться.— И уходя, пододвинулъ къ гостю баранину, ростбифъ, разную жареную птицу, пирожки, торты, кремы всевозможныхъ цвѣтовъ,—однимъ словомъ, столько блюдъ, что ихъ хватило бы на нѣсколько свадебъ.

Съѣвъ кусокъ-другой жареной утки, Этьенъ сталъ искать, чѣмъ бы утолить жажду. Переглядѣлъ бутылки,—всѣ какъ есть пустехоньки. Радъ бы хоть воды напиться, да ни одного графина съ водой на столѣ не оказалось.

— Ужъ не подшутилъ ли надо мною бургундецъ? подумалъ онъ.

Позвать, однако, кого-нибудь онъ не рѣшился и продолжалъ ѣсть, запивая сливками свое любимое блюдо—баранину, оставленную имъ на закуску. Щеки у него разгорѣлись.

— Какъ дѣла, пикардіецъ?—спросилъ появившійся въ дверяхъ винодѣлъ.—Такъ ли ты насъ угостишь, когда мы попадемъ въ твою Пикардію?

— Угощу не хуже, да вдобавокъ и пить дамъ,— отвѣтилъ, смѣясь, Этьенъ.

Толстякъ взглянулъ на бутылки.

— Да неужели всѣ пустыя? —воскликнулъ онъ.— Ну, ужъ это ни на что не похоже! Слыханное ли дѣло, чтобы у меня кто-нибудь умиралъ отъ жажды!... Эй, вина!

Вино явилось, да не какое-нибудь, а самое лучшее.

Винодѣлъ позвалъ молодыхъ. Этьенъ чокнулся съ ними и выпилъ за ихъ здоровье. И вино ему нравилось, и новые знакомые были по душѣ, но зная изъ горькаго опыта, что много вина пить не слѣдуетъ, онъ ограничился всего двумя стаканчиками.

Зато хозяинъ пилъ, чокался, снова пилъ съ видомъ человѣка, которому лишній стаканъ ни по чемъ, а что носъ изъ краснаго сизе-багровымъ станетъ,—это не бѣда.

Потолковали еще немного, а потомъ новобрачная—красивая смуглянка съ большими темными глазами пригласила гостя танцовать. Хоть ужъ отмѣрилъ Этьенъ въ этотъ день верстъ семь-восемь, но что значили восемь верстъ послѣ такого плотнаго обѣда? Добрыхъ полчаса отплясывалъ Этьенъ, а затѣмъ сталъ собираться въ путь-дорогу, несмотря на то, что хозяева уговаривали его остаться поужинать и переночевать.

Хозяинъ проводилъ его до дверей и крѣпко пожалъ руку.

Отъ души поблагодарилъ Этьенъ и прибавилъ: „Разбогатѣю когда-нибудь, у васъ будетъ однимъ покупателемъ больше“.

— Отлично. Буду ждать заказа. Желаю успѣха.

Въ дальнѣйшемъ пути, вплоть до прибытія въ обѣтованную страну желѣза—Крезо, ничего особеннаго съ Этьеномъ не приключилось.

XIX.

Съ чѣмъ пришелъ, съ тѣмъ и ушелъ.

Этьенъ такъ много наслушался отъ Герве о фабрикахъ и заводахъ Крезо, лучшихъ во всей странѣ, да и самъ объ этомъ не разъ читалъ въ разныхъ книгахъ, что привыкъ считать Крезо обѣтованною страною слесарей, кузнецовъ и всѣхъ вообще рабочихъ по металлу. Онъ былъ увѣренъ, что здѣсь его ждетъ рай.

И вотъ онъ наконецъ увидалъ Крезо. Городъ оказался далеко не такимъ, какимъ онъ себѣ его представлялъ. Пусто и мертво было на улицахъ съ мрачными, почернѣвшими отъ сажи и копоти домами; рѣдко-рѣдко, когда мелькнутъ прохожіе, все съ какими-то печальными, желтыми, изможденными лицами, или худенькія блѣдныя дѣти.

„Вѣрно на заводахъ кипитъ жизнь!“ подумалъ нашъ путешественникъ и принялся за поиски работы. Одному слесарю онъ такъ пришелся по душѣ, что тотъ сталъ было уже договариваться съ нимъ.

— Приходи, какъ только получишь свидѣтель-

ство отъ врача, тогда и порѣшимъ окончательно,— сказалъ слесарь.

— Какое свидѣтельство! какой врачъ! — съ недоумѣніемъ спросилъ Этьенъ, вспомнивъ свое приключеніе въ Провенѣ.

Онъ казался такимъ растерянным, что слесарь разсмѣялся.

— Ты, видно, не знаешь, что мы не имѣемъ права нанимать ни одного пришлаго рабочаго безъ предварительнаго медицинскаго освидѣтельствованія?

„О-о! съ какой стати такое недовѣріе? — подумалъ Этьенъ. Онъ никакъ не могъ взять въ толкъ, зачѣмъ это нужно, и чувствовалъ себя оскорбленнымъ.—Тамъ въ Провенѣ я угодилъ въ больницу, гдѣ здорово-живешь могъ получить двѣ-три болѣзни; здѣсь—пожалуйте на освидѣтельствованіе, точно и на самомъ дѣлѣ я принесъ съ собою какую-нибудь болѣзнь. Нѣтъ, уже извините, свидѣтельствовать себя ни за что не позволю. Прощай Крезо!.. Счастливо оставаться, господинъ слесарь!„

И онъ поспѣшилъ скорѣе уйти. Шагаетъ по большой дорогѣ, а самъ думаетъ: «Хоть-бы гречишное поле скорѣе попалось,—страхъ, какъ ѣсть хочется.

Три дня уже онъ питался одною только гречихою. Невкусно, ой какъ невкусно это кушанье! Не пережевать его, какъ слѣдуетъ, а поѣшь—ноетъ и болитъ подъ ложечкою такъ, что мѣста себѣ не найдешь.

И правда, по дорогѣ скоро попалось гречишное поле. Поѣлъ Этьенъ гречихи и легъ спать въ канавку. Всю ночь промучился бѣдняга отъ боли въ животѣ и заснулъ только подъ утро.

На другой день онъ ничего не бралъ въ ротъ,— ему совсѣмъ не хотѣлось ѣсть. Для человѣка съ тощимъ кошелькомъ пожалуй это и выгодно, зато какъ тяжело сказалось потомъ такое голоданіе.

Онъ почувствовалъ страшную слабость, голова кружилась, ноги дрожали и подкашивались. Самъ не зная куда, брелъ онъ, съ трудомъ передвигая ноги, какъ вдругъ всторонкѣ отъ дороги завидѣлъ лѣсокъ. Нашъ путешественникъ сразу воспрянулъ духомъ. Словно въ сладкомъ видѣніи мелькнули передъ его глазами буковые орѣхи, ежевика, кизиль, крупныя ягоды боярышника. Угостится онъ орѣхами и ягодами, и усталость, какъ рукою сниметъ.

Вотъ онъ и въ лѣсочкѣ. Что это тамъ лежитъ на кучѣ сухихъ листьевъ? Что-то круглое, бѣлое, съ черными и сѣрыми крапинками.

Онъ тихонько подошелъ. Ба! да это курица!.. Она не шевелится, вѣрно сидитъ на яйцахъ.

Онъ сдѣлалъ еще шагъ, курица ни съ мѣста. Тогда онъ ловко накинулъ фуражку на птицу и схватилъ ее.

Э-э! да она мертвая!

Онъ сталъ ее общипывать и тутъ только съ нѣкоторымъ безпокойствомъ спросилъ себѣ, отчего она умерла. Минутку онъ глядѣлъ на розовѣвшее между перьями мясо, потомъ махнулъ, смѣясь, рукою: «Нѣтъ, не стану подвергать ее медицинскому освидѣтельствованію!»

Такъ измучился бѣдняга голодомъ, что не найдись у него въ карманѣ двухъ-трехъ спичекъ—съѣлъ-бы кажется курицу сырьемъ.

Онъ развелъ костеръ изъ сухихъ хворостинокъ и сталъ жарить курицу; вкусный запахъ поджарившагося жирка пріятно щекоталъ обоняніе нашего маленькаго повара.

Ну, а теперь можно и за ѣду приниматься. Не бѣда, что нѣтъ ножа и вилки.

Никогда, даже въ самые большіе праздники онъ не ѣдалъ дома такой вкусной курицы, а ужъ тетя Агита не мастерица-ли приготовлять и жареную, и вареную, и тушоную курицу.

Голодъ — искусный поваръ. Дожевывая, однако, послѣдній кусокъ, Этьенъ подумалъ, что курица жестковата. „Вѣрно она дожила до почтеннаго возраста, да и умерла своею смертью“, рѣшилъ онъ и совсѣмъ успокоился.

Основательно подкрѣпившись, онъ полакомился ежевикой, висѣвшей еще кое-гдѣ на кустахъ и побрелъ дальше, пока не добрался до Живора, испытавъ по пути не мало всякихъ невзгодъ и лишеній.

XX.

Обѣтованная страна.

Живоръ, съ своими плавильными мастерскими, черными людьми, чернымъ небомъ и землею напоминалъ Этьену такъ непонравившійся ему Крезо. Съ стѣсненнымъ сердцемъ онъ принялся за поиски работы. На этотъ разъ ему посчастливилось. И четверти часа не прошло, какъ онъ нашелъ то, что искалъ, причемъ о медицинскомъ освидѣтельствованіи никто и не заикался.

Въ тотъ же вечеръ, послѣ ужина онъ сѣлъ писать домой письмо.

„Дорогая сестрица!

«Наконецъ-то я въ Живорѣ. Еслибы ты знала, какъ я счастливъ! Скажи дѣдушкѣ, тетѣ, что теперь конецъ моимъ скитаніямъ. Если я и отправлюсь снова въ путь, то только для того, чтобы обнять васъ, моихъ дорогихъ.

«Я хорошо устроился и даже успѣлъ дружбу завести съ однимъ новымъ знакомымъ. Это молодой человѣкъ двадцати четырехъ лѣтъ, очень образованный и милый. Фамилія его Галле. Онъ столуется въ той-же гостинницѣ, гдѣ я остановился; мы тамъ и познакомились. Потолковавъ съ мною, онъ мигомъ схлопоталъ мнѣ мѣсто на заводѣ Лакомбъ и Делькроа, гдѣ служитъ бухгалтеромъ.

«Ахъ, сестрица, вотъ это заводъ, такъ заводъ! Ты представить себѣ не можешь этого мощнаго гула машинъ, лязга, жужжанія, стука! Какъ бы поразили тебя эти гигантскія колеса, безконечные ремни, черные люди, безстрашно снующіе среди машинъ. Какъ прекрасна и удивительна вся эта работа!

«Мѣдные валы чудовищныхъ размѣровъ вертятся съ поразительною быстротой; когда нужно, они подводятся къ строгальной машинѣ, которая снимаетъ съ нихъ стружки такъ же легко, какъ ты берешь ножемъ кусокъ масла. Смотришь, и въ пять минутъ она наработаетъ столько, сколько десяти рабочимъ не осилить и въ десять дней.

«Есть тамъ и слесарная мастерская, гдѣ я завтра начну работать. Могу сказать—мастерская! Высокая, свѣтлая, просторная, самъ Герве пришелъ бы отъ нея въ восторгъ. Тамъ выдѣлываются болты, шарниры, разнаго рода металлическія связи, словомъ все, что необходимо при сборкѣ машинъ. Какимъ ничтожнымъ показался я самъ себѣ, когда увидѣлъ молотъ въ пятнадцать тысячъ килограммъ,

сплющивающій желѣзную глыбу въ тонкія, какъ бумага, листы.

«Надѣюсь рано или поздно перейти въ машинное отдѣленіе и научиться механикѣ. Послѣ всѣхъ чудесъ, что я здѣсь насмотрѣлся, моя единственная мечта стать механикомъ. Сегодня за ужиномъ я разговорился объ этомъ съ Галле. Онъ также думаетъ, что съ однимъ слесарнымъ мастерствомъ далеко не уйдешь... Если бы ты знала, какой онъ славный! Мнѣ кажется, что я съ нимъ знакомъ цѣлую вѣчность"...

Письмо заканчивалось сердечными привѣтствіями Терезѣ и всей семьѣ.

Слѣдующій день, а затѣмъ цѣлый рядъ дней нашъ маленькій энтузіастъ работалъ съ увлеченіемъ, запоемъ.

Этьенъ все больше и больше сходился съ Галле,—на рѣдкость добрымъ и отзывчивымъ человѣкомъ. Встрѣтить на своемъ пути такого человѣка, да еще на чужой сторонѣ—большое счастье!

Поселившись только недавно въ Живорѣ, не имѣя ни родныхъ, ни знакомыхъ, Галле проводилъ все свободное отъ службы время за книгами.

— Недурно бы и тебѣ, мой другъ, заглядывать почаще въ книгу,—говорилъ онъ Этьену.—Малый ты не глупый, станешь читать—многому научишься.

Онъ сталъ давать Этьену книги, на первый разъ по исторіи. Этьенъ, одаренный прекрасною памятью, здоровымъ сужденіемъ и большою любознательностью, увлекся, и часто далеко за полночь просиживалъ за чтеніемъ.

Съ угнетенными народами онъ воевалъ за независимость, съ великою Жанною д'Аркъ изгонялъ англичанъ изъ прекрасной Франціи, поступалъ вольноопредѣляющимся въ войска Республики и вмѣстѣ съ ними бился за свободу. Чтеніе дало просторъ и пищу его фантазіи; въ душѣ вспыхнули новыя чув-

ства,—онъ понялъ, что кромѣ обязанностей къ семьѣ, есть еще обязанности къ родинѣ и ко всему человѣчеству.

Въ свободное отъ работъ время Галле дѣлился съ Этьеномъ кой-какими знаніями, пріобрѣтенными имъ самоучкою по химіи, физикѣ и механикѣ. Легче всего Этьену далась механика; разобраться въ этой наукѣ ему помогъ практическій навыкъ. Теперь, пріобрѣтя теоретическія познанія, онъ сознательнѣе относился къ своему ремеслу и дѣлалъ большіе успѣхи.

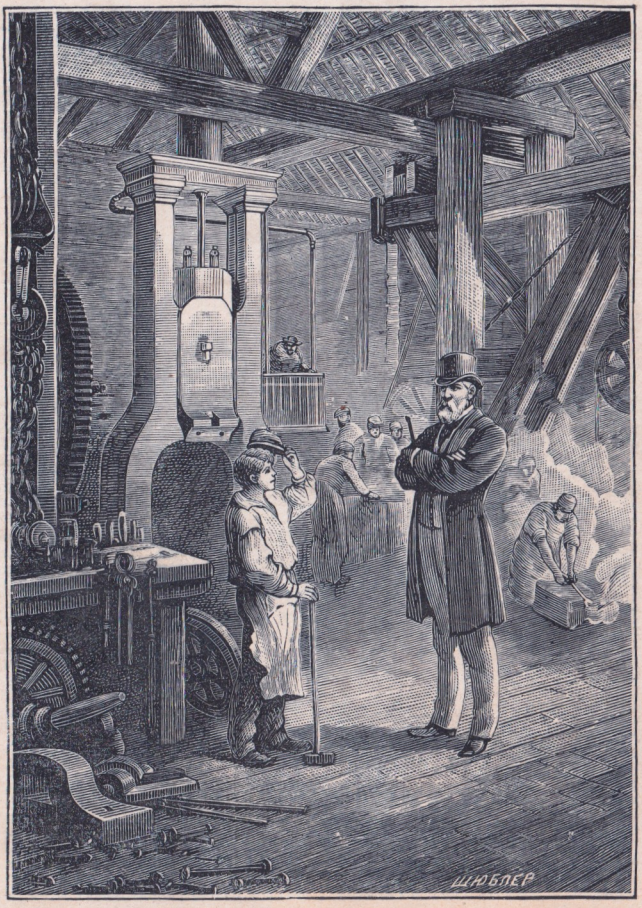
Разъ, въ машинѣ, къ которой онъ былъ приставленъ, что-то испортилось. Раскинулъ Этьенъ умомъ и тотчасъ догадался, какъ помочь бѣдѣ, разобралъ машину и давай ее чинить.

Какой-то хорошо одѣтый господинъ въ цилиндрѣ остановился и сталъ присматриваться къ работѣ юнаго машиниста. Ловкость и сноровка его удивили господина.

— Развѣ ты механикъ, что берешься за такое дѣло? — спросилъ онъ и, выслушавъ Этьена, продолжалъ:—Твое мѣсто не здѣсь, а въ сборной мастерской. Ступай сейчасъ къ главному мастеру Гашону и скажи отъ моего имени, чтобы онъ взялъ тебя въ сборную.

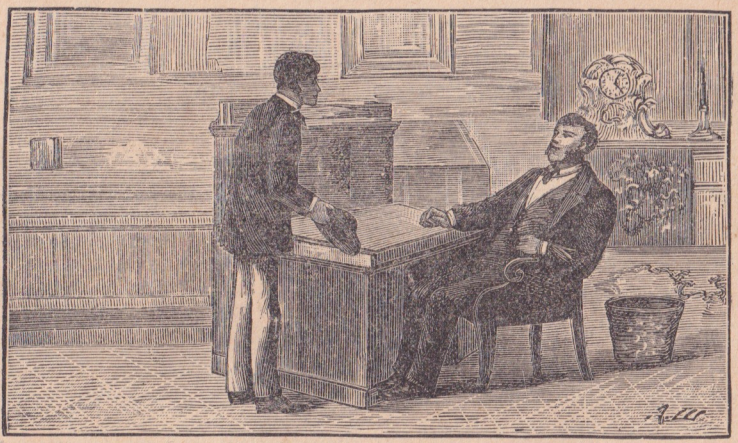
Незнакомый господинъ былъ Лакомбъ, одинъ изъ совладѣльцевъ завода. Самъ онъ вышелъ въ люди изъ простыхъ рабочихъ, а потому сразу съумѣлъ оцѣнить по достоинству работу Этьена.

На радостяхъ Этьенъ въ тотъ же вечеръ написалъ домой восторженное письмо. За послѣдніе три мѣсяца онъ сталъ посылать дѣдушкѣ вдвое больше; радъ бы посылать и втрое и вчетверо, да не могъ.— надо было обзавестись кое-какою одежонкою. Къ тому же нашъ герой обладалъ чудеснымъ аппетитомъ, и немудрено—онъ росъ не по днямъ, а по часамъ, да и работалъ за двоихъ.



„Развѣ ты механикъ, что берешься за такое дѣло“ (стр. 142).

«Какое счастье! Меня поставили сборщикомъ машинъ! Буду получать пятнадцать, а скоро и двадцать франковъ въ день! Наконецъ-то я достигъ своей цѣли!» — писалъ онъ роднымъ въ Лемарлетъ.



XXI.

Потерянный рай.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ подрядъ Этьенъ работалъ въ сборной мастерской подъ надзоромъ старшаго мастера Гашона.

У этого Гашона были свѣтло-сѣрые глаза, угрюмо выглядывавшіе изъ подъ насупленныхъ бровей. Въ нихъ свѣтилась непреклонная энергія знающаго

себѣ цѣну человѣка, выбившагося на дорогу не талантомъ, а упорнымъ трудомъ. Тридцать лѣтъ служилъ онъ на заводѣ и ревниво берегъ свой авторитетъ, такъ нелегко ему доставшійся.

Вниманіе хозяина завода къ такому мальчишкѣ оскорбило его; въ разумной усердной работѣ Этьена онъ видѣлъ интригантство новичка, добивавшагося возвыситься надъ старыми служаками.

Какъ-то Лакомбъ снова зашелъ въ мастерскую посмотрѣть на работу Этьена. На этотъ разъ онъ ничего не сказалъ, но Гашонъ по выраженію лица хозяина понялъ, что тотъ доволенъ молодымъ работникомъ. Затаилъ старикъ противъ Этьена въ сердцѣ зло и сталъ искать къ чему-бы придраться. Случай не заставилъ себя ждать. Увидѣлъ онъ, что Этьенъ безъ спроса открылъ окно и давай его бранить.

Такъ началась война.

Что ни день Гашонъ придирался къ Этьену и распекалъ его по каждому мелкому поводу. Этьенъ понять не могъ, какая муха укусила Гашона, и не зналъ, какъ ему быть.

Разъ, утромъ Этьена позвали къ Лакомбу. Директоръ ласково поздоровался съ нимъ и сказалъ:

— Ну, молодой человѣкъ, я доволенъ тобою и вотъ что хочу тебѣ предложить. Намъ нужно устроить нѣсколько сахарныхъ заводовъ въ Италіи, и съ этою цѣлью мы посылаемъ туда четырехъ монтеровъ. Хочешь ѣхать съ ними? Получишь четыреста франковъ за два мѣсяца на всемъ готовомъ.

Врядъ-ли видъ золотыхъ рудъ въ Потози привелъ нашедшаго ихъ пастуха въ такой восторгъ, какой почувствовалъ Этьенъ при этихъ словахъ директора.

Какое чудесное путешествіе заграницу! Какая честь! И сколько денегъ! Съ засвѣтившимися отъ радости глазами онъ отвѣтилъ, что готовъ хоть сейчасъ ѣхать.

— Отлично! Дня черезъ три - четыре и въ дорогу!

Вернувшись въ мастерскую, Этьенъ замѣтилъ, что Гашонъ очень недружелюбно на него поглядываетъ.

На бѣду Этьенъ разболталъ въ мастерской о своей радости, и Гашону разъ двадцать довелось услыхать отъ рабочихъ о командировкѣ молодаго сборщика въ Италію.

Съ нетерпѣніемъ поджидалъ Этьенъ, что его снова позовутъ къ Лакомбу. Но дни проходили за днями, монтеры съ машинами отправились въ Италію, а его такъ и не позвали.

Какое горькое разочарованіе! А онъ-то на радостяхъ поторопился сообщить въ Ламерлетъ о своемъ новомъ успѣхѣ. „Еще два-три дня, — писалъ онъ,— и мечта, которую я такъ лелѣялъ — осуществится".

Тереза прислала ему въ отвѣтъ еще болѣе восторженное письмо. И все вдругъ разсѣялось, какъ дымъ! Что подумаютъ теперь о немъ тетя, дѣдушка? Скажутъ, что онъ прихвастнулъ, назовутъ, пожалуй, лгунишкою!

Самолюбіе въ немъ было сильно задѣто; онъ преувеличивалъ послѣдствіе этой неудачи, жестоко страдалъ и нервничалъ. А тутъ какъ на бѣду куда-то уѣхалъ Лакомбъ; отлучился съ завода и Галле къ умирающей матери.

Этьену стало просто не въ мочь выносить постоянныя придирки Гашона, и вотъ разъ вечеромъ, когда по требованію мастера онъ три раза передѣлалъ одну и ту же работу, хотя она была сдѣлана, какъ слѣдуетъ, Гашонъ вырвалъ у него изъ рукъ инструментъ и, презрительно смѣривъ взглядомъ, обозвалъ его негоднымъ мальчишкою.

— Кто далъ вамъ право оскорблять меня?— вскипѣлъ Этьенъ, возмущенный до глубины души

и, скрестивъ на груди руки, весь красный, глядѣлъ на стараго мастера.

Несмотря на адскій шумъ молотовъ, блоковъ и ремней, его голосъ звучалъ такъ громко, что сосѣдніе мастера побросали свою работу и стали прислушиваться.

— Потише, молокососъ! — злобно выговорилъ мастеръ, угрожающе потряхивая рукою.—Ишь, вообразилъ себѣ, что стоитъ ему захотѣть и сейчасъ-же любому изъ насъ, старыхъ служакъ, ножку подставитъ. Какъ бы не такъ... И вотъ тебѣ мой сказъ: такъ-же вѣрно, какъ я зовусь Винцентомъ Гашономъ и стою передъ тобою — знай, тебѣ никакого хода у насъ на заводѣ не будетъ. Понялъ?

И съ этими словами онъ ушелъ на другой конецъ мастерской, чтобы не слышать отвѣта.

Этьенъ не двинулся съ мѣста,—его точно обухомъ по головѣ ударило. По окончаніи работъ онъ пошелъ жаловаться въ контору. Тамъ его не стали слушать и, оборвавъ на полусловѣ, сказали:

— Ну, хорошо, хорошо... Постарайтесь поладить съ Гашономъ. Въ спорахъ между рабочими и мастеромъ—мастеръ всегда правъ, а Гашонъ уже у насъ тридцать лѣтъ служитъ.

— Нѣтъ на свѣтѣ справедливости!—пробормоталъ Этьенъ, выходя изъ конторы. Изъ его глазъ текли ѣдкія слезы обиды и разочарованія.

Вернувшись въ гостинницу, онъ взялъ со стола Живорскій листокъ и сталъ его просматривать. На третьей страницѣ ему бросилось въ глаза слѣдующее объявленіе:

«Требуется на литейный заводъ молодой человѣкъ, знакомый съ литьемъ и механикой. За подробностями просятъ обращаться въ редакцію газеты».

На другой день, въ девять часовъ утра, одѣтый

по праздничному онъ былъ уже въ редакціи. Тамъ сказали, что нужно обратиться въ Марсель въ Портовую улицу къ г. Просперу Брюссу.

Онъ поспѣшилъ домой и сѣлъ за письмо. Дня черезъ два пришелъ отвѣтъ:

«Сто двадцать франковъ въ мѣсяцъ со столомъ и квартирою. Проѣздъ на счетъ завода. Ѣхать немедленно».

Глаза маленькаго человѣка сверкнули.

— Ну, Гашонъ, попробуй-ка теперь стать поперекъ моей дороги!—вызывающе воскликнулъ онъ.

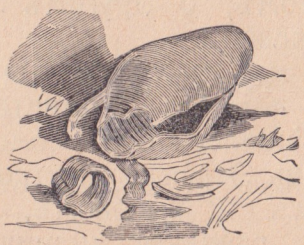
Честь была спасена, да и дѣло наклевывалось хорошее. Изъ ста двадцати франковъ можно домой посылать по крайней мѣрѣ пятьдесятъ, а вѣдь, это шестьсотъ франковъ въ годъ! Будетъ чѣмъ заплатить въ школу за Жака, хватитъ и дѣдушкѣ на табачекъ, и тетѣ Агитѣ на стряпню, и Терезѣ на новенькія платьица.

А что подумаетъ Галле, когда вернется на заводъ и не найдетъ его тамъ?

— Не бѣда. Я напишу ему изъ Марселя,—рѣшилъ онъ про себя.

Получивъ разсчетъ въ конторѣ, Этьенъ уложилъ свои вещи и отправился на вокзалъ.

И вотъ нашъ путешественникъ усѣлся въ первый разъ въ жизни въ вагонъ и покатилъ въ Марсель.



XXII.

Просперъ Брюссъ.

Просперъ Брюссъ, кассиръ и управляющій литейнымъ заводомъ, былъ довольно полный господинъ лѣтъ тридцати пяти—сорока, съ вѣчно сонным выраженіемъ на пухломъ лицѣ и съ крохотными черными глазками, глубоко сидящими въ орбитахъ.

Войдя въ контору, Этьенъ увидалъ его возсѣдающимъ въ какой-то стеклянной клѣткѣ на высокомъ кожаномъ креслѣ передъ столомъ, заваленномъ бумагами. Поднявъ свои отяжелѣвшія вѣки, онъ пытливо взглянулъ на молодаго рабочаго. Отъ этого взгляда Этьену стало не по себѣ; однако, вѣжливое, любезное обращеніе Брюсса нѣсколько успокоили его. Разспросивъ о томъ, о другомъ Этьена, кассиръ почти ласково сказалъ:

— Надѣюсь, мы съ тобою поладимъ;—и показалъ юношѣ его комнату. Комната эта, довольно просторная, помѣщалась подъ самою крышой.

На другой день Этьенъ съ утра былъ на работѣ въ огромномъ и высокомъ, словно церковь, зданіи. Какіе-то глиняные цилиндры, похожіе на

башни, тутъ и тамъ торчали кверху; вокругъ нихъ суетились черные, почти совсѣмъ нагіе, рабочіе. Другіе съ длинными желѣзными кочергами въ рукахъ стояли молча, что-то выжидая, потомъ разомъ открывали кочергами двери внизу башенъ. Мигъ одинъ, —и оттуда съ рѣзкимъ свистомъ стремительно вырывался огненной потокъ и лился въ формы изъ влажнаго песку, гдѣ покорно принималъ тотъ или иной видъ.

Нашъ Этьенъ, котораго поставили старшимъ рабочимъ, любилъ глядѣть на это красивое зрѣлище, только частенько его отрывали отъ работы. Брюссъ то и дѣло посылалъ его то туда, то сюда. Приходилось разносить какіе-то запечатанные конверты по мебельщикамъ, ювелирамъ, цвѣточницамъ, по разнымъ кафе-ресторанамъ; а иной разъ и по квартирамъ въ тотъ или иной домъ. Эта бѣготня напоминала Этьену то время, когда онъ былъ на побѣгушкахъ у позолотчицы.

Но тутъ, по крайней мѣрѣ, его не заставляли убирать комнаты и мыть посуду. И обращался Проспѣръ Брюссъ съ нимъ вѣжливо. Станетъ ему Этьенъ вечеромъ докладывать, гдѣ былъ, что сдѣлалъ, глазки-щелочки г. Брюсса метнутся на него изъ подъ тяжелыхъ вѣкъ и съ удовольствіемъ скользнутъ по открытому честному лицу молодаго человѣка.

Брюссъ ухмылялся въ бороду; видно, не даромъ потратился онъ на публикацію въ Живорской газетѣ, что ему нуженъ молодой человѣкъ — механикъ и литейщикъ.

По его совѣту Этьенъ не принималъ участія въ развлеченіяхъ своихъ товарищей. Не заходилъ онъ и въ ресторанчики, его теперь туда совсѣмъ не тянуло.

Разъ заглянулъ онъ было въ кофейную, да какъ увидалъ рабочихъ за картами — давай богъ ноги скорѣе. Послѣ злополучной встрѣчи въ Меленѣ съ

Кабаратомъ и съ „благороднымъ отцомъ“ странствующей труппы, онъ, какъ огня, боялся картъ. Могъ ли онъ позволить себѣ рисковать своимъ честнымъ заработкомъ, который почти весь цѣликомъ отсылалъ роднымъ въ Ламарлетъ, рисковать теперь, когда ему удалось загладить дурное впечатлѣніе, которое произвела на нихъ его неудача въ Живорѣ.

Примирился, повидимому, съ его внезапнымъ уходомъ съ завода и Галле. Его письмо къ Этьену, правда, было полно упрековъ за слишкомъ поспѣшное рѣшеніе, но такихъ дружественныхъ и сочувственныхъ, что они скорѣе походили на одобреніе, чѣмъ на порицаніе. Гордый поступокъ Этьена, видимо, пришелся по душѣ честному Галле. Этьенъ это чувствовалъ.

Съ утра до вечера занятый то работою на заводѣ, то чтеніемъ книгъ, то исполненіемъ разныхъ порученій, здоровый тѣломъ и духомъ, съ чистою и спокойною совѣстью — Этьенъ былъ совершенно счастливъ.

Но недаромъ говорится: если небо очень ясно— жди грозы. Зналъ это Этьенъ по опыту, да только мало о томъ думалъ.

Разъ, вечеромъ его позвали къ Брюссу. Тотъ не сразу обратился къ Этьену, а нѣкоторое время пытливо глядѣлъ по сторонамъ, словно желалъ убѣдиться, что никого поблизости нѣтъ, потомъ досталъ изъ стола маленькій запечатанный краснымъ сургучемъ пакетъ, и, понизивъ голосъ, сказалъ:

— Отнеси этотъ пакетъ г-жѣ Гранденъ въ улицу Сенъ-Ферреоль, 82, въ третьемъ этажѣ. Съ швейцаромъ въ разговоры не вступай, а прямо иди наверхъ. Пакетъ передай барынѣ въ собственныя руки, а не застанешь ея дома—неси письмо назадъ, да смотри живо только.

Онъ разстегнулъ куртку Этьена, самъ вложилъ

въ боковой карманъ пакетъ, затѣмъ, застегнувъ всѣ пуговицы, добавилъ:

— Это очень важное порученіе, слышишь, очень важное.

Онъ проводилъ Этьена до маленькой калитки позади дома, и напряженно сталъ оглядывать улицу, уже окутанную сумерками.

Покрутивъ головой направо, налѣво, онъ раза два-три пугливо настораживался... Но нѣтъ, тревога оказывалась ложною—это вѣтеръ шелестилъ въ сосѣднемъ саду листьями деревьевъ, еле освѣщенныхъ тусклымъ свѣтомъ отдаленнаго фонаря. На улицѣ не было ни души,—люди какъ разъ въ это время обѣдали,—и никто, рѣшительно никто на бѣломъ свѣтѣ не зналъ, въ какое таинственное путешествіе отправляется въ такой поздній часъ этотъ маленькій пакетъ, запечатанный краснымъ сургучемъ.

— Ну, теперь ступай!

Просперъ Брюссъ тихонько на цыпочкахъ вернулся къ себѣ въ контору, а Этьенъ направился быстрыми шагами въ улицу Сенъ-Ферреолъ.

Тамъ, въ третьемъ этажѣ дома подъ № 82 на его звонокъ отворила дверь высокая, нарядно одѣтая дама, красивая, но съ сердитымъ выраженіемъ лица.

— Госпожа Гранденъ?

— Да, это я. Войдите.

Она, повидимому, его ждала. Этьенъ, стараясь, какъ можно осторожнѣе ступать грязными башмаками по свѣтло-налощенному полу, досталъ изъ кармана пакетъ и подалъ его. Онъ замѣтилъ, что руки ея слегка дрожали, когда она взяла пакетъ.

— Хорошо!—сказала она.—Можешь идти, да смотри, не стучи ногами на лѣстницѣ.

Очень заинтригованный таинственнымъ порученіемъ, спускался Этьенъ осторожно внизъ; недоумѣніе его росло, когда онъ припоминалъ, къ какимъ предосторожностямъ прибѣгалъ кассиръ, от-

пуская его. Вернувшись домой, Этьенъ доложилъ Брюссу, что отдалъ пакетъ въ руки самой г-жи Гранденъ.

— Спасибо,—буркнулъ кассиръ.

— Она казалась очень взволнованной, когда я передалъ ей пакетъ! — сказалъ Этьенъ, и легкая тѣнь безпокойства пробѣжала по его лицу.

Просперъ Брюссъ удивленно вскинулъ глаза на своего подчиненнаго, осмѣлившагося говорить, когда его не спрашивали.

— Ступай обѣдать!—сурово произнесъ онъ.—И никому ни слова о томъ, что было.

— Слушаю, сударь.

Онъ отправился обѣдать, а затѣмъ, въ своей комнатѣ, сталъ читать „Разсказы о Меровингахъ"— Тьери, которыми увлекался уже цѣлую недѣлю.

Вдругъ на самомъ интересномъ мѣстѣ Этьенъ услыхалъ два короткихъ стука въ дверь. «Кто бы это могъ быть? — удивился онъ. — Никто ко мнѣ никогда не заходитъ».

Дверь безшумно открылась, и въ комнату вошелъ Просперъ Брюссъ. Обритый, съ лицомъ, ушедшимъ въ широкій шарфъ, онъ былъ почти неузнаваемъ. Тономъ, не допускающимъ возраженій, кассиръ приказалъ: «Собирай свои пожитки, мы сейчасъ ѣдемъ».

— Куда?—изумился Этьенъ.

— Злые люди хотятъ насъ погубить, завтра мы будемъ арестованы. Надо бѣжать!

— Но, вѣдь, я ничего дурного не сдѣлалъ,—протестовалъ Этьенъ, очень удивленный этимъ «мы».— Мнѣ нечего бояться

— Да и мнѣ также. Но, вѣдь, въ тюрьму иной разъ попадаютъ и здорово-живешь... Скорѣе, скорѣе, поторапливайся!

— Да въ чемъ же насъ могутъ обвинить?—продолжалъ допытываться Этьенъ.

— Вижу, ты не хочешь бѣжать со мною? Не хочешь, чтобы тебя спасли?

И кассиръ взялся за ручку двери.

— Скажите хоть, куда вы собираетесь меня везти?

— Ну, и сиди тутъ и дожидайся, пока придутъ за тобою жандармы и отведутъ въ тюрьму, — кинулъ ему вполголоса Брюссъ и открылъ дверь.

Отъ страшныхъ словъ: «жандармы, тюрьма», отъ увѣреннаго тона Брюсса, бѣдный Этьенъ потерялъ самообладаніе и всякую способность размышлять. Онъ затрясся отъ страха и выронилъ изъ рукъ книгу.

Кассиръ обернулся, быстро шагнулъ обратно въ комнату и сталъ торопливо укладывать пожитки Этьена, потомъ, накинувъ на него длинный плащъ, взялъ за руку и чернымъ ходомъ повелъ на улицу.

— Вѣрно, сударь, все это изъ за того пакета, запечатаннаго краснымъ сургучемъ...—началъ было Этьенъ.

— Тссъ! Молчи! у вѣтра есть уши! — шепнулъ кассиръ, быстро направляясь къ гавани.

На утопавшей во мракѣ набережной кипѣла жизнь: взадъ и впередъ сновали люди, слышалась громкая рѣчь на всевозможныхъ языкахъ; тутъ и тамъ, словно блуждающіе огоньки, вспыхивали фонари. При ихъ блѣдномъ свѣтѣ можно было различить кой-какія человѣческія фигуры и среди нихъ высокую фигуру въ жандармской трехуголкѣ, при видѣ которой у Этьена кровь остановилась въ жилахъ.

Наши путешественники купили билеты и прошли на пароходъ. Прогудѣлъ свистокъ, съ грохотомъ убрали сходни, и судно отвалило отъ пристани.

XXIII.

На чужбинѣ.

Съ выраженіемъ ужаса въ расширенныхъ потемнѣвшихъ глазахъ глядитъ Этьенъ вдаль. Тускнѣющіе огни оставленной гавани тонутъ одинъ за другимъ на черномъ фонѣ ночи. Но вотъ пароходъ вышелъ въ открытое море, и душевная подавленность Этьена смѣняется другимъ чувствомъ, пожалуй, еще болѣе непріятнымъ.

Непонятное, странное недомоганіе овладѣваетъ имъ. Онъ закрываетъ глаза, блѣднѣетъ, ноги у него подкашиваются. Въ головѣ пусто: исчезъ страхъ, исчезли мысли о жандармахъ, тюрьмѣ, Просперѣ Брюссѣ. Онъ ничего, рѣшительно ничего не сознаетъ. Проходившій мимо матросъ могъ бы смѣло сбросить его въ море въ пасть акуламъ, которыхъ,

вѣрно видимо-невидимо въ волнахъ,—Этьенъ счелъ бы его своимъ спасителемъ.

Цѣлые сутки промучился Этьенъ отъ морской болѣзни и, наконецъ, заснулъ, какъ убитый.

Проснувшись, онъ не сообразилъ, гдѣ онъ, да и Проспера Брюсса, закутаннаго въ большой шарфъ, призналъ не сразу. Брюссъ то и дѣло покашливалъ, какъ человѣкъ съ больною грудью. Онъ сдѣлалъ Этьену знакъ не подходить, но Этьенъ не понялъ, подошелъ и спросилъ:

— Куда мы ѣдемъ?

— Въ Англію.. Не разговаривай со мною,—буркнулъ Брюссъ и повернулся къ Этьену спиною.

Почти всѣ пассажиры были англичане, возвращавшіеся изъ Индіи. Среди нихъ было нѣсколько семей съ цѣлою толпою бѣлокурыхъ голубоглазыхъ ребятишекъ, за которыми присматривали няни-индуски съ темными, будто бронзовыми лицами, въ пестрыхъ шелковыхъ платкахъ, съ бусами въ ноздряхъ и перстнемъ на большомъ пальцѣ ноги.

Переѣздъ совершился при очень неблагопріятной погодѣ; наконецъ, 27 Августа 1869 г. наши путешественники прибыли въ Лондонъ.

Только вступилъ Просперъ Брюссъ на англійскую почву, какъ упорный кашель, отъ котораго онъ никакъ не могъ избавиться подъ теплымъ южнымъ небомъ, словно по волшебству сразу пересталъ на берегахъ туманной Темзы. Блѣдная, укутанная персона Проспера Брюсса тоже растаяла въ туманѣ, а на ея мѣстѣ появился краснощекій Фрицъ Зибель, торговецъ сукномъ изъ Франкфурта. И вмѣсто Этьена Жильбера въ книгу для проѣзжающихъ вписали рядомъ съ Францемъ Зибелемъ—Леопольда Рузбека изъ Антверпена.

Раннимъ утромъ на другой день этотъ Рузбекъ остановилъ выходившаго изъ своего номера Фрица Зибеля и спросилъ:

— Да скажите же мнѣ наконецъ въ чемъ мы съ вами провинились, и почему я превратился въ Леопольда Рузбека?

— Все, голубчикъ, потомъ разскажу; сейчасъ очень тороплюсь по неотложному дѣлу... Будемъ вмѣстѣ обѣдать, тогда и побесѣдуемъ, а пока позавтракай, да прогуляйся. Есть у тебя деньги?

— Да, франковъ около тридцати.

И любезно раскланившись, герръ Фрицъ удалился.

Этьенъ выпилъ чаю, съѣлъ нѣсколько тартинокъ и отправился гулять, чтобы какъ-нибудь убить время до обѣда.

Уже стало вечерѣть, когда Этьенъ съ едва плетущимися отъ усталости ногами возвращался домой. Недалеко отъ гостинницы онъ сталъ переходить улицу и чуть было не попалъ подъ кабріолетъ, быстро мчавшійся по направленію къ Западному вокзалу. Въ кабріолетѣ сидѣлъ плотный господинъ съ красивою дамою.

— Странное дѣло!—подумалъ Этьенъ, провожая глазами экипажъ.—Не знай я, что г-жа Гранденъ находится въ Марселѣ, а Брюссъ не носитъ синихъ очковъ, я побился бы объ закладъ, что это они промчались мимо меня.

Фрицъ Зибель не явился ни къ обѣду, ни въ слѣдующіе дни, но на имя Этьена прислали въ гостинницу конвертъ съ двадцатью фунтами стерлинговъ и съ запискою, написанною такими каракулями, что едва можно было прочесть:

«До новаго распоряженія не выѣзжать изъ Англіи,—гласила записка,—а постараться пріискать себѣ мѣсто. Никакихъ вѣстей о себѣ во Францію не давать. Совѣтъ настоятельный и дружескій».

«Такъ и есть, эта дама и господинъ въ синихъ очкахъ были они,—подумалъ Этьенъ.—Онъ вѣрно спѣшитъ улепетнуть куда-нибудь подальше,—преступленіе-то, видно, не шуточное».

Ему снова стало страшно. „А вдругъ меня арестуютъ въ этой гостинницѣ, гдѣ Брюссъ переночевалъ одну ночь,“ подумалъ Этьенъ, дрожа отъ страха, и рѣшилъ поскорѣе уходить по-добру, поздорову. Онъ подошелъ къ хозяину гостинницы и подавая ему билетъ въ двадцать фунтовъ стерлинговъ, спросилъ:

— Что это такое?

Хозяинъ гостинницы, болѣе свѣдущій въ банковыхъ билетахъ, чѣмъ во французскомъ языкѣ, раскрылъ какую-то книгу, сдѣлалъ подсчетъ и, удержавъ, что ему слѣдовало, съ важнымъ видомъ протянулъ Этьену восемьнадцать золотыхъ сдачи.

Удивленіе нашего героя при видѣ этого богатства выдало бы его, да хозяина какъ разъ въ эту минуту вызвали, и онъ пошелъ въ другую комнату.

Одну минуту колебался Этьенъ, потомъ, взглянувъ въ окно, съ рѣшительнымъ видомъ положилъ деньги въ карманъ и вышелъ изъ гостинницы. На другой сторонѣ улицы брела, согнувшись въ три погибели, маленькая, худенькая, неопрятная старушенка, одѣтая въ какіе-то грязные лохмотья, въ стоптанныхъ рваныхъ башмакахъ. Жалкая шляпенка съ перьями торчала у нея на головѣ. Перья эти, надо думать, еще въ прошломъ столѣтіи украшали какую-нибудь почтенную курицу, а черная соломка шляпы, продырявленная, какъ рѣшето, была, вѣрно, свидѣтельницею горя и нищеты многихъ поколѣній.

Отъ души стало Этьену жаль старуху. Онъ подошелъ къ ней и, не сообразивъ, что она не понимаетъ по французски, сказалъ:

— Дайте-ка вашъ карманъ?

Ничего не поняла старуха и, жалобно прошамкавъ: „подайте, господинъ, Христа ради,“ протянула руку. Онъ показалъ ей цѣлую пригоршню золота. Подавивъ крикъ изумленія, старуха протянула обѣ руки.

Этьенъ высыпалъ ей на ладонь свои восемьнадцать золотыхъ. Съ безумною радостью старуха сунула ихъ за пазуху и крѣпко прижала къ груди костлявыми руками; по ея впалымъ щекамъ текли крупныя слезы.

Она присѣла съ такою стремительностью, что шляпенка съ обдерганными перьями съѣхала на бокъ и быстро, быстро зашагала въ своихъ жалкихъ шлепанцахъ.

У Этьена точно камень отвалилъ отъ сердца, и онъ съ прояснившимся лицомъ снова перешелъ на другую сторону улицы. Теперь у него оставалось въ карманѣ только тридцать франковъ, честно заработанныхъ французскихъ франковъ, которые онъ и подалъ хозяину гостинницы для уплаты по счету.

Хозяинъ съ изумленіемъ взглянулъ на Этьена, сказалъ что-то по англійски и, отолкнувъ деньги, показалъ полученный имъ раньше банковый билетъ въ восемнадцать фунтовъ стерлинговъ.

Этьенъ понялъ, что съ англичаниномъ не столкуешься, а такъ какъ по счету все было уплочено — онъ не сталъ болѣе препираться, а захвативъ свой чемоданчикъ, зашагалъ наудачу по первой попавшейся улицѣ.

Добрыхъ полъ-дня шелъ онъ подъ свинцовымъ небомъ, вдоль закоптѣлыхъ темныхъ зданій, то по широкимъ, то по узкимъ улицамъ, и ему казалось, что онъ попалъ въ огромную сѣть, изъ которой никогда не выбраться.

Случалось, что спѣшившіе по своимъ дѣламъ прохожіе чуть съ ногъ не сшибали Этьена. Онъ смущенно извинялся, а спина толкнувшаго его уже мелькала далеко впереди. Чуткимъ ухомъ прислушивался онъ, когда встрѣчные перекидывались двумя-тремя фразами, надѣясь услыхать милые звуки родного языка, а его широко-раскрытые печальные глаза глядѣли съ такою тоскою, словно вымалива-

«Подайте Христа ради!»—прошамкала старуха (стр. 157).

ли у этихъ дѣловыхъ людей хоть одинъ сострадательный взглядъ.

Цѣлыхъ пять часовъ бродилъ онъ. Наконецъ, усталый, измученный прислонился къ какому-то подъѣзду. Сознаніе полнаго одиночества и равнодушіе этихъ чужихъ людей къ его судьбѣ истомили впечатлительную душу юноши;— онъ чувствовалъ, что слезы подступаютъ къ его глазамъ и онъ вотъ-вотъ разрыдается.

«Да, да, правъ ты былъ дѣдушка, мнѣ не слѣдовало уходить отъ васъ. Еслибы ты зналъ, гдѣ я, и что меня привело сюда! Тетя Агита, милая моя сестричка Тереза, Жакъ!.. Гдѣ всѣ тѣ, которые меня любятъ... Я вернусь къ вамъ, мои дорогіе, и, какъ блудный сынъ, буду вымаливать прощеніе, а затѣмъ, какъ вы того желали, поселюсь въ Ламарлетѣ и сдѣлаюсь ткачемъ!..»

Но тутъ ему вдругъ вспомнились жандармы, тюрьма, и ужасъ снова обуялъ его.

Увы! ему нельзя вернуться во Францію,—Брюссъ подъ страшными угрозами убѣждалъ его этого не дѣлать. Недаромъ онъ покинулъ Лондонъ; видно захотѣлъ подальше убѣжать отъ правосудія. О, этотъ запечатанный краснымъ сургучемъ пакетъ!

Онъ отошелъ отъ подъѣзда и, съ трудомъ передвигая ослабѣвшія ноги, поплелся по улицамъ, мимо безконечнаго ряда домовъ. Вдругъ невиданное зрѣлище поразило его: на встрѣчу ему подвигалась большая ярко-красная афиша, поверхъ которой торчало блѣдное лицо въ маленькой черной шляпѣ; а внизу—большія ноги въ грязныхъ стоптанныхъ башмакахъ.

Въ двухъ-трехъ шагахъ отъ него афиша остановилась и, повернувшись, показала такую-же ярко-красную спину. Этьенъ, внимательно ее разглядывавшій, вдругъ встрепенулся. Среди невообразимой

смѣси французскихъ и другихъ какихъ-то непонятныхъ словъ крупными буквами было напечатано:

КАБАРАТЪ.

А немного ниже:

Принцессъ-театръ.

Этьенъ рѣшилъ, что это означало театръ принцессы.

Кабаратъ!.. Кабаратъ въ Англіи!

Эти крупныя черныя буквы на кроваво-красномъ фонѣ вызвали въ немъ радостное чувство, похожее на то, которое испыталъ Робинзонъ Крузо, когда замѣтилъ на пескѣ своего пустыннаго острова слѣды человѣка; но какъ у Робинзона радостное чувство смѣнилось опасеніемъ, — не людоѣды ли эти люди, такъ и нашъ бѣдный Этьенъ вспомнилъ о Портъ Сень-Мартенѣ, о злополучной карточной игрѣ въ Меленѣ и мысленно спросилъ себя—не поведетъ-ли эта третья встрѣча съ актеромъ къ какой-нибудь новой бѣдѣ.

А всежъ, какъ ни какъ, Кабаратъ былъ добрый, хорошій человѣкъ. — Этьенъ не могъ не сознавать этого; здѣсь же на чужбинѣ онъ будетъ для него незамѣнимъ, такъ какъ говоритъ по французски.

Но гдѣ же найти этотъ Принцессъ-театръ?

Ему пришла счастливая мысль дотронуться одною рукою къ этимъ двумъ словамъ на афишѣ, а другою — замахать на всѣ четыре стороны.

Афиша поняла, угловатымъ жестомъ указала ему въ конецъ улицы, налѣво, потомъ направо.

Поблагодаривъ, Этьенъ вѣжливо поклонился афишѣ, на что она ему, впрочемъ, не отвѣтила, затѣмъ отправился по указанному направленію и скоро очутился передъ театромъ. Театръ еще не открывали, да и не мудрено,—часы на сосѣдней колокольнѣ только-что пробили часъ.

Въ двухъ шагахъ отъ театра онъ замѣтилъ ресторанчикъ; туда то и дѣло входили люди и, стоя, закусывали и пили. Зашелъ и Этьенъ заморить червячка. Онъ взялъ съ тарелки кусокъ хлѣба съ ветчиною и жестомъ потребовалъ пива. И пиво, и ветчина показались ему превосходными.

Закусивъ, онъ опять пошелъ караулить Кабарата. Цѣлыхъ два убійственно-долгихъ часа прогуливался онъ передъ театромъ, съ ужасомъ думая о томъ, что какая-нибудь неожиданность вдругъ помѣшаетъ Кабарату придти... Да, наконецъ, тотъ ли это самый Кабаратъ, котораго онъ знаетъ? Мало-ли на свѣтѣ Кабаратовъ!

Ужъ онъ сталъ было терять всякую надежду, какъ вдругъ дверь въ сосѣднемъ съ театромъ домѣ, составлявшемъ, какъ казалось, Этьену, одно съ нимъ зданіе, открылась—и появился щегольски одѣтый господинъ,

— Это, вѣрно, директоръ,— рѣшилъ про себя Этьенъ, подошелъ къ стоявшему на подъѣздѣ господину, снялъ шляпу и, путаясь немного въ словахъ, сталъ вѣжливо спрашивать о Кабаратѣ и о томъ скоро ли начнется представленіе.

Молча выслушалъ его неподвижный, какъ автоматъ, англичанинъ, повернулся къ дверямъ и крикнулъ: „Лотти!“

На зовъ выбѣжала дѣвочка лѣтъ десяти-одинадцати, свѣженькая, какъ розовый бутонъ, съ бѣлокурыми волнистыми волосами по плечамъ. Господинъ сказалъ нѣсколько словъ дѣвочкѣ, затѣмъ сдѣлалъ краснорѣчивый жестъ въ сторону Этьена, какъ бы говоря: „Начинайте вашу рѣчь сначала, теперь васъ навѣрное поймутъ“.

Этьенъ поклонился.

— Здравствуйте, здравствуйте! — на ломаномъ французскомъ языкѣ промолвила дѣвочка.

У Этьена отлегло на сердцѣ,—миссъ Розовый-Бутонъ понимаетъ по французски!

— Скажите, пожалуйста, миссъ. въ которомъ часу начнется сегодня представленіе? — спросилъ Этьенъ, стараясь выговаривать каждое слово, какъ можно отчетливѣе.

Выслушавъ Этьена очень внимательно, дѣвочка все такъ же безбожно коверкая слова, отвѣтила: „Мой не знайтъ.“

— Простите, пожалуйста. Я думалъ, что въ этомъ домѣ помѣщается дирекція театра; видно, я ошибся.

— Мой не знайтъ! — протянула опять дѣвочка и, очень довольная своимъ знаніемъ французскаго языка, въ свою очередь спросила, улыбаясь:

— А вашъ понимайтъ по французски?

Этьенъ оторопѣлъ. Ужъ не по англійски ли онъ говорилъ съ нею!

— Конечно, миссъ!—растерянно сказалъ онъ.

Розовый-Бутонъ открыла ротикъ, повела разокъ-другой губками, и, не найдя подходящаго слова, промолвила:

— Мой вамъ благодаренъ.

Важный господинъ все время внимательно слушалъ разговоръ дѣвочки; его невозмутимое лицо свѣтилось чувствомъ отцовской гордости. Еще бы! его дочурка такъ бойко болтаетъ съ французомъ на его языкѣ.

Этьену было невдомекъ, что дѣвочка говоритъ заученныя изъ своего учебника фразы, и онъ, указывая рукою на театръ, спросилъ:

— А не знаете ли вы Кабарата, Ка-ба-ра-та? — повторилъ онъ нѣсколько разъ громко и раздѣльно это имя.

Взглянувъ въ ту сторону, куда Этьенъ указывалъ рукою, дѣвочка увидѣла быстро промчавшійся кабріолетъ и, переводя недоумѣвающій взглядъ на собесѣдника, пробормотала:

— Что такое? Каб! рат!.. рат!.. каб!

— Да, да! Кабаратъ, Кабаратъ!—повторилъ Этьенъ въ восторгѣ, что его, наконецъ, поняли.

Съ испуганнымъ лицомъ дѣвочка повернулась къ отцу и стала пространно объяснять, что бѣдный французикъ, вѣрно, съ ума спятилъ,—только и толкуетъ, что о какихъ-то кабъ и ратѣ.

Англичанинъ, привыкшій, какъ и его соотечественники, считать, что почти у всѣхъ французовъ въ головѣ не совсѣмъ въ порядкѣ, взялъ за руку дочь и быстро повернулъ назадъ, захлопнувъ дверь передъ носомъ у Этьена.

А миссъ Розовый-Бутонъ, желая еще разъ щегольнуть передъ папашей знаніемъ французскаго языка, крикнула за дверью своимъ серебристымъ голоскомъ: „До свитанія! До свитанія!“

— До свитанія!—передразнилъ ее Этьенъ.—Нечего сказать, хорошо растолковала.

И уныло зашагалъ опять взадъ и впередъ передъ театромъ.

Наконецъ, около семи часовъ на перекресткѣ показался высокій, худой мужчина. Онъ шелъ быстро, размахивая длинными руками.

— Неужели, это онъ! Ну, такъ и есть,— онъ!

Этьенъ бросился на встрѣчу къ Кабарату. Удивился тотъ сначала, а потомъ ласково сказалъ:

— Ого, мальчуганъ, какой ты большой сталъ! Что ты тутъ дѣлаешь въ Лондонѣ, одинъ-одинешенекъ, въ твои-то годы? И какъ очутился тутъ у театра?

Радостно волнуясь, Этьенъ разсказалъ о своей встрѣчи съ афишею и о томъ, какъ попалъ въ Лондонъ.

— Глупая моя овечка, тебя безсовѣстно обманули! — воскликнулъ Кабаратъ. — Вотъ они удары судьбы, я ихъ не мало перенесъ на своемъ вѣку... Впрочемъ, приходилось переживать и хорошія ми-

нуты, да... Въ Лондонѣ мнѣ повезло; англичане — народъ серьезный и умѣютъ цѣнить великихъ артистовъ!..

Онъ съ довольнымъ видомъ поглядѣлъ на прохожихъ. Вдругъ послышался бой башенныхъ часовъ. Кабаратъ заторопился: „Мнѣ надо спѣшить, сейчасъ начнется представленіе. Хочешь пойдемъ со мною. Я тебя поставлю за кулисы, и ты увидишь мою игру".

Этьенъ, ссылаясь на усталость, вѣжливо отказался,—онъ вспомнилъ о королевѣ Марго и о томъ, какъ шествовалъ пажемъ въ ея свитѣ.

— Тебя пугаютъ театральныя подмостки? да?.. Можетъ быть, ты боишься «благороднаго отца», который, помнишь, въ Меленѣ обыгралъ тебя на пятнадцать франковъ?.. Я какъ это узналъ, кинулся тебя искать, а тебя и слѣдъ простылъ... Ну, ступай, дружокъ, на мою квартиру и подожди меня тамъ. Вонъ видишь, шаговъ сорокъ отсюда дверь съ полукругомъ наверху; тамъ у одной доброй француженки Берто я нанимаю комнату. Какъ придешь, стукни два раза въ дверь. А пока прощай!

„Ты-то придешь-ли?" подумалъ Этьенъ, вспомнивъ, какъ два раза его обманулъ актеръ, обѣщая придти, и вмѣсто того пропадалъ, словно сквозь землю проваливался.

Этьенъ направился къ указанному дому и два раза стукнулъ въ дверь, а когда ему отворили, сказалъ, что его прислалъ Кабаратъ.

Мадамъ Берто, пожилая дама съ добрымъ, привѣтливымъ лицомъ, приняла его съ чисто французскою любезностью и угостила на англійскій манеръ чаемъ, холодною бараниною и честеромъ.

Этьенъ разговорился съ радушною хозяйкой и презабавно разсказалъ ей о встрѣчѣ съ англичаниномъ и его дочкой. Припомнилъ онъ и другія приключенія изъ своего путешествія, между прочимъ,

и бургиньонскую свадьбу, гдѣ его накормили чудеснымъ ужиномъ, а угостить виномъ и забыли.

— А какъ называлась эта деревушка?—поинтересовалась мадамъ Берто.

— Сиври.

— Да, я сама оттуда и даже прихожусь винодѣлу съ родни!—воскликнула француженка.—Дѣлать нечего,—прибавила она, смѣясь,—надо постараться исправить оплошность родственниковъ.

Она достала съ этажерки бутылку портвейна и налила большую рюмку Этьену.

Такъ проболтали они до десяти часовъ вечера, а потомъ хозяйка ушла въ свою комнату. Оставшись одинъ, Этьенъ, въ ожиданіи Кабарата, тутъ же за столомъ сладко уснулъ.

На этотъ разъ старикъ не обманулъ его и, какъ только спектакль окончился, вернулся домой.

— Спектакль сошелъ недурно! Да, да совсѣмъ недурно, — пробормоталъ онъ, досталъ изъ шкапа хлѣбъ, сыръ, бутылку элю и молча сталъ ужинать, уставивъ глаза въ тарелку. Актеръ былъ не въ духѣ. Онъ только что сыгралъ въ театрѣ роль стараго Горація; и декламація, и мимика, и жесты, все было превосходно, а вотъ, подите-же, ни одного хлопка, какъ есть ни одного.

Умѣнье цѣнить великихъ артистовъ на этотъ разъ совершенно покинуло англичанъ.

Чтобы отвлечь старика отъ непріятнаго воспоминанія, да и самому успокоиться, Этьенъ спросилъ:

— Какъ вы полагаете, могу ли я здѣсь найти работу. Не помѣшаетъ ли мнѣ незнаніе англійскаго языка?

— Какую работу?.. Ахъ, да, вѣдь, ты слесарь.

— Механикъ,—поправилъ его Этьенъ.

— Механикъ. Чудесно, чудесно. Самъ я не имѣю ничего общаго съ механикою, но завтра къ мадамъ

Берто долженъ пріѣхать изъ Бедфорда одинъ французъ, очень любезный господинъ, преподаватель рисованія въ мужской гимназіи. Онъ можетъ быть тебѣ полезенъ и научитъ тебя англійскому языку; я поговорю съ мадамъ Берто. Во всякомъ случаѣ, дружокъ, пока я живу въ этомъ домѣ, ты можешь оставаться у меня. Вотъ этотъ диванъ къ твоимъ услугамъ. Онъ немного жестковатъ... какъ и наша жизнь.

Этьенъ, которому доводилось ночевать и въ стогахъ сѣна, а то попросту въ канавѣ подлѣ большой дороги, съ удовольствіемъ поглядѣлъ на диванъ и горячо поблагодарилъ Кабарата, а тотъ меланхолически зажегъ свѣчу и отправился въ свою комнату.

На этомъ-то диванѣ, такомъ жесткомъ, что онъ, казалось, былъ набитъ булыжникомъ, нашъ маленькій человѣкъ съ наслажденіемъ заснулъ, и утромъ всталъ бодрый, освѣженный спокойнымъ, крѣпкимъ сномъ.

Въ одинадцать часовъ прибылъ французъ Дюклеръ, о которомъ говорили наканунѣ. Это былъ мужчина лѣтъ сорока — пятидесяти, брюнетъ, съ сильною просѣдью, съ серьезнымъ вдумчивымъ лицомъ.

Еще за утреннимъ кофеемъ мадамъ Берто разсказала Этьену незатѣйливую исторію его жизни. Молодымъ пріѣхалъ онъ въ Лондонъ, долго искалъ работы и, наконецъ, устроился учителемъ рисованія въ гимназіи въ Бедфордѣ. Тамъ онъ женился, тамъ и потерялъ жену и теперь живетъ со своею единственною дочерью.

Обмѣнявшись привѣтствіями и освѣдомившись о здоровьѣ мадемуазель Дюклеръ, мадамъ Берто подозвала Этьена и представила его гостю.

— Я знавалъ въ Парижѣ одного художника Жильберъ,—сказалъ Дюклеръ,—мы встрѣчались у

общихъ знакомыхъ. Жилъ онъ въ улицѣ Делабордъ.

— Это мой отецъ.

— Онъ умеръ?

— Да, восемь лѣтъ тому назадъ. — отвѣтилъ Этьенъ. На глазахъ его блеснули слезы.

Дюклеръ взялъ Этьена за руку, поглядѣлъ на его открытое честное лицо и ласково сказалъ:

— Что вы думаете дѣлать въ Лондонѣ?

— Онъ механикъ,—вмѣшался тутъ въ разговоръ Кабаратъ.—Исходилъ всю Францію, а теперь хочетъ побывать и въ другихъ странахъ, чтобы усовершенствоваться въ своемъ ремеслѣ. Онъ желалъ бы попасть куда-нибудь на большой англійскій заводъ.

Дюклеръ очень одобрилъ эту мысль. Онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ владѣльцемъ большого сталелитейнаго завода въ Бедфордѣ, нѣкимъ Нювалемъ, и предложилъ Этьену поѣхать съ нимъ сегодня же вечеромъ въ Бедфордъ. «А завтра—пообѣщался онъ,—представлю васъ Нювалю, вы и поговорите съ нимъ о своемъ дѣлѣ.»

Этьенъ съ радостью согласился.

— Ну, братъ, далеко пойдешь!—шепнулъ Этьену Кабаратъ.—Ты счастливчикъ, въ сорочкѣ родился!.. Ступай, да не глупи тамъ, и смотри, не проговорись о Марсельскомъ приключеніи.

Послѣ завтрака Дюклеръ отправился съ визитами и взялъ съ собой Этьена. Они поѣхали въ кабріолетѣ, и на этотъ разъ Этьенъ могъ вдоволь налюбоваться городомъ. Всѣ достопримѣчательности показалъ ему Дюклеръ: Трафалгаръ-Скверъ, съ его множествомъ статуй, Уэсминстеръ съ рѣдкой красоты башнями, казавшимися голубыми сквозь окутавшій ихъ туманъ, кафедральный соборъ Св. Павла и знаменитый Лондонъ-Бриджъ, на кото-

ромъ, какъ въ муравейникѣ, всегда кишмя-кишатъ прохожіе и эки пажи.

Въ десять часовъ вечера, дружески распрощавшись съ Кабаратомъ и мадамъ Берто, Этьенъ покатилъ съ своимъ новымъ знакомымъ на скоромъ поѣздѣ въ Бедфордъ.

XXIV.

Флорансъ.

Съ какимъ удовольствіемъ, проснувшись поутру, разглядывалъ Этьенъ хорошенькую комнату, въ которой провелъ ночь.

Какая славная, чистая постель! Какія бѣлоснѣжныя занавѣски! Какъ проста и въ то же время изящна мебель изъ лакированной сосны! Какъ красивъ этотъ кувшинъ изъ бѣлаго фарфора, разрисованнаго голубенькими цвѣточками, и мягкій красный съ сѣрыми разводами коверъ, и туалетъ, задрапированный бѣлою кисеею, сквозь которую просвѣчиваетъ розовая коленкоровая обивка, и на туалетѣ зеркальце, и вышитая бисеромъ подушечка!

Этьенъ весь былъ подъ обаяніемъ того уюта и комфорта, которые англичане умѣютъ вносить во всѣ, даже самыя мелкія, подробности своей обстановки. Мечты его были прерваны боемъ часовъ. Боясь опоздать къ утреннему кофе, Этьенъ живо

одѣлся и сошелъ внизъ въ столовую. Тамъ его уже поджидали Дюклеръ съ дочерью.

— Господинъ Этьенъ Жильберъ... Моя дочь Флорансъ! — познакомилъ Дюклеръ молодыхъ людей.

Флорансъ встала и протянула ему руку.

Флорансъ! Это имя вызвало въ умѣ Этьена представленіе о какомъ-то чудесномъ рѣдкомъ цвѣткѣ, и, пожалуй, не столько имя, сколько весь обликъ молодой дѣвушки съ ея синими, какъ васильки, глазами и пышными завитками золотистыхъ волосъ, небрежно связанныхъ на затылкѣ темно-красною лентой. Нѣжное личико дѣвушки не говорило о какой-нибудь особенной красотѣ, но тѣмъ не менѣе было очаровательно.

Всѣ усѣлись за столъ, и Флорансъ принялась хозяйничать.

«Вѣрно такой была и моя мама въ молодости, — думалъ Этьенъ. — Недаромъ тетя Агита называла ее изящной и граціозной»...

И онъ съ какимъ-то особенно теплымъ чувствомъ взглянулъ на Флорансъ. Молодая дѣвушка передала ему яйца въ смятку, гренки съ масломъ и ломтики жареного сала.

— Какъ видите, у насъ чисто-англійскій завтракъ, — замѣтилъ Дюклеръ. — Во Франціи я довольствовался бы хлѣбцемъ и чернымъ кофе, а здѣсь ѣмъ яйца и сало, какъ истый Джонъ Булль. Этого требуетъ климатъ.

И Этьенъ покушалъ съ большимъ аппетитомъ, какъ истый Джонъ Булль. Впрочемъ, что это былъ за господинъ, онъ, по правдѣ сказать, не зналъ.

Позавтракавъ, Дюклеръ взялъ шляпу и сказалъ: „Пойду къ Нювалю, а ты, Флорансъ, какъ будешь свободна, сходи погулять съ нашимъ гостемъ и покажи ему городъ и окрестности“.

Послѣ его ухода, Этьенъ попросилъ позволенія написать письмо. Флорансъ любезно указала ему

на свой маленькій письменный столикъ. Этьенъ сѣлъ писать къ Галле. Онъ разсказалъ ему про Брюсса и просилъ разузнать подробности его дѣла; затѣмъ сообщилъ о встрѣчи въ Лондонѣ съ стариннымъ знакомымъ своего отца, а также о своихъ новыхъ планахъ и надеждахъ.

„Въ Ламарлетъ же напишу послѣ того, какъ узнаю отъ Галле, что натворилъ Брюссъ, и почему мнѣ нельзя вернуться во Францію", рѣшилъ онъ про себя.

А пока онъ писалъ, Флорансъ ходила взадъ и впередъ по комнатамъ своею легкою, воздушною походкой, что-то прибирала, что-то разставляла, отдавала серебристымъ голосомъ приказанія служанкѣ Панксъ, и, наконецъ, принялась чистить для пуддинга изюмъ. На минутку она явилась съ бѣлыми отъ муки руками и такъ весело надъ этимъ смѣялась, что и Этьенъ разсмѣялся отъ души. Не желая отступать отъ принятаго въ Англіи обычая, Флорансъ всегда сама мѣсила тѣсто для пирожнаго и пуддинга.

Но вотъ пуддингъ готовъ, письмо написано. Флорансъ живо надѣла соломенную шляпу съ большими полями и длиннымъ вуалемъ, перекинула черезъ руку маленькую красную шаль и, надѣвая перчатки, сказала:

— Я готова. Если желаете, можно отправляться.

Этьенъ взглянулъ на ея свѣтло-палевыя перчатки и смущенно пробормоталъ:

— Какъ же быть? А у меня то нѣтъ...

Она съ улыбкой поглядѣла на его огорченное лицо.

— Какое, подумаешь, преступленіе! Но на дворѣ не холодно, можно и безъ перчатокъ. Дайте мнѣ вашу руку и пойдемъ гулять.

Онъ не сразу рѣшился подать ей руку. Бѣднягу стѣсняло не только отсутствіе перчатокъ, но и силь-

но поношенное платье. Къ тому же его нѣсколько смутили слова Флорансъ. Ну, какая же барышня во Франціи, увидавъ въ первый разъ молодого человѣка, такъ сразу и скажетъ: «Дайте мнѣ вашу руку и пойдемте гулять!»

Они пошли по длинной широкой улицѣ. Съ двумя рядами магазиновъ по сторонамъ она походила на большую улицу любого города. Дойдя до моста, молодые люди свернули налѣво къ рѣкѣ, очень широкой въ этомъ мѣстѣ. По обоимъ берегамъ рѣки тянулись, обсаженные высокими раскидистыми деревьями роскошные луга, на которыхъ паслись крупныя породистыя коровы.

Нѣкоторое время они шли по берегу. Флорансъ говорила о своей матери, умершей шесть лѣтъ тому назадъ и маленькомъ братишкѣ, тоже недолго пожившемъ на этомъ свѣтѣ. Вспомнилъ и Этьенъ о своихъ родителяхъ, которые покоились вѣчнымъ сномъ на кладбищѣ въ Ламарлетѣ. Оба были растроганы.

Нагулявшись вдоволь, молодые люди медленно возвращались домой, но на этотъ разъ не вдоль берега, а по большой дорогѣ. Увлеченные разговорами, они шли, не глядя по сторонамъ. Вдругъ что-то огромное перемахнуло черезъ изгородь къ нимъ на дорогу.

Это былъ быкъ, который уже нѣсколько времени слѣдилъ за ними позади изгороди.

Животное, опустивъ голову, приготовилось къ нападенію.

Весь блѣдный, взглянулъ Этьенъ на свою испуганную спутницу. Ему бросилась въ глаза красная шаль, перекинутая у нея черезъ руку. Быстрымъ движеніемъ онъ схватилъ шаль и крикнулъ:

— Скорѣе, спрячьтесь вонъ тамъ въ кустарникѣ возлѣ изгороди и не подавайте голоса.

Флорансъ такъ и сдѣлала.

Самъ же Этьенъ, размахивая шалью, попятился назадъ къ откосу по другую сторону дороги. Быкъ кинулся за нимъ и мигомъ очутился на откосѣ, куда уже успѣлъ вбѣжать Этьенъ. Глядя въ упоръ

на разъяренное животное, онъ быстро присѣлъ въ густую траву, скатился внизъ и притаился.

Быкъ, озадаченный быстрымъ исчезновеніемъ врага, остановился, постоялъ минуту и съ сердитымъ мычаніемъ побрелъ къ стаду.

Этьенъ вышелъ на дорогу и направился къ молодой дѣвушкѣ, которая все еще никакъ не могла оправиться отъ испуга.

— Ну, и смѣльчакъ же вы, г-нъ Жильберъ! — промолвила она дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Мнѣ не впервой, вѣдь, имѣть дѣло съ этими животными; я не разъ гонялъ ихъ въ поле.

— Дайте мнѣ мою шаль. Теперь никогда не буду брать ее съ собою.

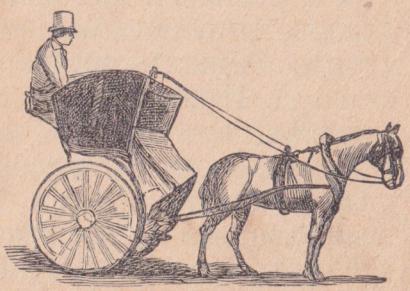
Остальную часть дороги до «Миртль-коттеджъ», —такъ назывался домъ г. Дюклера, — они прошли безъ приключеній. Замѣтивъ на домѣ какую-то надпись бѣлыми буквами на синемъ фонѣ, онъ спросилъ, что она означаетъ.

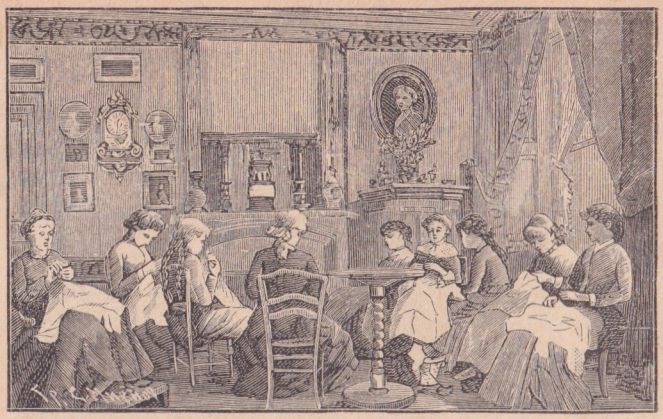
— Здѣсь, въ провинціи дома различаются не столько по номерамъ, сколько по названіямъ, — отвѣтила Флорансъ.—«Миртль-коттеджъ» означаетъ Миртовая хижина. Такъ прозвала нашъ домъ мама, когда мы въ немъ поселились. Здѣсь въ саду росло чахлое, но все же красивое миртовое деревцо; мама принялась за нимъ ухаживать, и вотъ поглядите, какимъ оно стало...

И она указала на рослое, красивое, съ зеленою листвою, деревцо, пріютившееся въ уголкѣ сада.

Когда отецъ вернулся къ обѣду, Флорансъ разсказала о происшествіи съ быкомъ. Крѣпко пожалъ Дюклеръ Этьену руку, горячо, горячо поблагодарилъ его, потомъ обратился къ дочери.

— Сегодня мы съ тобою приглашены къ мистрисъ Нюваль на чашку чая. У нея швейный митингъ, и тебя ждутъ непремѣнно, вмѣстѣ съ желанными гостями: иголкою и наперсткомъ... И васъ,— сказалъ онъ Этьену, — мистеръ Нюваль проситъ также придти. Вотъ вы и познакомитесь съ нашимъ патрономъ. Нужно вамъ сказать, онъ изъ простыхъ рабочихъ и самъ выбился на дорогу. Отецъ его былъ мелкимъ ткачемъ-кустаремъ, сынъ же, благодаря своему уму и настойчивому труду, основалъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ фабрикъ въ Англіи.





XX.

Швейный митингъ.

Ровно въ пять часовъ они были у Нюваль. То, что увидѣлъ Этьенъ,—было полною для него неожиданностью. Около тридцати дамъ всѣхъ возрастовъ, нарядно и просто одѣтыя, сидѣли въ гостиной и шили: кто рубашку, кто распашонку или свивальникъ, кто чепчикъ. Груды разнаго бѣлья лежали на столахъ. Дамы вполголоса вели оживленную бесѣду; въ комнатѣ стоялъ сдержанный шумъ, который, пожалуй, можно было бы сравнить съ гудѣніемъ трудолюбивыхъ пчелъ въ ульѣ, работай дамы такъ же усердно иголкой, какъ онѣ работали языкомъ.

По стѣнамъ, оклееннымъ довольно безвкусными аляповатыми обоями, висѣли въ похожихъ одна на другую рамкахъ рисунки карандашемъ съ надписями: А. Нюваль, Б. Нюваль, В. Нюваль, Д. Нюваль, словомъ, чуть не весь алфавитъ съ фамиліею Нюваль на придачу. Рисунки изображали барки, вѣтряныя мельницы, дикія скалы и другіе излюбленные начинающими художниками сюжеты. Въ созданіи всѣхъ этихъ произведеній искусствъ не мало помогалъ учитель рисованія г. Дюклеръ.

Любуясь роскошнымъ убранствомъ зала, Этьенъ замѣтилъ у одного изъ столиковъ Флорансъ. Съ работою въ рукахъ она разговаривала съ какою-то блѣдною, болѣзненною на видъ дѣвочкою, лежащей на кушеткѣ. Вдругъ Дюклеръ, стоявшій позади, толкнулъ его локтемъ. Этьенъ обернулся.

Къ нимъ катила на коротенькихъ ножкахъ маленькая толстенькая старушка, съ сѣдыми буклями, въ очкахъ, въ лиловомъ шелковомъ платьѣ и съ пышнымъ ярко-зеленымъ бантомъ на груди.

Она протянула Дюклеру руку; тотъ представилъ ей Этьена.

— Добро пожаловать! — сказала она на ломаномъ французскомъ языкѣ и крѣпко потрясла Этьену нѣсколько разъ руку.

Этьенъ,—на этотъ разъ онъ былъ въ перчаткахъ,—сконфузился и покраснѣлъ. Замѣтила это мистриссъ Нюваль и заговорила съ Дюклеромъ по англійски.

Къ счастью, Флорансъ подняла голову и, встрѣтившись глазами съ смущеннымъ растерянным юношею, поманила его рукою. Чуть не полъ-зала пришлось Этьену пройти, чтобы добраться до ея столика. По дорогѣ онъ наступилъ на три-четыре юбки и чуть было не запутался въ моткахъ нитокъ, лежащихъ на полу.

Бѣдный Этьенъ! Знай онъ, что мистриссъ Нюваль сказала про него учителю рисованія, онъ, вѣрно, не чувствовалъ бы себя такъ неловко.

— Сейчасъ видно, что Жильберъ славный молодой человѣкъ—разсыпалась въ похвалахъ мистриссъ Нюваль.—Онъ умѣетъ держать себя въ обществѣ, въ немъ есть что-то джентльменское, да, да, именно джентльменское.

И правда! несмотря на свой, болѣе, чѣмъ скромный костюмъ Этьенъ производилъ впечатлѣніе совсѣмъ приличнаго молодого человѣка.

— Я только что разсказывала моей маленькой пріятельницѣ Кэти Нюваль о нашемъ приключеніи во время прогулки,—обратилась Флорансъ къ Этьену, когда онъ подошелъ.—Кэти называетъ васъ героемъ и желаетъ съ вами познакомиться.

„Ну, вотъ, я опять краснѣю", подумалъ Этьенъ, чувствуя, что краска заливаетъ его лицо. Онъ пробормоталъ что-то несвязное и съ глубокою жалостью поглядѣлъ на улыбающуюся ему дѣвочку, такую тщедушную, болѣзненно-блѣдную, съ неземнымъ выраженіемъ въ голубыхъ глазахъ.

Вдругъ, откуда ни возьмись, въ залу хлынула толпа юныхъ и пожилыхъ джентльменовъ; они подсѣли къ дамамъ, и иголки, и безъ того не очень-то проворныя, мигомъ забастовали. Въ залѣ, вмѣсто тихого говора, стоялъ теперь гулъ отъ смѣха и разговоровъ.

Немного погодя вышла мистриссъ Нюваль и что-то громко сказала. Дамы и кавалеры поднялись со своихъ мѣстъ, и глядь, словно по волшебству, пожилыя дамы вышли изъ залы подъ руку съ пожилыми джентльменами, а дѣвицы—съ молодыми.

— Ну, г-нъ Жильберъ, ведите меня въ столовую чай пить,—сказала Флорансъ. Замѣтивъ, что Этьенъ кинулъ взглядъ на кушетку, гдѣ лежала Кэти, она прибавила, отгадавъ его мысль: «А вотъ идетъ и Кэтина бонна за нею».

— Сама я не дойду!—вздохнула Кэти,—я такая хворенькая, маленькая, слабенькая...

Чаепитіе въ Англіи обставлено большою торжественностью; но все, что на этотъ счетъ выработано традиціями и обычаемъ особенно строго соблюдалось у мистрисъ Нюваль, домъ которой въ этомъ отношеніи былъ первымъ во всемъ Бедфордѣ.

Столъ, накрытый скатертью изумительной бѣлизны, весь былъ заставленъ серебромъ, дорогимъ хрусталемъ, всевозможными тортами, кексами, пе-

ченьями, желе краснаго, зеленаго и янтарно-желтаго цвѣта, сверкавшими, словно драгоцѣнные камни, разнымъ вареньемъ, фруктами, конфектами и множествомъ другихъ лакомствъ. Не были забыты и всякія аппетитныя закуски: ветчина, омары, сардины, паштеты съ селедками и креветками, очень пикантныя на вкусъ, которыхъ особенно начинаешь цѣнить, когда къ нимъ привыкнешь.

По концамъ длиннаго стола усѣлись старшія миссъ Нюваль и принялись разливать чай, а любезные молодые джентльмены, сложивъ губы сердечкомъ, разносили дамамъ чай и пирожныя.

Послѣ чая, по англійскому обычаю, пропѣли хоромъ молитву, затѣмъ большая часть гостей разошлась, и только самые близкіе знакомые остались ужинать. Дюклеръ съ дочерью и Этьеномъ были такъ же приглашены на ужинъ.

Гости и хозяйка перешли въ гостиную. Почти сейчасъ же вслѣдъ за ними въ комнату вошелъ далеко не аристократичнаго вида мужчина, темноволосый, широкоплечій, съ крупными рѣзкими чертами лица.

Это былъ хозяинъ дома, мистеръ Нюваль, который только что пришелъ изъ своей конторы. Онъ сдѣлалъ общій поклонъ, а Этьену, котораго ему представилъ Дюклеръ, такъ же крѣпко, какъ и его жена, пожалъ руку, затѣмъ перекинулся нѣсколькими словами по англійски съ учителемъ.

— Мистеръ Нюваль интересуется знать—спросилъ Дюклеръ Этьена:—знакомы ли вы съ машиностроительствомъ?

— Еще бы,—отвѣтилъ Этьенъ.—Вѣдь, я восемь мѣсяцевъ работалъ въ Живорѣ надъ сборкою машинъ.

Дюклеръ тотчасъ перевелъ по англійски слова Этьена.

— Достаточно ли вы знакомы съ геометріею и черченіемъ?—задалъ опять вопросъ Нюваль.

Этьенъ разсказалъ все, что онъ успѣлъ пройти съ Галле по геометріи и черченію.

Потолковавъ еще немного съ Нювалемъ, Дюклеръ сказалъ Этьену:

— Итакъ, рѣшено, мистеръ Нюваль беретъ васъ къ себѣ. Принимая во вниманіе, что вы задались цѣлью посѣтить всѣ промышленные центры Европы,—при этихъ словахъ Этьенъ невольно опустилъ глаза,—мистеръ Нюваль рѣшилъ дать вамъ возможность поработать во всѣхъ мастерскихъ, а по вечерамъ, когда кончается работа, вы можете прослушать тутъ же на заводѣ теоретическій курсъ механики. На заводѣ мистера Нюваля вы пріобрѣтете познаній не меньше, чѣмъ въ любой спеціальной школѣ въ Шалони.

Хотѣлъ было Этьенъ, если не по англійски, то хоть по французски выразить свою благодарность, да не могъ, и только двѣ слезинки блеснули у него на глазахъ.

Понялъ Нюваль волновавшія юношу чувства и снова крѣпко пожалъ ему руку.

Пока все это происходило на одномъ концѣ гостиной, на другомъ—старшая дочь мистера Нюваль, высокая, прямая, какъ жердь, дѣвица лѣтъ двадцати пяти съ темнорыжими, отливавшими въ красный цвѣтъ, волосами пѣла, поднявъ глаза къ потолку, пѣсню Теннисена.

Послѣ нея стала пѣть сестра ея, Есфирь Нюваль, съ еще болѣе огненными волосами, и прехорошенькая. Пѣла она дуэтъ съ бѣлобрысымъ молодымъ человѣкомъ съ острою, какъ у мыши, мордочкою.

На смѣну Есфири пришли младшіе сестры и братья: миссъ Элеонора, Бетси, Ада, мистеры: Дикки, Фредди, Перси—блондины и блондинки всевоз-

можныхъ оттѣнковъ,—и затянули вшестеромъ подъ аккомпаниментъ старшей сестры: „Синіе колокольчики Шотландіи“.

Пѣли они такъ фальшиво, что хоть вонъ бѣги. Гости слушали, однако, съ полнымъ вниманіемъ, и дѣти, не смущаясь, съ чисто англо-саксонскою невозмутимостью, продолжали тянуть, кто во что горазъ, то и дѣло перегоняя другъ друга, словно рысаки на бѣгахъ. Но вотъ прозвучала послѣдняя нота, и дѣти, взапуски другъ передъ другомъ, взяли ее, кто какъ съумѣлъ.

Со всѣхъ сторонъ раздались апплодисменты, а учитель музыки, который остался очень доволенъ исполненіемъ своихъ учениковъ, неистово кричалъ: „Бисъ! бисъ! браво“. Гости подхватили и тоже принялись кричать: „Бисъ! бисъ!“

Пѣвцы не заставили себя просить и повторили свой номеръ. Имъ снова апплодировали.

Въ восторгѣ отъ успѣховъ своихъ дѣтей мистриссъ Нюваль сіяла, но, какъ вполнѣ свѣтская дама, сочла своимъ долгомъ дать и гостямъ возможность проявить таланты. Она подвела Флорансъ къ роялю и попросила ее что-нибудь спѣть.

Флорансъ спѣла прелестный старинный романсъ, въ которомъ говорилось о молодой веснѣ и свѣтломъ, радостномъ Маѣ.

Голосъ у нея былъ хорошій, гибкій и свѣжій, какъ Май, котораго она воспѣвала.

Единодушные апплодисменты, которыми слушатели наградили Флорансъ, примирили нѣсколько Этьена съ англійскимъ вкусомъ.

Потомъ играли въ восемь рукъ на роялѣ и фисъ-гармоніи четыре сестры Куперъ, похожія другъ на друга, какъ двѣ капли воды и исполненіемъ, и манерами, и туалетами.

Въ девять часовъ сѣли за роскошно-сервированный столъ ужинать, а послѣ ужина стали всѣ рас-

ходиться по домамъ,—мирные жители Бедфорда сохранили хорошую привычку добраго стараго времени рано ложиться спать.

Вернувшись въ Миртль-котеджъ, Дюклеръ пожалъ Этьену руку, пожелалъ ему спокойной ночи и добавилъ: «Выспитесь хорошенько. Завтра вамъ съ утра идти на работу».

Но Этьенъ не скоро заснулъ. Онъ долго лежалъ на постелѣ съ открытыми глазами, перебирая въ головѣ всѣ подробности богатаго впечатлѣніями дня.

Пѣсня въ честь молодой весны серебристыми колокольчиками звучала въ его ушахъ, а колокольчиками этими откуда-то далеко, далеко звенѣла веселая, смѣющаяся Флорансъ. Она уходила все дальше и дальше, а съ нею замирали и звуки колокольчиковъ... Хоть и темно было вокругъ, а все же онъ видѣлъ ея маленькія ручки, совсѣмъ бѣлыя отъ муки... И вдругъ рядомъ съ нею появляется какое-то страшное чудовище... Онъ бросается на него и убиваетъ... Снова звенятъ серебристые колокольчики, и онъ сладко, сладко засыпаетъ подъ ихъ звуки.

Этьенъ проснулся рано и къ семи часамъ былъ совсѣмъ одѣтъ. Послѣ завтрака Дюклеръ отправился съ нимъ на заводъ и дорогою сказалъ:

— Разумѣется, дружокъ, вы будете жить у меня. Съ отцемъ вашимъ у меня была давнишняя пріязнь, да и вы сами мнѣ пришлись очень по душѣ.

— О, сударь!.. только и смогъ сказать растроганный Этьенъ.

Нюваля они застали уже въ конторѣ. Потолковавъ съ нимъ нѣсколько минутъ, Дюклеръ повелъ Этьена посмотрѣть мастерскія.

Заводскія мастерскія раскинулись на огромномъ пространствѣ и въ общемъ занимали площадь не менѣе иного уѣзднаго городка. На заводъ привозились сотни тысячъ пудовъ чугуна; все это перерабатывалось въ мастерскихъ и выпускалось въ видѣ

безчисленнаго количества плуговъ, жатвенныхъ машинъ, боронъ и молотилокъ.

Среди множества рабочихъ, мимо которыхъ они проходили, Этьенъ узналъ нѣсколько знакомыхъ лицъ—вчерашнихъ гостей Нюваля, между прочимъ, и «бѣлую мышь» распѣвавшую дуэтъ съ миссъ Есфирь; теперь это была не бѣлая, а вся въ сажѣ черная мышь. Пѣвецъ работалъ молотомъ, какъ заправскій кузнецъ.

Когда всѣ мастерскія были осмотрѣны, Дюклеръ отправился домой, а Этьена поставили къ слесарному станку. Его работою, какъ видно, остались довольны; по крайней мѣрѣ, когда по послѣднему гудку всѣ стали расходиться съ завода, мистеръ Нюваль велѣлъ объявить Этьену, что онъ будетъ получать по семи шиллинговъ въ день.

„Семь шиллинговъ или восемь франковъ пятьдесятъ сантимовъ“ ликовалъ онъ и не шелъ, а стрѣлою летѣлъ въ Миртль-котеджъ.

— Мнѣ положили 8 фр. пятьдесятъ сантимовъ въ день!—объявилъ онъ, внѣ себя отъ радости, Дюклеру и Флорансъ.

Его поздравили. За дессертомъ Флорансъ подала наливку собственнаго издѣлія—превкусную янтарнаго цвѣта наливку изъ буковицы, этой маленькой желтой ягоды, которая первая поспѣваетъ въ лѣсахъ.

Какъ вкусна была наливка, и съ какимъ трогательнымъ сочувствіемъ относились къ нему Дюклеры. Этьенъ весь былъ преисполненъ благодарности къ этимъ добрымъ людямъ, и то, что происходило у него въ душѣ, ясно отражалось на его молодомъ открытомъ лицѣ.

А недѣлю спустя онъ получилъ дружеское письмо отъ Галле, совершенно его успокоившее.

„Милый мой другъ, какъ вы еще наивны и неопытны, — писалъ ему Галле. — Неужели вы не поняли, что этотъ мошенникъ Просперъ Брюссъ

увезъ васъ изъ боязни, чтобы вы не изобличили его продѣлки. Хороша и Гранденъ, прикарманившая триста тысячъ франковъ, которые вы по порученію Брюсса отнесли ей въ запечатанномъ краснымъ сургучемъ пакетѣ.

«Я наводилъ справки въ Марселѣ. Оказывается, Брюссъ укралъ эти деньги, и не желая, чтобы въ этотъ день его видѣли на улицѣ Сенъ-Ферреоль, послалъ ихъ съ вами къ Гранденъ. Слыхалъ я также, что и за фирмою водятся кой-какіе грѣшки, а потому врядъ-ли станутъ преслѣдовать Брюсса. Значитъ, если-бы вы даже вернулись во Францію, васъ оставятъ въ покоѣ и не вызовутъ свидѣтелемъ.

«Милый Этьенъ, напрасно вы такъ близко принимаете все къ сердцу и дѣйствуете сгоряча. Вотъ вы тогда такъ поспѣшно покинули Живоръ, а между тѣмъ, дождись вы директора или меня, ваши недоразумѣнія съ мастеромъ можно было бы уладить.

«Мнѣ думается, вамъ не слѣдуетъ ничего сообщать домой о Марсельскомъ приключеніи,—это понапрасну только встревожитъ вашихъ родныхъ.

«Удастся вамъ, какъ вы надѣетесь, устроиться на какомъ-нибудь заводѣ, живите съ Богомъ въ Англіи, гдѣ понимаютъ и умѣютъ цѣнить трудъ. Но если неудача васъ постигнетъ или затоскуете по родинѣ — возвращайтесь, вы всегда найдете пріютъ у вашего друга.

Л. Галле.

Къ письму былъ приложенъ чекъ на сто франковъ на одинъ изъ лондонскихъ банковъ. Этьенъ, тронутый теплымъ участіемъ своего пріятеля въ тотъ же день отвѣтилъ ему. Возвращая съ благодарностью чекъ, онъ сообщилъ, какъ ему удалось устроиться на заводѣ, и до мельчайшихъ подробностей описывалъ свою жизнь у Дюклера—„у этого на рѣдкость добраго, сердечнаго француза, съ ко-

торымъ по добротѣ и великодушію можетъ сравниться лишь другой французъ, живущій далеко отсюда въ Живорѣ».

И сейчасъ вслѣдъ за этимъ письмомъ полетѣло другое, чуть не въ десять страницъ, въ Ламарлетъ. Объяснивъ свой переѣздъ въ Англію неожиданно представившимся случаемъ получить прекрасное мѣсто, онъ подробно сообщилъ о томъ, какъ ему живется въ Англіи, не преминулъ разсказать о добротѣ Дюклеровъ, описалъ заводъ Нюваля, швейный митингъ, концертъ, Майскую пѣснь, роскошный ужинъ, важныхъ гостей заводчика и, наконецъ, съ восторгомъ извѣщалъ, что получаетъ восемь франковъ пятьдесятъ сантимовъ въ день.

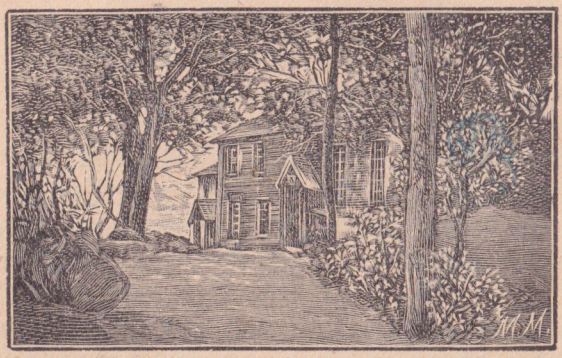
Отвѣтъ на письмо не заставилъ себя ждать.

Долгое молчаніе Этьена сильно встревожило родныхъ въ Ламарлетѣ, но зато и порадовали же ихъ послѣднія извѣстія, хотя дорогой мальчикъ и уходилъ все дальше и дальше. Того и гляди, онъ очутится въ одинъ прекрасный день на краю свѣта. Ну, да Богъ съ нимъ, лишь бы къ людоѣдамъ не попалъ, да домой вернулся когда-нибудь.

А Тереза опасалась еще и другаго. Ну, какъ онъ въ этихъ роскошныхъ гостиныхъ, вращаясь въ обществѣ очаровательныхъ дамъ съ тонкими манерами, слушая романсы, лакомясь пирожными и деликатесами, совсѣмъ потеряетъ голову и станетъ съ пренебреженіемъ относиться къ своей деревенской роднѣ.

Дѣдушка хорошо помнилъ фамилію Дюклеръ. Онъ не разъ слышалъ ее отъ покойнаго сына. Про Жака писали, что онъ учится прилежно и радуетъ дѣдушку и тетю успѣхами.

Этьенъ прочелъ письмо англійскимъ друзьямъ и цѣлый вечеръ разсказывалъ имъ о Ламарлетѣ и родной Пикардіи.



XXVI.

Веселое рождество.

Прошло четыре мѣсяца, какъ Этьенъ поселился въ Миртль-котеджѣ. На заводъ онъ ходилъ ежедневно, и работалъ усердно и старательно. Домой возвращался въ седьмомъ часу, а, подъучившись немного англійскому языку, сталъ по вечерамъ, тутъ же на заводѣ слушать теоретическіе курсы по механикѣ.

По воскресеньямъ онъ съ Дюклерами предпринималъ длинныя прогулки, а въ ненастные дни, когда поневолѣ приходилось сидѣть дома, читалъ съ Флорансъ Вальтеръ-Скотта или историческія и научныя книги.

Постоянное общеніе съ хорошо воспитанными и образованными людьми имѣло самое благотворное вліяніе на нашего маленькаго человѣка, впрочемъ, скорѣе—не маленькаго, а большого. Теперь, когда Этьенъ проходилъ мимо зеркала, послѣднее посы-

лало ему отраженіе высокаго, стройнаго, красиваго юноши, съ маленькими черными усиками на верхней губѣ.

Стояла зима. Время близилось къ Рождеству, этому особенно почитаемому въ Англіи празднику. Флорансъ еще задолго до праздниковъ приколола къ шляпѣ вѣтку остролистника, какъ это дѣлаютъ англичанки, и, надо правду сказать, отлично дѣлаютъ, такъ какъ никакое украшеніе не можетъ сравняться съ красивыми ярко зелеными листьями остролистника и его ягодами, похожими на коралловыя бусы.

Во всѣхъ домахъ шли усиленныя приготовленія къ праздникамъ. Хозяйки хлопотали и покупали все необходимое для традиціоннаго плумпуддинга. Этьену скоро пришлось убѣдиться, что стряпня плумпуддинга—дѣло не шуточное.

Разъ, вечеромъ вернувшись съ Дюклеромъ домой, они увидѣли, что обѣденный столъ не накрытъ, а вмѣсто приборовъ стоитъ большая глубокая миска. Вокругъ нея суетились Флорансъ съ своей кухаркой Панксъ.

— Идите скорѣе, господа!—крикнула Флорансъ.— Вы на пять минутъ опоздали, а мы ждемъ только васъ, чтобы покончить со стряпнею... Я боялась, что по вашей милости плумпуддингъ не удастся,—добавила она, улыбаясь. — Г-ну Жильберу еще простительно, онъ здѣшнихъ порядковъ не знаетъ, но вамъ, папа, хорошо извѣстенъ старинный обычай, требующій, чтобы каждый членъ семьи непремѣнно принималъ участіе въ приготовленіи пуддинга.

Она дала имъ большую деревянную ложку, и оба поочередно стали мѣсить тѣсто.

Панксъ, глядя на неловкія движенія мужчинъ, только насмѣшливо пожимала плечами. Эта Панксъ съ пухлыми, красными щеками, рыжими волосами и наивными глазами питала въ глубинѣ души пре-

зрительную жалость къ сильному полу. По ея понятіямъ мужчина былъ существомъ низшаго порядка, жизнь котораго всецѣло зависѣла отъ заботливости и предусмотрительности женщины.

Не разъ Флорансъ слышала, какъ Панксъ ворчала полусердито, полусострадательно: «Экое жалкое существо мужчина! Ничего-то онъ самъ не можетъ сдѣлать. Не трудись такъ Панксъ, не выбивайся изъ силъ, погибъ бы нашъ баринъ, какъ птенчикъ безъ матери»

Какъ ни какъ, а два «жалкихъ существа» съ грѣхомъ пополамъ справились съ своею задачей.

— Ну, теперь надо только часовъ десять хорошенько поварить пуддингъ! — сказала раскраснѣвшаяся Флорансъ.—Несите его въ кухню, Панксъ.

На другой день вечеромъ Флорансъ съ гордостью показала отцу и Этьену два огромныхъ плумпуддинга. Ихъ румяная корочка пестрѣла, словно мозаикою, цукатами, цедрою, изюмомъ, а чудесный пряный запахъ навѣвалъ грезы о далекомъ Востокѣ.

— Не думай, папа, что оба эти пуддинга для насъ,—замѣтила Флорансъ.

— А кому же ты предназначаешь другой?—спросилъ отецъ.

Ничего не сказала Флорансъ, только на Этьена взглянула, и Этьенъ безъ словъ все понялъ.

Въ тотъ же день одинъ изъ великолѣпныхъ пуддинговъ былъ бережно уложенъ въ корзину и отправленъ въ Ламарлетъ. Съ нимъ послали и подарки отъ Этьена: шаль тетѣ Агитѣ и рисовальные принадлежности Жаку.

— О подаркѣ для Терезы я позаботилась сама,— сказала Флорансъ, упаковывая въ ящикъ очень хорошенькій кружевной воротничекъ. Его сработала по ея заказу Панксъ, которая, какъ всѣ дѣвушки изъ Бедфоршира, была кружевницей по ремеслу.

Въ сочельникъ работы въ мастерскихъ закончились въ пять часовъ, чтобы дать возможность рабочимъ, живущимъ за городомъ, провести праздникъ у себя дома.

Ровно въ пять часовъ рабочіе длинной вереницею потянулись изъ мастерскихъ. Впрочемъ не всѣ: семейные выстроились передъ конторой Нюваля. Этьенъ сталъ въ сторонку и ждалъ, что будетъ дальше.

Черезъ открытую дверь конторы виденъ былъ длинный столъ, на которомъ лежали жирные, бѣлорозовые аппетитные гуси. Мастеръ вызывалъ рабочихъ по имени; каждый подходилъ къ столу, получалъ гуся и, поблагодаривъ хозяина, съ веселымъ лицомъ бойко шагалъ домой. Это былъ обычный рождественскій подарокъ г. Нюваля его семейнымъ рабочимъ.

Въ самомъ лучшемъ расположеніи духа возвращался Этьенъ въ Миртль-котеджъ. По дорогѣ онъ встрѣтилъ Флорансъ, которая торопилась сдѣлать кое-какія покупки къ празднику. Они вмѣстѣ пошли по главной улицѣ Бедфорда, принявшей нарядный праздничный видъ. Всѣ магазины были иллюминованы, но великолѣпнѣе всѣхъ была иллюминована лавка толстаго мясника Брукса, на порогѣ которой съ важнымъ видомъ стоялъ самъ хозяинъ. Бѣлый передникъ, одинъ край котораго былъ заткнутъ за поясъ, облегалъ его толстый животъ, рыжіе бачки отливали золотомъ, а на головѣ красовался великолѣпный цилиндръ. Мясникъ то и дѣло вытиралъ потъ, крупными каплями выступавшій у него на лицѣ, несмотря на десяти-градусный морозъ. Его самодовольное, лоснящееся жиромъ, лицо, какъ нельзя болѣе подходило къ окружавшей его обстановкѣ— къ этимъ откормленнымъ мяснымъ и бараньимъ тушамъ, обрамленнымъ гирляндами битой жирной

птицы: гусей, куръ и индѣекъ. Перевитая зелеными вѣтками остролистника и омелы и позолоченная яркимъ свѣтомъ, вся эта живность дразнила аппетитъ и, казалось, сама просилась на вертелъ.

Глазѣя по сторонамъ и весело болтая, молодые люди дошли незамѣтно до Миртль-котеджа.

— Посмотрите, а у насъ въ гостиной огонь; вѣрно кто-нибудь пришелъ, — сказала Флорансъ.

И въ самомъ дѣлѣ у нихъ въ гостиной съ добрыхъ полъ-часа поджидала Флорансъ полная, очень симпатичная дама среднихъ лѣтъ, одѣтая просто, но со вкусомъ.

— А! Мистриссъ Гей! — воскликнула Флорансъ, подбѣгая къ дамѣ и цѣлуя ее. — Какъ я рада васъ видѣть!

— Я пріѣхала, дорогая, пригласить васъ провести завтра съ нами денекъ, а также и вашего папу и молодого французскаго джентельмена, — сказала мистриссъ Гей.

Мистриссъ Гей была очень дружна съ матерью Флорансъ, мадамъ Дюклеръ. Когда та умерла, мистриссъ Гей, въ память старинной дружбы каждый годъ приглашала къ себѣ Дюклера съ дочерью встрѣтить вмѣстѣ великій праздникъ. Флорансъ поблагодарила за себя и отца и обѣщала непремѣнно пріѣхать.

— Завтра въ восемь часовъ мой фаэтонъ будетъ у вашего подъѣзда, не опоздайте, — сказала мистриссъ Гей. И, торопясь куда-то, какъ всѣ англичанки, у которыхъ въ этотъ день всегда пропасть дѣла, она наскоро выпила чашку чаю и убѣжала.

На другой день въ восемь часовъ утра по дорогѣ на ферму Вудлей катилъ фаэтонъ, запряженный небольшою сѣрою, въ яблокахъ, лошадкою; гулкій топотъ копытъ по сухой промерзшей землѣ далеко разносился въ тишинѣ.

„Зима смѣняется зимою, но какъ онѣ непохожи одна на другую»! думалъ дорогою Этьенъ. Въ тепломъ пальто, мѣховой шапкѣ сидѣлъ онъ рядомъ съ Флорансъ и полною грудью вдыхалъ холодный бодрящій воздухъ.—Въ прошломъ году я бродилъ въ рваныхъ башмакахъ, въ плохой одежонкѣ и съ пустымъ желудкомъ. Что за грустное то было Рождество!.. А сегодня я качу въ покойномъ экипажѣ изъ одного гостепріимнаго дома въ другой, въ обществѣ добрыхъ, славныхъ людей, одѣтъ, какъ лордъ, и холодъ и непогода мнѣ ни почемъ... Чудесное, веселое Рождество!»

Какъ только гости пріѣхали на ферму, добрая мистриссъ Гей повела ихъ въ столовую и усадила за столъ, уставленный ветчиной и всевозможными закусками.

Передъ большимъ каминомъ сидѣлъ въ старомъ дѣдовскомъ креслѣ хозяинъ дома, старикъ съ представительнымъ, важнымъ лицомъ и длинною бѣлою бородой. Когда гости вошли, онъ привсталъ и радушно ихъ привѣтствовалъ.

Это былъ мистеръ Амосъ Гей, супругъ толстенькой мистриссъ Гей и арендаторъ старинной фермы Вудлей.

Уже четыре поколѣнія Гей держали въ арендѣ эту ферму, переходившую отъ отца къ сыну. Здѣсь они рождались, выростали, всю жизнь трудились и, состарѣвшись, спокойно ожидали смерти, сидя въ большомъ старинномъ креслѣ. Теперь была очередь за старымъ Амосомъ.

Усѣвшись снова въ кресло, старикъ, покачивая дряхлою головой, погрузился въ чтеніе Библіи, лежавшей у него на колѣняхъ.

Вслѣдъ за Дюклерами разомъ пріѣхали сыновья и дочери стариковъ Гей съ своими дѣтьми. Это было цѣлое нашествіе разныхъ Кэтъ, Дженни, Мери, Даніэлей, Джоновъ, Джемсовъ—мальчиковъ и дѣ-

вочекъ, большихъ и маленькихъ—все здоровяковъ и крѣпышей. Надо было удивляться, какъ это удалось почтенной мистриссъ Гей справиться съ этою веселой ватагой. Но всѣ наконецъ усѣлись за столъ, и начался торжественный обѣдъ.

Всюду празднуютъ Рождество, но нигдѣ не прилагаютъ столько заботъ объ обѣдѣ въ этотъ день, какъ въ Великобританіи, а во всей Великобританіи въ это Рождество не было болѣе веселаго и обильнаго всевозможными явствами обѣда, какъ на фермѣ Вудлей.

Но ни присутствіе сорока человѣкъ гостей, называвшихъ старика Амосъ кто дѣдомъ, кто отцомъ, дѣлали этотъ обѣдъ изъ ряда вонъ выходящимъ—у англійскихъ фермеровъ большія семьи не рѣдкость; не полупудовый аппетитно пахнувшій ростбифъ съ золотистою поджаренною корочкой—сотни тысячъ такихъ же ростбифовъ красовались въ этотъ день на обѣденныхъ столахъ Соединеннаго королевства, ни огромныя индѣйки, ни гигантскій плумпуддингъ, облитый двумя литрами рома, синеватое пламя котораго поднималось чуть не до потолка къ великому восторгу дѣтишекъ, весело прыгавшихъ вокругъ стола и кричавшихъ: «хипъ! хипъ! ура!»

Нѣтъ, не это дѣлало обѣдъ на фермѣ Вудлей столь необычайнымъ, а неожиданное появленіе высокаго молодого человѣка съ окладистою бѣлокурою бородой и энергичнымъ загорѣлымъ лицомъ. Онъ остановился въ дверяхъ, высоко поднялъ шляпу и звучнымъ голосомъ крикнулъ:

— Съ веселымъ праздникомъ, господа!

Всѣ повскакали съ своихъ мѣстъ и съ радостными возгласами кинулись къ гостю; фермеръ и фермерша протянули руки, чтобы привлечь его въ свои объятія.

Новоприбывшій гость былъ Эдвардъ Гей, млад-

„Съ веселымъ праздникомъ, господа!“ (стр. 190).

шій сынъ патріарха,—его одного только не хватало за семейнымъ столомъ. Онъ пріѣхалъ прямо изъ Канады единственно только для того, чтобы провести Рождество въ кругу родной семьи. Старикъ усадилъ рядомъ съ собою Эдварда, и всѣ его чествовали, какъ самаго дорогого гостя.

Любуясь на этихъ сильныхъ, здоровыхъ людей, Этьенъ думалъ, что этому могучему поколѣнію никакія жизненныя невзгоды не страшны,—они всегда и вездѣ съумѣютъ постоять за себя. И представилось ему, что и для него наступитъ счастливый день, когда онъ вернется въ родной Ламарлетъ и также неожиданно обрадуетъ своихъ родныхъ. Такъ отрадно, тепло стало у него на душѣ при этой мысли!

Стемнѣло. Зажгли свѣчи. Въ потухающій каминъ подбросили нѣсколько пней, и при свѣтѣ мерцающаго пламени по стѣнамъ высокой столовой запрыгали фантастическія тѣни.

За дессертомъ много смѣялись. Появились хлопушки, и каждый надѣлъ доставшійся ему головной уборъ. То-то была потѣха, когда дѣдушка вырядился въ розовый дамскій чепчикъ, Флорансъ—въ каску съ султаномъ, Дюклеръ въ дѣтскій чепчичекъ, а Этьенъ въ капоръ Красной Шапочки.

Наступило, наконецъ, время и уѣзжать. Всѣ стали прощаться, обмѣниваться пожеланіями съ наступающимъ новымъ годомъ. Затѣмъ подали экипажи, и гости стали разъѣзжаться по домамъ. Экипажи скрылись въ темнотѣ, и долго еще доносился удаляющійся стукъ колесъ по дорогѣ.

Тотъ же фаэтонъ, который привезъ утромъ обитателей Миртль-коттеджа, повезъ ихъ и обратно домой.

На другой день, получивъ отъ Нюваль приглашеніе на елку, г-нъ Дюклеръ повелъ Этьена въ большое зданіе изъ почернѣвшаго кирпича, с ужившее когда-то складомъ.

Смеркалось. Всѣ десять оконъ по фасаду горѣли огнями, и свѣтъ широкимъ желтымъ потокомъ прорѣзывалъ густой туманъ.

Въ длинномъ, просторномъ залѣ нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, въ томъ числѣ Флорансъ и четыре старшихъ миссъ Нюваль, спѣшили убрать огромную, чуть не до потолка, елку.

Маленькая Кэти сидѣла тутъ же въ своей коляскѣ, весело хлопала въ ладоши, и ея блѣдное личико оживлялось по мѣрѣ того, какъ сотни разноцвѣтныхъ свѣчей, загораясь на елкѣ, освѣщали золотые орѣхи, конфекты, мишуру, куклы, бонбоньерки, ружья, барабаны и множество другихъ игрушекъ.

Вдругъ двери широко распахнулись. Въ залъ ураганомъ ворвались сто пятьдесятъ мальчиковъ и дѣвочекъ и съ радостными криками стали кружиться вокругъ роскошно убраннаго стола.

Когда дѣти немного успокоились, миссъ Нюваль старшая, очевидно большая любительница музыки и пѣнія, громкимъ голосомъ затянула рождественскій псаломъ. Ей немедленно стали вторить съ великимъ усердіемъ сто пятьдесятъ дѣтскихъ голосовъ.

Маленькая Кэти остановила за рукавъ проходившаго мимо Этьена и сказала:

— Отъ Флорансъ я слышала, что во Франціи не принято дѣлать на Рождество елокъ; говорила она мнѣ также, что у васъ есть маленькій братишка большой любитель рисовать, такъ вотъ не будете ли добры послать ему вотъ это...

И дѣвочка протянула Этьену очень красивый ящикъ съ красками.

— Скажите ему, — продолжала она, тихо улыбаясь и глядя на Этьена своими прекрасными голубыми глазами,—что это подарокъ маленькой больной англичанки, которая не можетъ двинуться съ своей кушетки... Смотрите, никакъ уже стали разда-

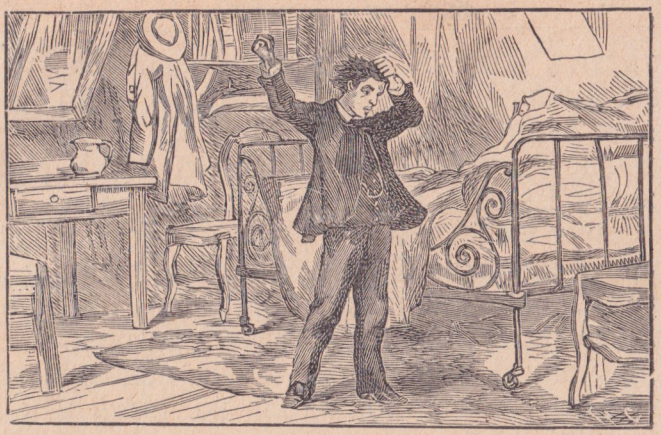
вать дѣтямъ подарки,—заволновалась она.—Флори, дорогая, приподнимите меня немного, а то мнѣ совсѣмъ не видно,—обратилась она къ Флорансъ.

Флорансъ исполнила ея желаніе. Какъ разъ въ эту минуту Есфирь Нюваль надѣвала тремъ малышамъ сѣрые шерстяные фуфайки съ красной каймой.

Бѣдныя крошки! Красными, какъ гусиныя лапы, ручонками, они ощупывали фуфайки, облегающія ихъ худенькія грудки и счастливо улыбались. Флорансъ поманила ихъ рукою, и они подошли къ кушеткѣ. Кэти молча поглядѣла на нихъ и пожала имъ руки, а когда они отошли, маленькая милліонерша обняла Флорансъ и, дрожащимъ отъ слезъ голосомъ, прошептала:

— О, Флори, чтобы я дала, чтобы и мнѣ побѣгать въ такой безобразной курткѣ по грязнымъ улицамъ.

Когда по окончаніи праздника огромный выѣздной лакей взялъ маленькую Кэти на руки, чтобы посадить ее въ удобную щегольскую коляску, надо было видѣть съ какою завистью глядѣла больная на дѣтей бѣдняковъ,—они, вѣдь, могли и бѣгать, и ходить, и прыгать; а тѣ въ свою очередь съ нѣмымъ восхищеніемъ глядѣли на нарядную барышню, къ услугамъ которой и красивая коляска, и чудныя лошади, и все, что она только пожелаетъ.



XXVII.

Долгъ гражданина.

Рождество давно миновало. Пришла весна — поэтическая англійская весна съ ясными, омытыми росою зорями и прозрачными, какъ дымка, туманами. Тихо и спокойно текла попрежнему жизнь въ Миртль-котеджѣ.

За послѣдніе мѣсяцы Этьенъ сдѣлалъ значительные успѣхи въ механикѣ и своею усердною, добросовѣстною работою успѣлъ еще больше расположить къ себѣ хозяина. Разъ, утромъ онъ позвалъ къ себѣ Этьена въ контору и сказалъ:

— Жильберъ, на дняхъ я посылаю одного изъ нашихъ механиковъ въ Брюссель представителемъ моей фирмы. На его мѣсто я рѣшилъ поставить васъ, хотя вы и очень молоды. Жалованье вамъ положу сто пятьдесятъ стерлинговъ въ годъ, — согласны?

Согласенъ-ли онъ? Этьенъ чуть не подпрыгнулъ отъ радости. То, о чемъ онъ такъ долго мечталъ, наконецъ, осуществилось. Теперь онъ можетъ посылать домой много, много денегъ, и дѣдушка съ тетею ни въ чемъ не будутъ знать нужды.

Скоро ему написали изъ дому, что Жакъ 1-го апрѣля 1870 г. поступилъ въ гимназію въ ближайшій городъ Сенъ-Кентенъ. Очень обрадовался этому извѣстію Этьенъ; ликовали и Дюклеры по поводу счастливаго событія, — все, что радовало или печалило далекихъ Пикардійцевъ, находило живой откликъ у всѣхъ обитателей Миртль-котеджа.

Прошло четыре года, какъ Этьенъ ушелъ изъ Ламарлета. Часто вспоминалъ онъ родныхъ; его такъ и тянуло хоть однимъ глазкомъ взглянуть на нихъ. И вдругъ, о радость! Хозяинъ пообѣщалъ ему въ Сентябрѣ отпускъ на двѣ недѣли. Отправится онъ въ Ламарлетъ не одинъ, а съ Дюклеръ и Флорансъ. Это у нихъ уже рѣшено. Какое веселое путешествіе! Какъ хорошо въ деревнѣ въ Сентябрѣ, когда лѣса и сады еще полны цвѣтовъ. Какіе чудесные букеты онъ будетъ собирать для Флорансъ, — она такъ любитъ цвѣты! И всѣ-то ея любимыя кушанья онъ знаетъ, и какъ пріѣдетъ домой, непремѣнно разскажетъ тетѣ Агитѣ. Онъ представлялъ себѣ, какъ Флорансъ съ Терезой будутъ проводить время въ Ламарлетѣ, какъ онѣ будутъ вышивать, гулять, читать вмѣстѣ. О! то-то будетъ праздникъ, то-то будетъ веселье!

Прошелъ Май, наступилъ Іюнь. Двадцать пятаго праздновали день рожденія Флорансъ,—ей исполнилось шестнадцать лѣтъ.

Этьенъ подарилъ ей очень красивый бюваръ изъ русской кожи. Цѣлую недѣлю бюваръ, завернутый въ тонкую бумагу, пролежалъ у него въ комодѣ подъ бѣльемъ, и оно все продушилось его ароматомъ.

Когда Флорансъ за утреннимъ кофе, замѣтивъ среди другихъ подарковъ бюваръ Этьена, вся зардѣлась отъ удовольствія — сердце юноши забилось сильнѣе; когда-же она протянула ему руку и сказала: «Спасибо, какая прелесть!»—его охватила та-

кая радость, что предложи ему помѣняться мѣстами наслѣдникъ англійскаго престола, онъ ни за что не согласился бы.

Въ часы досуга своей трудовой жизни онъ любилъ помечтать. Неясныя сладкія грезы, мечты, исполненныя надеждами на свѣтлое счастье наполняли его воображеніе... Жить бы, казалось, да радоваться, какъ вдругъ нежданно-негаданно налетѣла гроза.

Разъ, вечеромъ, возвращаясь съ завода домой, Этьенъ увидѣлъ Дюклера, который шелъ къ нему на встрѣчу такой разстроенный и озабоченный, что Этьенъ со страхомъ подумалъ, не случилось ли какой бѣды въ Миртль-котеджѣ или въ Ламарлетѣ.

— Вы слышали новость? — спросилъ его Дюклеръ.

— Нѣтъ. Какую?

— Франція объявила войну Пруссіи!

— Вотъ какъ! Тѣмъ хуже для Пруссіи! — промолвилъ юноша и гордо поднялъ голову.

Дома Дюклеръ развернулъ газету и далъ Этьену прочитать ту статью, гдѣ подсчитывались боевыя силы обоихъ націй. Подсчетъ этотъ говорилъ далеко не въ пользу Франціи.

Прочитавъ статью, Этьенъ все-таки не могъ взять въ толкъ, почему Дюклеръ былъ такъ озабоченъ; онъ даже упрекнулъ его, напомнивъ о былыхъ побѣдахъ французскихъ войскъ надъ Пруссаками и другими народами.

— Такъ-то оно такъ! — меланхолически согласился Дюклеръ; — но вотъ вопросъ: готовы ли мы?

— А штыки? Штыки, противъ которыхъ никто не могъ устоять, развѣ теперь у насъ ихъ нѣтъ? — волновался Этьенъ.

Доброе, любящее сердечко Флорансъ сжималось отъ боли при мысли, сколько крови и жертвъ потребуетъ война. «Попомните мое слово, — говорила

она—не бывать войнѣ! Англія ни за что не допуститъ рѣзню двухъ великихъ народовъ».

А на дѣлѣ вышло, что и Англія и другія государства допустили, и война началась.

Въ началѣ долго не было никакихъ извѣстій; потомъ всѣхъ, какъ громомъ поразили вѣсти о пораженіяхъ при Форбахѣ, Вейсенбургѣ, Рейхсгофенѣ, послѣ чего снова впродолженіи двухъ-трехъ недѣль не знали, что дѣлается на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Сердце у Этьена обливалось кровью, но духомъ онъ не падалъ. Въ исторіи, вѣдь, есть не мало примѣровъ, когда войны начинались пораженіемъ, а кончались побѣдою.

Но 1-го Сентября въ англійской газетѣ Таймсъ появилось извѣстіе о битвѣ при Седанѣ и о торжествѣ прусскаго оружія.

Когда Этьенъ сошелъ въ столовую, Дюклеръ, блѣдный, какъ смерть, протянулъ ему газету и сказалъ: «Читайте!»

Прочелъ Этьенъ, и краска сбѣжала у него съ лица. Не промолвивъ ни слова, онъ поднялся къ себѣ наверхъ, бросился на кровать и зарыдалъ.

„Императоръ въ плѣну! Стотысячная армія въ плѣну!.. Франція побѣждена!.. Нѣтъ, нѣтъ, не повѣрю! Не можетъ этого быть!“

И онъ потрясалъ кулаками въ воздухѣ.

Долго въ сильномъ отчаяніи лежалъ онъ и плакалъ, потомъ всталъ, освѣжилъ глаза водою и сошелъ внизъ въ гостиную. Дюклеръ, съ грустнымъ, сосредоточеннымъ выраженіемъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ. Тутъ же у столика сидѣла Флорансъ, печальная, безъ кровинки въ лицѣ и держала въ рукахъ книгу, но видно было, что ея мысли далеко. Этьенъ подошелъ къ своему другу и шепнулъ: «Я уѣзжаю завтра!“

— Мы оба уѣдемъ!—отозвался Дюклеръ, пожимая Этьену руку.—Я былъ увѣренъ, что вы иначе поступить не можете.

Этьенъ взглянулъ на Флорансъ.

— Она уже знаетъ!—сказалъ отецъ.

Флорансъ подняла глаза и, сдерживая рыданія, твердо сказала: „Исполняйте вашъ долгъ!“

Помолчавъ минутку, Дюклеръ снова заговорилъ:

— Все же положеніе дѣла въ настоящую минуту не такъ серьезно, какъ въ 1792 г., когда противъ Франціи поднялась вся Европа. Нашъ народъ, весь, какъ одинъ, пойдетъ противъ врага и мы побѣдимъ!.. Прочти-ка намъ, Флорансъ, воззваніе Національнаго Конвента.

Перелистовавъ нѣсколько страницъ, Флорансъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ, прочла:

. . . Вся Франція должна сдѣлаться однимъ огромнымъ лагеремъ. Мужчинамъ, женщинамъ, дѣтямъ—всѣмъ шлетъ призывъ Родина: молодые люди пойдутъ на поле брани; женатые будутъ ковать оружіе; женщины—шить одежду и палатки солдатамъ; дѣти—щипать корпію, старцы же прикажутъ вынести себя на площади и пламенными рѣчами будутъ внушать юношамъ мужество и стойкость въ борьбѣ съ врагомъ.

Нашествіе (стр. 197).

XXVIII.

Марсельеза.

Въ Миртль-котеджѣ дѣлали спѣшныя приготовленія къ отъѣзду.

Флорансъ собиралась было тоже отправиться съ отцемъ, чтобы поступить сестрою милосердія въ одинъ изъ походнымъ госпиталей, но онъ этому воспротивился, не желая подвергать дочь разнымъ непріятнымъ случайностямъ. «Буду знать, что ты въ Бедфордѣ, и на душѣ у меня станетъ спокойно», говорилъ онъ дочери.

Наступило 5 Сентября—назначенный для отъѣзда день. Изъ только-что полученныхъ газетъ узнали о вспыхнувшей въ Парижѣ революціи и провозглашеніи республики.

— Теперь Пруссакамъ не сдобровать!—воскликнулъ радостно Этьенъ и захлопалъ въ ладоши.

А Флорансъ подбѣжала къ роялю и съ загорѣвшимися глазами стала играть „Марсельезу“. Дюклеръ и Этьенъ подхватили и съ воодушевленіемъ спѣли красивую воинственную пѣсню, а когда кончили—у всѣхъ троихъ на глазахъ были слезы.

Послѣ обѣда отправились къ Нюваль прощаться.

— Съ Богомъ, съ Богомъ, друзья мои!—взволнованно говорилъ Нюваль.—Когда Наполеонъ угрожалъ нашей старой Англіи, не было англичанина, который отказался-бы взяться за оружіе и умереть за родину.

Мистриссъ Нюваль совсѣмъ растрогалась и торжественно изрекала одинъ за другимъ тексты изъ

Священнаго писанія. Барышни Нюваль слушали и кивали головками, а маленькая Кэти, еще болѣе блѣдная и прозрачная, чѣмъ всегда, своею слабою ручонкою пожала Этьену руку, и на ея печальныхъ, усталыхъ глазкахъ блеснули крупныя слезы.

Что-то шепнуло Этьену, что онъ прощается съ нею навсегда, что онъ больше никогда не увидитъ это бѣдное, маленькое созданьице, эту милую, трогательную Кэти.

Вернувшись къ себѣ, они застали мистриссъ Гей, — она пріѣхала за Флорансъ. Добрая женщина пригласила Флорансъ поселиться у нея, пока Дюклеръ не вернется къ себѣ въ Англію.

Настала минута прощанія. Какъ ни крѣпилась Флорансъ, а тутъ не выдержала и разрыдалась. Мистриссъ Гей обняла ее и шепнула Дюклеру, который и самъ съ трудомъ удерживалъ слезы: «Она будетъ для меня, какъ дочь родная».

Тотъ же фаэтонъ, въ которомъ Флорансъ съ отцомъ и Этьеномъ катили на Рождество на ферму Вудлей, снова повезъ ее туда.

Прощай, Флорансъ!

Больно сжалось у Этьена сердце; у него словно отняли что-то близкое, родное. Дюклеръ взялъ его подъ руку. Молча вышли они на улицу и затворили за собою калитку Миртль-котеджа.

Прощай тихое, мирное пристанище, гдѣ такъ хорошо и уютно жилось!

На этотъ разъ Этьенъ могъ бы съ полнымъ основаніемъ сказать себѣ, что счастье, благосостояніе семьи, надежды на будущее,—все разлетѣлось, какъ дымъ. Но благородный юноша ни на минуту не задумывался надъ этою мыслью. Надъ его собственнымъ я, надъ его родными, надъ мечтами о прекрасномъ будущемъ виталъ величественный образъ родины и онъ, не колеблясь, просто, повинуясь

благородному движенію души, готовъ былъ отдать за нее всего себя, свою жизнь.

XXIX.

На военной службѣ.

Двѣнадцатаго Сентября 19-ый линейный полкъ, въ который зачисленъ былъ Этьенъ, выступилъ изъ Парижа съ барабаннымъ боемъ и развѣвающимися знаменами. Всѣ обитатели предмѣстья Сенъ-Дени высыпали изъ домовъ, чтобы проводить солдатиковъ. Въ толпѣ то и дѣло слышались возгласы: „Да здравствуетъ Франція! Да здравствуетъ Республика!“ Тѣми же возгласами отвѣчали и войска.

За чертою города барабаны смолкли, и солдаты запѣли прощальную пѣснь. Полкъ шелъ въ Камбре, гдѣ генералъ Федербъ организовывалъ Сѣверную армію.

Отличный ходокъ, Этьенъ не уступалъ въ выносливости любому старому служакѣ. Минутами ему казалось, что онъ возвращается къ себѣ домой, такъ знакома ему была эта дорога, широкою лентою вьющаяся среди пригорковъ и необозримыхъ

полей Пикардіи! Сдѣлали привалъ въ Рикевалѣ, а въ какой-нибудь верстѣ отъ этого села на холмѣ вырисовывалась родная деревушка, опоясанная зелеными садами. Боже, какъ билось сердце у Этьена! И вдругъ ему пришло въ голову, что онъ, быть можетъ, никогда больше не увидитъ милый родный домикъ и дорогихъ, близкихъ его сердцу людей, и холодная дрожь пробѣжала у него по спинѣ.

Онъ не писалъ въ Ламарлетъ и не хотѣлъ писать, пока не прибудетъ съ полкомъ къ мѣсту назначенія въ Сенъ-Кентенъ. Напиши онъ,—тетя, дѣдушка, сестричка, Жакъ не упустили бы случая повидаться съ нимъ и, кто знаетъ, только бы смутили его своими слезами...

Невыносимая тяжесть налегла солдатику на сердце. Пригорюнился бѣдняга, чуть не плачетъ, вдругъ видитъ—изъ за бугра выбѣжала толпа ребятишекъ и съ криками: «Вотъ они! вотъ они!» стрѣлой несется въ его сторону. Впереди всѣхъ бѣжалъ стройный, красивый голубоглазый мальчуганъ съ длинными бѣлокурыми волосами.

Вглядѣлся Этьенъ въ мальчугана, кинулся къ нему, поднялъ на руки и давай цѣловать. А какъ расцѣловалъ, спрашиваетъ: «Развѣ не узнаешь меня?»

Мальчуганъ молча глядѣлъ солдатику въ глаза. Тотъ снялъ кэпи.

— Братъ! Этьенъ! — воскликнулъ Жакъ, внѣ себя отъ радости.

Взявъ его за руку, Этьенъ подошелъ къ своему капитану и сказалъ:

— Господинъ капитанъ, этотъ мальчуганъ—мой братъ. Родные мои живутъ въ какихъ-нибудь пятнадцати минутахъ ходьбы отсюда, разрѣшите мнѣ сбѣгать съ нимъ,—я четыре года ихъ не видѣлъ... Меньше чѣмъ черезъ часъ буду назадъ.

Теперь, когда онъ обнялъ одного изъ своихъ,

ему страстно захотѣлось повидать остальныхъ. Капитанъ молча указалъ ему на барабанщиковъ, которые, по командѣ батальоннаго командира какъ разъ въ эту минуту подняли барабанныя палки и забили въ походъ.

Солдаты снова зашагали. Жакъ съ своими товарищами не отставалъ отъ полка. Дорогою, онъ наскоро сообщилъ брату, что дома все благополучно, разсказалъ про свою гимназію, но больше всего говорилъ о томъ, что ему также хочется идти на войну.

Черезъ часъ Этьенъ велѣлъ ему возвращаться домой.

— Погляди на меня хорошенько,—сказалъ онъ цѣлуя брата, и разскажи нашимъ, какой я сталъ большой.

— Да и какой еще большой!—восторженно проговорилъ Жакъ.

— И еще скажи, что я здоровъ и духомъ не падаю. А напишу я изъ Камбре. Пусть только не унываютъ. Богъ дастъ, скоро свидимся.

Какъ ни торопился домой Жакъ, а къ обѣду не попалъ.

— Это еще что за мода такая, чтобы къ обѣду опаздывать!—стала распекать его тетя Агита.—Если тебя этому учатъ въ гимназіи, такъ лучше бы мы тебя совсѣмъ туда не отдавали.

Такая ужъ была у тетушки повадка. Чуть въ чемъ, бывало, Жакъ провинится, она сейчасъ давай бранить гимназію. Но Жакъ не слушалъ ее. Запыхавшись, бросился онъ къ дѣдушкѣ на шею и крикнулъ: „Я только что видѣлъ Этьена!“

— Этьена! Быть не можетъ! — воскликнули въ одинъ голосъ дѣдушка, Тереза и тетя.

— Онъ такой-же большой, какъ вы, дѣдушка, и говоритъ, что здоровъ и духомъ не падаетъ, а на-

пишетъ вамъ изъ Камбре, и дастъ Богъ, скоро съ нами свидится,—залпомъ выпалилъ Жакъ.

— Ты бредишь, Жакъ!—сказала Тереза. — Ты видѣлъ кого-нибудь похожаго на него.

— Какъ не онъ, — онъ! Я самъ говорилъ съ нимъ!

— А почему же онъ не пришелъ съ тобою? — спросила тетя Агита, пожимая плечами. — Просто вздоръ какой-то мелешь...

— Жакъ, дружокъ, — прервалъ ее дѣдушка, — разскажи намъ все по порядку.

— Видишь ли, дѣдушка, побѣжалъ я съ мальчиками поглядѣть на солдатъ...

— Какъ! Онъ пошелъ въ солдаты!—воскликнула, блѣднѣя, Тереза.

— Этого не знаю, — отозвался мальчуганъ. — Знаю только одно, что онъ былъ въ солдатской формѣ и шелъ съ солдатами.

И онъ подробно разсказалъ о своей встрѣчѣ съ братомъ въ Рикевалѣ.

— Этотъ малый совсѣмъ безъ сердца, — промолвила тетя Агита, въ изнеможеніи опускаясь на кресло.—Онъ только тогда успокоится, когда вгонитъ насъ въ могилу... Убѣжать изъ дому тайкомъ, удрать потомъ ни съ того, ни съ сего въ Англію и вернуться для того, чтобы... Ну, скажите на милость, зачѣмъ Этьену понадобилось въ солдаты идти, вѣдь, ему всего только семнадцать лѣтъ. А я то радовалась, что онъ за границею, вдали отъ непріятельскихъ пуль!

Она залилась слезами, заплакала и Тереза, а старикъ, опустивъ голову, угрюмо молчалъ.

Жакъ съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на нихъ.

— Вы заговорили бы совсѣмъ другое,—сказалъ онъ,—если-бъ видѣли, какой нашъ Этьенъ красавчикъ, и какъ къ нему идетъ военная форма. Я тоже

пойду въ солдаты, когда буду большимъ. Не правда ли, дѣдушка?

Старикъ поднялъ голову.

— Да, дружокъ, пойдешь, — сказалъ онъ и, обратившись къ тетѣ Агитѣ, добавилъ: „Этьенъ исполнилъ свой долгъ, долгъ честнаго человѣка и гражданина".

— Правда, правда, дѣдушка!— произнесла, сквозь слезы, Тереза. А тетя Агита ни словомъ не обмолвилась, только плечами слегка пожала.

Дня черезъ два изъ Камбре пришло обѣщанное письмо, такое задушевное, полное такого молодого энтузіазма, что у всѣхъ на душѣ повеселѣло, да только ненадолго,—прошелъ денекъ, другой и опять всѣ загрустили.

Плохо спалось теперь Терезѣ. Долго не можетъ сомкнуть глазъ, а какъ забудется подъ утро—грезятся ей сны одинъ другого страшнѣе: все видитъ Этьена, то будто онъ раненъ, то убитъ, и кровь застываетъ у нея въ жилахъ.

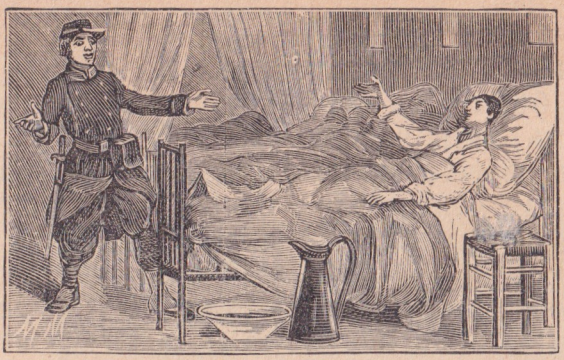
Тетя Агита ходила сама не своя, и все у нея изъ рукъ валилось. Ужъ не блестятъ теперь, какъ прежде, ея кофейники, кастрюльки и другая мѣдная посуда, запылились занавѣски на окнахъ, паукамъ стало повсюду раздолье, — теперь они съ полнымъ правомъ могли думать, что между ними и половою щеткою, ихъ непримиримымъ врагомъ, наступилъ давно желанный миръ.

Пріунылъ и дѣдушка, да только старался вида не показать. Встанетъ изъ-за стола послѣ обѣда и пошутитъ: „Вотъ еще одинъ обѣдъ не достался пруссакамъ!"

Никто не посмѣется, не подхватитъ шутки, и снова воцаряется томительное молчаніе.

Отъ Этьена нѣтъ-нѣтъ приходили вѣсточки. Онъ сообщалъ роднымъ разныя новости о Парижѣ, со словъ Дюклера, отъ котораго получилъ два письма.

Дюклеръ, служившій въ милиціи, разсказывалъ, что парижане переживаютъ ужасную зиму. Нѣтъ ни топлива, ни съѣстныхъ припасовъ; всевозможныя лишенія и вынужденное бездѣйствіе угнетающе дѣйствуютъ на осажденныхъ. Самъ Дюклеръ съ величайшимъ нетерпѣніемъ ждалъ вылазки. Про сей Этьенъ писалъ, что ему ни разу еще не пришлось понюхать пороха,—полкъ, гдѣ онъ служилъ, все время находился въ резервѣ.



XXX.

Старые знакомые.

Бапомъ, бывшій въ старину укрѣпленнымъ городомъ, а впослѣдствіи обращенный знаменитымъ французскимъ маршаломъ Вобаномъ въ первокласную крѣпость, перевидалъ на своемъ вѣку не мало войнъ. Въ ту пору, когда происходили описываемыя здѣсь событія, жители Бапома занимались откармливаніемъ телятъ, славившихся во всей Пикардіи и не думали, не гадали, что 1870 г. воскреситъ былую славу ихъ города.

За послѣднія двѣ-три недѣли вновь сформированная Сѣверная армія отличилась въ нѣсколькихъ удачныхъ бояхъ. Полки то и дѣло передвигались съ одного мѣста на другое. Девятнадцатый линейный полкъ покинулъ Камбре и занялъ позицію передъ Бапаномъ, — городъ этотъ надо было во что бы то ни стало отбить у пруссаковъ.

Съ ранняго утра загорѣлся бой. Въ первую минуту, когда кругомъ зажужжали пули, и люди падали, какъ оторванныя бурею листья,— Этьена охватилъ безумный ужасъ, и ему захотѣлось убѣжать, убѣжать куда-нибудь безъ оглядки. Вокругъ себя онъ видѣлъ блѣдныя лица товарищей, тоже объятыхъ страхомъ. Однако, онъ не поддался первому

чувству и по командѣ начальника, вмѣстѣ съ другими, въ бѣшеномъ порывѣ ударилъ на врага.

Цѣлыхъ пять часовъ бился Этьенъ съ непріятелемъ, а затѣмъ, самъ не зная какъ, очутился съ нѣсколькими солдатами у одинокой покинутой фермы. Усталые, потные, съ пересохшимъ отъ жажды горломъ они заглянули въ домъ, разсчитывая найти тамъ что-нибудь для утоленія жажды. Въ первой комнатѣ, куда они вошли, сидѣлъ спиною къ дверямъ стрѣлокъ; передъ нимъ на столѣ стояла кружка съ водою. На шумъ шаговъ стрѣлокъ обернулся. Этьенъ такъ и ахнулъ, — это былъ Кабаратъ.

— Боже, кого я вижу! — вскричалъ Этьенъ, подбѣгая къ актеру.—Вы какъ сюда попали?

— Гм... да какъ и всѣ, дружокъ. Игралъ я въ Брюсселѣ,—къ слову сказать, успѣхъ былъ колоссальный,—а какъ узналъ о невзгодахъ, переживаемыхъ Франціею—махнулъ сюда. Мѣсяцъ уже, дружокъ, что я въ стрѣлковомъ полку, и могу сказать, надѣлалъ дѣловъ!.. А перестрѣлка какъ будто къ намъ приближается, — сказалъ онъ, прислушиваясь.— Попьемъ водицы, да съ Богомъ! — И онъ указалъ на стоявшее въ углу ведро съ водою. Этьенъ съ товарищами напился, а потомъ всѣ вмѣстѣ вышли. Пожавъ другъ другу руки и пожелавъ успѣха, они побѣжали къ своимъ частямъ и снова вступили въ бой.

Наступилъ вечеръ. Пруссаки покинули пылающій Бапомъ и очистили поле сраженія. Сѣверная армія торжествовала побѣду. Этьенъ ликовалъ и въ тотъ же вечеръ послалъ домой письмо.

„Дорогіе дѣдушка, тетя, Тереза, Жакъ! Ура! мы побѣдили! Я сражался съ непріятелемъ десять часовъ подрядъ и остался цѣлехонекъ.

Да здравствуетъ Франція!

Этьенъ Жильберъ.

«Кабаратъ! Бѣдный Кабаратъ!» - вскричалъ Этьень (стр. 209).

Отославъ письмо, онъ отправился розыскивать Кабарата, но стрѣлки ничего не могли сказать о немъ. Сильно встревоженный, Этьенъ попросилъ назначить его въ команду для уборки раненыхъ.

Тихо было теперь на поляхъ: ни грохота пушекъ, ни свиста пуль, ни лязга штыковъ больше не слышно; смерть и молчаніе царили кругомъ. Въ воздухѣ все еще стоялъ противный запахъ пороха и крови. Вдали на снѣгу чернѣли большія темныя пятна.— Это мертвые!—съ ужасомъ подумалъ Этьенъ.

Команда медленно подвигалась впередъ. Но вотъ съ холодной снѣжной равнины стали доноситься жалобные стоны. Солдаты-носильщики поспѣшили туда, откуда неслись эти стоны, и стали фонарями освѣщать лежавшія на снѣгу тѣла. Послѣ бѣглаго осмотра раненыхъ, подававшихъ признаки жизни, укладывали въ фургоны, а мертвыхъ—и своихъ и чужихъ—зарывали въ одну общую могилу... Прощай, погибшая во цвѣтѣ лѣтъ молодежь! Родной край ужъ не увидитъ тебя больше!

Какъ ни спѣшила команда, а все же къ ночи не успѣли убрать всѣхъ раненыхъ. Въ темнотѣ ноги натыкались на трупы, на обломки ружей; лошади ржали при приближеніи людей. Взошли на пригорокъ. Сотни французскихъ и нѣмецкихъ тѣлъ, распростертыхъ на землѣ говорили о томъ, какой горячій бой здѣсь недавно кипѣлъ.

— Бѣдняги!—замѣтилъ одинъ изъ санитаровъ.— Намъ здѣсь дѣлать нечего, здѣсь лопата нужна.

Только успѣлъ договорить, какъ съ земли кто-то слегка приподнялся и слабымъ голосомъ продекламировалъ:

«Не плачьте, Дни ихъ еще не сочтены»...

И снова, какъ снопъ, повалился на землю.

— Кабаратъ! Бѣдный Кабаратъ! — вскричалъ Этьенъ и кинулся къ раненому.

Ни слова не отвѣтилъ бѣдный Кабаратъ. Его

осторожно подняли и положили на носилки, а Этьенъ, усталый и физически и душевно, вернулся въ лагерь. Наутро онъ отправился въ полевой госпиталь, чтобы справиться о здоровьѣ раненаго.

— Онъ тяжело раненъ въ голову,—сказалъ полковой врачъ.—Приходите лучше завтра; сегодня онъ васъ все равно не узнаетъ.

Съ глубокою жалостью поглядѣлъ Этьенъ на бѣднаго трагика и уже собирался было уходить, какъ вдругъ его кто-то окликнулъ. Онъ обернулся и чуть было не вскрикнулъ отъ удивленія: второнкѣ, у стѣны лежалъ Петръ Томассенъ, по прозванію Трубачъ, пажъ королевы Наваррской.

Молодые люди крѣпко обнялись.

— Вижу, дружище, ты цѣлъ и невредимъ! - сказалъ Трубачъ.—Молодчина.

— А ты?—спросилъ Этьенъ.

Трубачъ улыбнулся. Съ перваго взгляда его нельзя было принять за трудно-больного. Съ раскраснѣвшимся лицомъ и возбужденно сверкавшими глазами онъ скорѣе походилъ на человѣка, сильно подъ хмѣлькомъ.

— Я?.. Я, быть можетъ, счастливѣе тебя,—отвѣтилъ онъ. — Теперь я на всю жизнь застрахованъ отъ ревматизма въ правой ногѣ,— Богъ знаетъ куда ее унесло прусское ядро. Согласись, не бѣжать же мнѣ было за нею вдогонку. Будь у меня еще подъ рукою мой безподобный клей, дѣло другое...

Онъ говорилъ быстро, безъ передышки, какъ говорятъ больные въ сильномъ жару и безпрестанно смѣялся.

Этьенъ глядѣлъ на него съ изумленіемъ. „Какое мужество!“ думалъ онъ.

— Хорошо, что бабушка во время умерла, она ничего не узнаетъ!—говорилъ Трубачъ.

— Умерла! И давно?

У обоихъ пріятелей показались на глазахъ слезы.

— Скончалась бабушка 12 Іюля, а 16—я пошелъ въ солдаты. Меня такъ и тянуло въ Берлинъ; безумно хотѣлось задать этимъ проклятымъ Пруссакамъ трезвону. Но начальство наше оказалось никуда негоднымъ, всѣ они предатели... Да, да, предатели, не спорь, пожалуйста.

Возбужденіе Трубача все росло.

— Ну, что тамъ говорить, — прервалъ его Этьенъ,—ты храбрый былъ солдатъ, честно постоялъ за родину, а теперь успокойся и отдохни.

Но Трубача не такъ то легко было остановить.

— И трусы же эти пруссаки, я тебѣ скажу!.. Спрятались въ лѣсу и оттуда обстрѣливали насъ картечью. Хороши и тѣ, что продали насъ, какъ стадо барановъ. Подумай только, подъ Седаномъ восемьдесятъ тысячъ человѣкъ, ружья, пушки, знамена—все досталось Пруссакамъ. Четыре часа подрядъ мы дефилировали, чуть не плача отъ бѣшенства, передъ этими остроконечными касками.—Тутъ Трубачъ не выдержалъ и зарыдалъ.—Право, лучше бы намъ разбили головы объ эти каски... Взяли насъ въ плѣнъ и погнали въ Пруссію. Разумѣется, Трубачъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ и далъ тягу... опять назадъ въ Сѣверную армію. Теперь они отхватили у меня ногу. Могу сказать одно, что я не остался у нихъ въ долгу и здорово таки имъ отплатилъ. И клянусь тебѣ, еще не то покажу! — громко крикнулъ онъ, пытаясь приподняться, но тотчасъ же тяжело упалъ на подушки. Этьенъ позвалъ служителя.

Нѣсколько минутъ спустя Пьеръ очнулся. Дико вращая глазами, онъ сталъ неистовымъ голосомъ кричать: „Трусы! Жалкіе трусы! Лицемѣры!“ угрожая кулакомъ Этьену и служителямъ, прибѣжавшимъ на зовъ Этьена. У несчастнаго начинался бредъ.

Въ самомъ грустномъ настроеніи вышелъ Этьенъ изъ госпиталя. «Бѣдные Кабаратъ и Пьеръ,

какая горькая участь ихъ постигла!—думалъ онъ съ тоскою.—Быть можетъ, и надъ Дюклеромъ стряслась бѣда, что то давно отъ него нѣтъ писемъ. Кто знаетъ, изъ насъ четверыхъ меня одного только пощадила судьба.

Ежедневно по нѣсколько разъ онъ ходилъ въ госпиталь узнавать о здоровьи своихъ раненыхъ друзей. Трубачъ съ каждымъ днемъ чувствовалъ себя лучше. Но кто особенно замѣтно поправлялся, такъ это Кабаратъ. Онъ много болталъ, смѣялся, мечталъ о будущей славѣ Франціи и о томъ, какъ онъ непремѣнно отличится

Однажды, рано поутру хотѣлъ было Кабаратъ встать; вдругъ, его зашатало, и онъ словно подкошенный, упалъ на полъ. Когда его подняли, всѣхъ поразилъ какой-то тупой неопредѣленный взглядъ его глазъ. Три дня онъ былъ въ забытьи, на четвертый взглянулъ широко раскрытыми глазами на Этьена и слабо улыбнулся.

— Вотъ вамъ, слава Богу, и лучше!—обрадовался Этьенъ.

Кабаратъ покачалъ головою и, сдѣлавъ надъ собою усиліе, произнесъ вполголоса, торжественно поднявъ руку:

— Умереть за родину — завидный тотъ удѣлъ...

Съ этими словами голосъ его пресѣкся и рука тяжело упала наодѣяло.

Этьенъ ждалъ, что онъ еще скажетъ, но бѣдный актеръ доигралъ уже свою роль на бѣломъ свѣтѣ; выраженіе неземного спокойствія легло на его лице. Молодой солдатъ почтительно обнажилъ голову, взялъ руку покойнаго и долго держалъ ее въ своей...

Кабаратъ умеръ доблестною смертью!

XXXI.

Роковой бой.

Счастливый исходъ сраженія подъ Бапомомъ еще больше воодушевилъ храбрую Сѣверную армію.

Было рѣшено смѣлымъ натискомъ отбить Пруссаковъ, осаждающихъ Парижъ и освободить несчастныхъ Парижанъ, изнемогающихъ отъ всевозможныхъ лишеній. Съ этою цѣлью вся армія должна была стянуться къ Сенъ-Кентену.

Выступившій изъ Арденнъ эшалонъ ратниковъ ополченія остановился въ Ламарлетѣ на ночлегъ. Эшалонъ прибылъ въ восемь часовъ вечера и долженъ былъ снова выступить въ два пополуночи. Жители Ламарлета наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшили оказать гостепріимство молодымъ солдатикамъ, отъ которыхъ, быть можетъ, зависѣло спасеніе отечества. Къ старику Жильберу поставили на постой человѣкъ четырнадцать.

Солдатики явились въ деревню промокшіе до послѣдней нитки, всѣ въ грязи, но такіе бодрые, веселые и полные вѣры въ себя, что совсѣмъ очаровали Ламарлетовскихъ обитателей.

Потому ли, что они были родомъ изъ Арденнъ,

гдѣ всѣ поголовно грамотные, но тетя Агита увѣряла, что эти солдаты не чета другимъ.

— Обсушитесь и погрѣйтесь, дѣтки! — ласково встрѣтила она солдатиковъ, а сама принялась стряпать въ сосѣдней комнатѣ рагу изъ картофеля со свинымъ саломъ—свое знаменитое рагу, приправленное тминомъ и лавровымъ листомъ. Прислушивается привычнымъ ухомъ тетя Агита, какъ кипитъ въ котлѣ ея стряпня, а сама нѣтъ-нѣтъ и вздохнетъ: „Эхъ! если бы съ солдатиками пришелъ и нашъ мальчикъ!“.

То же думалъ и дѣдушка и пристально вглядывался въ каждаго солдата, словно надѣялся увидать своего внука. И у Терезы, стряпавшей вмѣстѣ съ тетею рагу, не выходила изъ головы та же самая мысль, и слезы нѣтъ-нѣтъ набѣгали ей на глаза. Только Жакъ былъ веселъ и беззаботно болталъ съ однимъ солдатикомъ, который далъ ему свою саблю и училъ, какъ отдавать честь, брать на караулъ и разнымъ другимъ пріемамъ.

Наконецъ, дымившееся вкусное рагу было подано и всѣ усѣлись за столъ. Принесли уцѣлѣвшіе отъ лучшихъ дней нѣсколько бутылокъ вина и выпили за процвѣтаніе Франціи, за здоровье добраго дѣдушки Жильбера, за 19-тый линейный полкъ, въ рядахъ котораго сражался, какъ узнали солдатики, близкій человѣкъ ихъ радушныхъ хозяевъ.

Послѣ ужина дѣдушка съ тетею разостлали на полъ всю солому, что была въ сараѣ, и ратники улеглись вповалку спать. Нужно было дорожить каждою минутой, такъ какъ на разсвѣтѣ предстояло опять идти въ походъ.

— Спите крѣпко, дѣтки, я васъ разбужу,—сказалъ Жильберъ и сѣлъ въ свое кресло у камина.

Безъ четверти два солдаты были уже на ногахъ и, выпивъ на-скоро кофе, заторопились на сборный

пунктъ, гдѣ подъ мѣрную дробь барабанщиковъ стали строиться въ колонны.

Но вотъ барабанщики пробили въ походъ, и ряды ополченцевъ, напутствуемые добрыми пожеланіями обитателей Ламарлета, двинулись по большой Сенъ-Кентенской дорогѣ.

. . . . . .

Часа черезъ два въ какихъ-нибудь трехъ километрахъ отъ Ламарлета поднялась сильная канонада. Ламарлетовцы полѣзли на колокольню, на деревья, на крыши домовъ; всѣ взоры были устремлены туда, откуда неумолчно доносились раскатистые выстрѣлы. Видно было, какъ эшалонъ медленно шелъ по долинѣ, то исчезая въ пороховомъ дыму, то снова показываясь, и съ каждымъ разомъ все больше и больше рѣдѣлъ.

Но вотъ непріятель открываетъ по нимъ бѣшеный огонь, клубы дыма окутываютъ ихъ, а когда онъ разсѣивается,— глазамъ ламарлетовцевъ представляется потрясающая картина: всѣ ополченцы полегли костьми, ни одного какъ есть въ живыхъ не осталось!..

Бѣдные, бѣдные Арденцы! какъ ихъ жалѣли, какъ оплакивали въ Ламарлетѣ!

Такъ печально начался роковой день 19-го Января.

Уже три дня, какъ Этьенъ вышелъ изъ Бапома съ своимъ полкомъ. Дивизія, къ которой онъ присоединился, составляла правое крыло передовой линіи на высотахъ противъ Сенъ-Кентена.

Прислушиваясь къ звукамъ все усиливающейся стрѣльбы, солдаты покачивали головой и говорили: «Быть горячему бою!»

И въ самомъ дѣлѣ по всей линіи загорѣлся упорный бой. Въ этотъ знаменательный день молодые солдаты блестяще выдержали кровавое испытаніе,— они сражались, какъ закаленные въ бояхъ старые

воины и, несмотря на убійственный артиллерійскій огонь, мужественно отстаивали до самаго вечера занятыя ими позиціи.

Но когда Пруссаки стали стягивать къ себѣ отовсюду резервы, даже изъ Парижа – резервы изъ свѣжихъ, не бывшихъ еще въ бою, частей войскъ, легко и быстро подвозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ,— французы, измученные длинными переходами, голодные—у нихъ больше сутокъ маковой росинки во рту не было, — не могли больше держаться и отошли къ Камбре.

Весь почернѣвшій отъ порохового дыма, въ разорванномъ мундирѣ, безъ кэпи и башмаковъ, очутился нашъ Этьенъ у одного изъ укрѣпленій предмѣстья Сенъ-Кентена. Цѣлый день бился онъ съ врагомъ на жизнь и смерть и не получилъ ни одной царапины.

— Такъ умру же я здѣсь,—вскричалъ онъ въ порывѣ отчаянія, вновь заряжая свое ружье.

Словно потокъ, прорвавшій плотину, Пруссаки ринулись со всѣхъ сторонъ на укрѣпленія, но взяли ихъ не сразу. Цѣлыхъ два часа французы бились какъ львы, но силы были слишкомъ неравны.

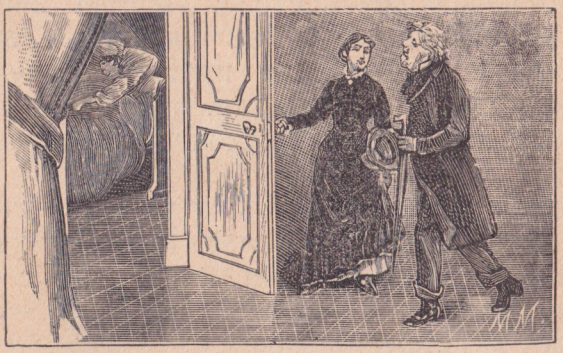
— Расходись, ребята! — скомандовалъ ротный командиръ, — видно намъ не удержать позиціи... Завтра чуть свѣтъ стянись всѣ къ сѣверной части канала.

Отрядъ разсыпался. На укрѣпленіяхъ остались только двое: командиръ и Этьенъ.

— Что же ты стоишь? — крикнулъ ему командиръ. — Развѣ не видишь, что Пруссаки бѣгутъ прямо на насъ.

И, выхвативъ револьверъ, кинулся имъ на встрѣчу.

Этьенъ видѣлъ какъ онъ упалъ, самъ бросился впередъ и, сраженный пулею, безъ чувствъ свалился навзничъ.



XXXII.

Въ Ламарлетѣ.

Весь день съ поля сраженія доносились до Ламарлета грохотъ орудій и ружейная трескотня.

Сидитъ дѣдушка въ своемъ креслѣ, блѣдный, печальный, прислушивается къ адскому шуму битвы и думаетъ:

„Видно, не конецъ еще моимъ испытаніямъ... Снова, третій уже разъ враги вторгаются къ намъ во Францію. Неужели кромѣ этого горя мнѣ суждено еще пережить моего внука, моего славнаго дорогого мальчика.“

Старикъ и всѣ домашніе знали, что Этьенъ тамъ, въ убійственномъ огнѣ... Наканунѣ отъ него была получена записка; немного было въ ней словъ, но такихъ трогательныхъ, задушевныхъ, что всѣмъ стало ясно, что письмо это—прощальный привѣтъ молодого солдата.

Около шести часовъ вечера разнесся слухъ о пораженіи; вскорѣ затѣмъ умолкла канонада.

— Все кончено! — прошептала блѣдная какъ платокъ тетя Агита. Ни слезинки не было у нея на глазахъ.

Тереза зажгла дрожащими руками лампу, и всѣ молча усѣлись вокругъ стола. Тишина нарушалась только тиканьемъ старыхъ часовъ, завываньемъ вѣтра за окномъ, да изрѣдка дѣдушка или тетя тяжело-тяжело вздыхали.

Прошелъ часъ, другой; наконецъ, дѣдушка всталъ и сказалъ:

— Пойдемте поужинаемъ, а тамъ пора и спать... Завтра, быть можетъ, и узнаемъ что-нибудь.

Вдругъ на дворѣ послышались громкіе торопливые шаги. Всѣ переглянулись. «Это онъ!» вихремъ пронеслось у всѣхъ въ мозгу.

Метнулась Тереза въ сѣни, да не успѣла добѣжать, какъ дверь широко распахнулась... Увы! Это былъ не Этьенъ.

Вошедшій съ своею замаранною кровью и грязью головою, съ почти безумными и налитыми кровью глазами, въ испачканномъ и изодранномъ мундирѣ, походилъ скорѣе на затравленнаго охотниками звѣря, чѣмъ на человѣческое существо.

Онъ дикимъ, блуждающимъ взоромъ обвелъ присутствующихъ.

— Бѣдняга!—промолвилъ про себя дѣдушка. — Несчастный побѣжденный!

Онъ подошелъ къ солдату, взялъ его за руку и сказалъ:

— Садитесь, дружокъ!.. Агита, подай-ка гостю рюмочку вина, да собери намъ поужинать.

Ласковыя слова, сердечный тонъ старика тронули солдата; натянутые нервы не выдержали, и бѣдняга залился слезами. Онъ плакалъ не одинъ. Дѣдушка, тетя, Тереза, Жакъ дали полную волю

накопившимся у нихъ въ груди рыданіямъ, и въ комнатѣ нѣкоторое время были слышны плачъ и громкія всхлипыванія.

Поплакала тетя Агита, вытерла глаза и принялась хлопотать. Черезъ минутку въ печуркѣ уже пылалъ огонекъ, и въ котелкахъ закипали супъ и кофе.

Когда солдатикъ немного подкрѣпился, старикъ спросилъ его:

— Вы какого полка?

— Девятнадцатаго линейнаго.

— А Этьена Жильбера... знаете?

— Какъ не знать... Мы съ нимъ одного взвода. Ужъ не родня ли онъ вамъ?

— Это мой внукъ! Нашъ братъ!—въ одинъ голосъ воскликнули дѣдушка и Тереза съ Жакомъ.

— Я говорилъ съ нимъ минутъ за десять до отступленія у Сенъ-Кентенскихъ укрѣпленій. Пруссаки насъ одолѣвали, командиръ и приказалъ отступать.

— И Этьенъ не былъ раненъ?

— Нѣтъ.

Дѣдушка на радостяхъ поцѣловалъ солдата; поцѣловала его и тетя Агита. Ну, думаютъ, сраженіе окончилось, Этьенъ, слава Богу, не раненъ, значитъ, отчаиваться нечего.

Тетя Агита дернула тихонько за рукавъ солдата и вполголоса спросила:

— Не хотите ли умыться?

Онъ пошелъ за нею и вскорѣ вернулся умытый и причесанный; на ногахъ у него были крѣпкіе чулки и новые деревянные башмаки.

Сѣли ужинать. Поѣлъ солдатикъ супу, яичницы съ саломъ и сталъ разсказывать: «Цѣлый день бились мы съ пруссаками и подъ вечеръ отошли къ Сенъ-Кентенскимъ укрѣпленіямъ. Видитъ командиръ, что отъ роты всего горсточка осталась и намъ

не устоять,—ужъ очень насъ тѣснили пруссаки,—и велѣлъ бѣжать, куда глаза глядятъ. Только я отбѣжалъ немного, глядь, за мною скачутъ два драгуна. Я не будь дуракъ, юркнулъ за кучу навоза и притаился. Драгуны проскакали мимо. Долгонько-таки пришлось посидѣть, — по дорогѣ то и дѣло сновали взадъ и впередъ всадники. Уже совсѣмъ была ночь, когда я вышелъ; бродилъ — бродилъ по полямъ и, наконецъ, изнемогая отъ усталости, иззябшій и голодный кое-какъ добрался до вашей деревни.

Крѣпко и спокойно проспалъ солдатъ ночь, а утромъ, плотно закусивъ, сталъ собираться уходить, — онъ разсчитывалъ догнать свой отрядъ въ Камбре. «Узнаю что-нибудь про Этьена, сейчасъ же напишу вамъ»,—обѣщалъ онъ старичкамъ, уходя.

— Схожу-ка и я въ Сенъ-Кентенъ; можетъ и мнѣ удастся что-нибудь узнать, сказалъ дѣдушка, надѣвая шляпу. Безотчетная тревога все сильнѣе овладѣвала имъ.—Разъ Этьенъ живъ и не раненъ, почему его до сихъ поръ нѣтъ въ Ламарлетѣ? — недоумѣвали они съ тетею Агитою. — Ужъ не случилось ли чего худого съ нимъ.

Опасаясь какой-нибудь недоброй встрѣчи, Жильберъ пошелъ проселкомъ. Еще девяти часовъ не было, когда онъ шагалъ по улицамъ Сенъ-Кентена, занятомъ непріятельскими войсками. Старикъ то и дѣло переходилъ съ одной стороны улицы на другую, чтобы не встрѣчаться съ нѣмецкими солдатами,—вѣдь, среди нихъ могъ быть и убійца Этьена!

На площади онъ справился, гдѣ полевой лазаретъ. Ему указали на зданіе училища. Старикъ туда и отправился. Поднимаясь по лѣстницѣ, онъ долженъ былъ посторониться, чтобы пропустить человѣка, который несъ завернутую кое-какъ въ окровавленное полотенце только-что отрѣзанную ногу. Старику чуть дурно не сдѣлалось.

Обширные дортуары училища были обращены въ госпитальныя палаты. Жильберъ медленно прошелъ по первой палатѣ, внимательно вглядываясь въ лица раненыхъ; одни изъ страдальцевъ лежали спокойно, другіе метались и жалобно стонали. Къ нему подошелъ служитель и спросилъ, что ему надо?

— Я ищу моего внука Этьена Жильбера, солдата 19-го линейнаго полка,—отвѣтилъ дѣдушка.

— Вы навѣрное знаете, что онъ здѣсь?

— Ахъ, Боже мой! ничего навѣрное сказать не могу. Одно мнѣ извѣстно, что онъ вчера сражался съ Пруссаками... Отраднѣе думать, что онъ лежитъ здѣсь, а не подъ землею.

И старикъ заплакалъ.

Служитель пошелъ справляться и, вернувшись, сообщилъ, что въ госпиталѣ Этьена Жильбера нѣтъ. Онъ посовѣтовалъ старику обратиться въ другіе лазареты и указалъ, гдѣ они находятся.

Дѣдушка исколесилъ чуть не весь городъ, побывалъ во всѣхъ лазаретахъ и съ отчаяніемъ въ душѣ зашелъ въ послѣдній, устроенный на Канонерской улицѣ одною вдовой—г-жею Паскаль.

Служанка ввела его въ пріемную. Вскорѣ къ нему вышла бѣлокурая молодая женщина съ спокойнымъ привѣтливымъ лицомъ. Узнавъ что ему надо, она сказала: „Этьенъ Жильберъ? Какъ же, какъ же, онъ здѣсь у насъ!“

— Мой милый мальчикъ живъ! Слава тебѣ, Господи!—воскликнулъ радостно старикъ и поднялъ глаза кверху.—Сведите меня къ нему, поскорѣе... Скажите, что съ нимъ?—спросилъ онъ дорогою.

— Онъ раненъ въ правое плечо и руку. Рана серьезна, но жизни не угрожаетъ.

Вдова отворила дверь въ большую комнату; въ ней стояли четыре кровати. На одной изъ нихъ лежалъ съ закрытыми глазами Этьенъ; онъ былъ

такъ блѣденъ, что его можно было принять за мертвеца. Одна рука у него была въ повязкѣ. Старикъ склонился надъ постелью.

Больной чуть-чуть приподнялъ вѣки, но вдругъ глаза его широко открылись. Неужели это не сонъ? Надъ нимъ склонился дѣдушка, цѣлуетъ его, плачетъ! Этьенъ слабо улыбнулся и попытался что-то сказать.

— Тсс!—остановила его вдова.—Вамъ строго-настрого запрещено говорить... Вотъ присядьте сюда,—обратилась она къ старику, указывая на стулъ возлѣ кровати,—и потолкуйте съ больнымъ. Ровно черезъ три минуты я вернусь, и тогда вамъ придется уходить.

Взявъ руку Этьена въ свою, старикъ съ глубокимъ состраданіемъ поглядѣлъ на несчастныхъ страдальцевъ, лежавшихъ тутъ же въ комнатѣ; потомъ тихонько сталъ разсказывать внуку о домашнихъ. Быстро пролетѣли три минуты, и надо было уходить.

— Мы будемъ поочереди навѣщать тебя, маленькій человѣкъ... хорошій ты мой, маленькій человѣкъ,—сказалъ нѣжно дѣдушка, замѣтивъ, что у Этьена на глазахъ выступили слезы.

— Бѣдняжечка, какой онъ блѣдненькій, слабенькій!—промолвилъ дѣдушка со вздохомъ, выходя съ г-жею Паскаль въ корридоръ.

— Это еще съ полъ-бѣды. Благодарите Бога, что ему руку не отняли, а это чуть было не случилось. Тѣ несчастные, которые лежатъ съ нимъ въ одной комнатѣ, куда больше пострадали.

Жильберъ отправился домой. Вся семья съ тревогою и безпокойствомъ поджидала его возвращенія. Тереза и Жакъ забрались на чердакъ и изъ слухового окна глядѣли на дорогу; они были увѣрены, что дѣдушка вернется вмѣстѣ съ Этьеномъ. А какъ увидѣли, что дѣдушка идетъ одинъ—совсѣмъ

отъ отчаянія помертвѣли. Ну, думаютъ, вѣрно Этьена нашего на свѣтѣ нѣтъ. Зато и обрадовались же, когда дѣдушка сказалъ, что Этьенъ только раненъ, даже въ ладоши захлопали.

Тетушкѣ тоже мерещились всякіе ужасы. Когда дѣдушка сообщилъ ей, какъ обстояло дѣло, она замѣтила: «Слава Богу, что еще такъ отдѣлался. Сидѣлъ бы себѣ въ Англіи и былъ бы цѣлехонекъ, а то, подите же, полѣзъ въ самый огонь».

Во всемъ Ламарлетѣ они были единственные счастливцы, которымъ удалось узнать о судьбѣ своего солдатика. И какое утѣшеніе сознавать, что онъ тутъ близехонько, и каждый день его можно видѣть! Рѣшили, что какъ только Этьенъ начнетъ поправляться, его возьмутъ домой, будутъ за нимъ ухаживать, угощать его вкуснымъ рагу и жирными курами, а какъ наступятъ теплые дни, поведутъ его въ садъ, подъ грушевое дерево, въ вѣтвяхъ котораго такъ сладко распѣваютъ щеглы, птенцы тѣхъ, которыхъ Тереза, бывало, кормила крошками.

Тетя Агита, Тереза и Жакъ въ тотъ же день собрались въ Сенъ-Кентенъ, но имъ только позволили взглянуть на Этьена черезъ полуоткрытую дверь. Послѣ свиданія съ дѣдушкой больного стало сильно лихорадить, докторъ и распорядился, чтобы къ нему никого не пускали. Какъ бы тамъ ни было— они видѣли Этьена. Онъ живъ, не убитъ! Нѣтъ сомнѣнія, онъ поправится! И они почти веселые вернулись домой.

Черезъ недѣлю докторъ позволилъ навѣщать больного, и наши Ламерлетовскіе обитатели стали каждый день навѣдываться въ Сенъ-Кентенъ.

Выздоровленіе шло медленно. Неподвижное лежаніе на спинѣ, наложенная на плечо и руку повязка утомляли больного, и онъ все больше и больше худѣлъ. Въ Ламарлетѣ снова стали не на шутку тревожиться. Неужели всѣ куры и кролики, кото-

рыхъ тетя такъ усердно откармливала, чтобы какъ можно лучше отпраздновать возвращеніе домой племянника, такъ и умрутъ отъ старости, не попавъ на вертелъ? А яйца, такая рѣдкость въ это время года, яйца, которыя тетя одно по одному копила въ золѣ, чтобы сохранить ихъ свѣжими,—неужели не придется Этьену ими полакомиться?

Но вотъ въ одинъ прекрасный день докторъ объявилъ, что можно снять повязку. Ради этого торжественнаго случая вся семья была приглашена въ Сенъ-Кентенъ.

— Недурно, недурно! — промолвилъ докторъ, осмотрѣвъ больного. — Ну-ка, молодой человѣкъ, попробуйте пошевелить рукою.

Этьенъ совсѣмъ легко поднялъ и опустилъ руку.

Собрались вокругъ постели родные и не знаютъ, какъ и выразить свою радость. А Этьенъ, глядя на нихъ, улыбался тихою, слабою улыбкой, какою улыбаются люди, перенесшіе длинную тяжелую болѣзнь.

Въ одно ясное Мартовское утро, когда Этьенъ, сидя въ креслѣ у окна, грѣлся на солнышкѣ, къ подъѣзду подкатила телѣжка. Какое счастье, это пріѣхали за нимъ! Вотъ съ телѣжки сошелъ дѣдушка и досталъ изъ подъ сидѣнья большую корзину. Этьенъ сразу догадался, что въ корзинѣ гостинцы для г-жи Паскаль. И правда, тетя Агита посылала ей сладкій пирогъ, кроликовъ и чудеснѣйшую жирную курицу.

Отъ всей души поблагодарилъ Этьенъ свою добрую сидѣлку и вручилъ ей тетинъ гостинецъ, а потомъ сѣлъ въ телѣжку и быстро покатилъ съ дѣдушкой въ милый Ламарлетъ.

Черезъ часъ съ четвертью телѣжка уже подъѣзжала къ Ламарлету. Вся деревня высыпала на улицу и сердечно привѣтствовала молодого храбреца; всѣ радовались, и только однѣ горемычныя

матери, одѣтыя въ черное, смотрѣли на него и вздыхали.

«Ничто здѣсь не перемѣнилось,—думалъ Этьенъ, глядя на мелькавшіе мимо домики съ садиками.—Вотъ ручеекъ, а тамъ за поворотомъ дороги нашъ домъ... милый родной домъ... Дверь открыта настежь!.. На встрѣчу бѣгутъ Жакъ съ Терезою, а за ними тетушка, и ея старыя ноги какъ будто стали опять молодыми... А тамъ дальше?..» Этьенъ протираетъ себѣ глаза... Ужъ не бредитъ ли онъ! Не въ Миртль ли котеджъ онъ попалъ? Вонъ Дюклеръ, а рядомъ съ нимъ Флорансъ!

Этьенъ такъ растерялся отъ неожиданной радости, что покраснѣлъ, поблѣднѣлъ и сказать ничего не могъ. Обняла его Тереза и шепнула: «Они вчера пріѣхали, хотятъ тоже за тобою ухаживать... Братишка ты мой хорошій! Славный, дорогой ты мой Этьенчикъ"!

Какія тутъ начались объятія, поцѣлуи, смѣхъ, слезы!

И въ домѣ было все то же. Та же старая мебель, тотъ же изъ краснаго плитняка полъ, посыпанный тонкимъ бѣлымъ пескомъ! Домъ радостно принималъ его въ свои объятія, но главное очарованіе родному гнѣздышку придавало присутствіе Флорансъ.

Столъ былъ накрытъ. Тереза, какъ и прежде, подавала сама кушанья; съ особенною нѣжностью она ухаживала за выздоравливающимъ, у котораго рука все еще была на перевязи. Когда встали изъ за стола, она подошла къ Флорансъ, поцѣловала ее и сказала: «Спасибо вамъ дорогая. Вы были ему сестрою въ Англіи». Этьенъ весь такъ и вспыхнулъ при этихъ словахъ.

Обѣ дѣвушки были прехорошенькія. Кроткая, мечтательная Флорансъ съ спокойною граціею въ движеніяхъ, Тереза—стройная, ловкая, съ тонкими

чертами лица и большими задумчивыми глазами, въ которыхъ нѣтъ-нѣтъ вспыхивалъ шаловливый огонекъ. И въ такія минуты, казалось, видишь передъ собою не серьезную дѣвушку-подростка, а прежнюю крошку-рѣзвушку. Густыя темно-русыя косы вѣнцомъ лежали вокругъ хорошенькаго личика и красиво оттѣняли его нѣжную бѣлизну.

— Знаете, кого я встрѣтилъ въ Парижѣ?—спросилъ Дюклеръ Этьена послѣ обѣда.—Вашего друга Галле; мы были съ нимъ въ одномъ батальонѣ... Это прекрасный молодой человѣкъ, очень образованный и развитой,—прибавилъ онъ, обращаясь къ старику Жильберу.

— Помните, дѣдушка, я писалъ вамъ изъ Живора о моемъ другѣ, славномъ, добромъ Галле, такъ это тотъ самый!—сказалъ съ одушевленіемъ Этьенъ.

— Я оставилъ его въ госпиталѣ, онъ лечился тамъ отъ сильнаго бронхита, — продолжалъ Дюклеръ.—Этотъ человѣкъ не жалѣлъ себя...

— Сегодня же напишу ему, что воздухъ въ Ламарлетѣ очень полезенъ для выздоравливающихъ!—подхватилъ Этьенъ.—Да, дѣдушка, можно?—И, обратившись къ Флорансъ, спросилъ: — А что подѣлываютъ милые Нюваль?

Лицо молодой дѣвушки опечалилось. Она достала изъ записной книжки карточку съ траурной черной каймой и подала ее Этьену. На карточкѣ было написано:

На добрую память о незабвенной Кэти Нюваль.

„Лишь мигъ одинъ мелькнула жизнь ея младая,
И, какъ цвѣтокъ, что губитъ буря злая,
Она погибла, не успѣвъ расцвѣсть.“

— Да, судьба неумолима,—тихо сказалъ Этьенъ.—Бѣдная, бѣдная Кэти! Что-то въ душѣ шепнуло мнѣ, когда я прощался съ нею передъ отъѣздомъ на войну, что я больше ея не увижу.

— Вѣчная ей память!—вздохнула Флорансъ, отирая слезу.

Наступило молчаніе. Каждый мысленно помянулъ маленькую усопшую.

Затѣмъ Дюклеръ разсказалъ Этьену, какъ онъ съ Флорансъ очутились въ Ламарлетѣ. Оказалось, ихъ вызвала письмомъ Тереза. Она просила ихъ пріѣхать, какъ можно скорѣе, чтобы общими силами поднять на ноги одного больного — славнаго молодого человѣка, который преданъ имъ всей душой.

Этьенъ горячо поцѣловалъ сестру.

Поговоривъ о томъ, о семъ, всѣ отправились гулять въ сосѣднюю рощу. Деревья уже одѣлись нѣжною листвою, въ поляхъ пробивалась травка, и фіалки, наперекоръ холодному вѣтру, кое-гдѣ уже выглядывали изъ подъ листьевъ,

Въ первой парѣ шли Флорансъ съ Терезою, за ними Дюклеръ со старикомъ Жильберомъ, а позади всѣхъ Этьенъ съ тетею Агитою.

— Знаешь, тетя,—говорилъ онъ,—не разъ я съ тревогою подумывалъ о томъ, какъ вамъ живется, а какъ пріѣхалъ сюда и увидѣлъ, что вы ни въ чемъ нужды не знаете—просто диву дался. Откуда это у васъ?

Разсказала тутъ тетя Агита, что старикъ Нюваль каждый мѣсяцъ посылалъ имъ жалованье „доблестнаго, славнаго французика“, какъ онъ называлъ Этьена.

— Да свѣтъ не безъ добрыхъ людей,—добавила тетя Агита.—Вездѣ ихъ найдешь: и во Франціи, и въ Англіи, и гдѣ угодно...

XXXIII.

Въ гостяхъ у тети Агиты.

Хорошо, привольно живется всѣмъ въ Ламарлетѣ. Теперь тамъ новый гость — Галле. Онъ пріѣхалъ дней черезъ восемь по полученіи письма отъ Этьена, и сразу всѣмъ пришелся по душѣ. Одной только Терезѣ онъ, какъ будто, не нравится; по крайней мѣрѣ, она всегда избѣгаетъ говорить о немъ, а заговоритъ кто-нибудь другой — дѣлаетъ видъ будто не слышитъ.

Не ускользнуло это, вѣрно, и отъ Галле. Онъ, такой любезный и предупредительный къ ней въ первые дни пріѣзда, теперь относится къ ней почти холодно.

А по правдѣ сказать, ни въ той, ни въ другомъ ничего нѣтъ несимпатичнаго. Если Тереза, этотъ только что распустившійся нѣжный полевой цвѣтокъ, хороша собою, то и Галле, хотя и на десять лѣтъ ея старше, тоже очень и очень недуренъ собою. Онъ высокаго роста, хорошо сложенъ; надъ бѣлымъ умнымъ лбомъ курчавятся каштановые волосы, проницательные глаза свѣтятся добротою; у него красивые усы и шелковистая бородка.

Особенно внимателенъ и любезенъ Галле къ тетѣ Агитѣ, и любезность эта подчасъ доходитъ до лести. Подумайте, онъ съумѣлъ увѣрить старушку,

будто обожаетъ ея пышки съ лукомъ-пореемъ! Ну, есть ли въ этомъ хоть доля правды? Чтобы любить эти знаменитыя пышки, восхищаться ими, надо родиться пикардійцемъ, чистокровнымъ пикардійцемъ, а Галле, какъ извѣстно, и въ Пикардію то попалъ въ первый разъ.

Тетушка можетъ думать, что ей угодно, но Флорансъ не проведешь. Ужъ на что ей не по вкусу разныя ухищренія англійской кухни, всѣ эти приправленные уксусомъ и сахаромъ мятные соуса, подаваемые въ хорошихъ домахъ къ жареной баранинѣ, или тушоные зайцы съ желе изъ смородины и тому подобныя кулинарныя прелести, всежъ она считаетъ ихъ деликатесами въ сравненіи съ тетушкиными пышками. Вотъ почему она не можетъ удержаться отъ улыбки, когда тетушка принимается рубить лукъ для пышекъ. Старается старушка, по щекамъ ея текутъ слезы, а носъ такъ забавно морщится отъ ѣдкаго запаха.

Сегодня у тетушки еще обильнѣе, чѣмъ всегда, льются слезы. Дѣло въ томъ, что Галле, прогостивъ въ Ламарлетѣ три недѣли, уѣзжаетъ завтра домой, —тетушка и надумала угостить его на славу, а вкуснѣе пышекъ съ пореемъ, извѣстно, ничего не придумаешь.

Тереза въ бѣломъ кухонномъ передникѣ помогаетъ тетѣ стряпать. Она то и дѣло подбѣгаетъ къ двери и глядитъ въ садъ, ей все кажется, что ее зовутъ. По аллеѣ, взадъ и впередъ, расхаживаютъ Галле съ Этьеномъ и, повидимому, вовсе и не думаютъ о ней. Они толкуютъ о своихъ дѣлахъ и вспоминаютъ событія недавняго прошлаго. Этьенъ разсказываетъ о своихъ скитаніяхъ по бѣлу-свѣту и о томъ, какъ онъ устроился въ Англіи. И Галле тоже не можетъ пожаловаться на свои дѣла. Его сдѣлали теперь на заводѣ Лакомбъ и Делькроа главнымъ кассиромъ съ жалованьемъ пять тысячъ

франковъ въ годъ. Въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ, гдѣ живетъ Галле, это цѣлое состояніе, но что толку,—бѣдняга томится своимъ одиночествомъ. „Не одинъ годъ живу я такъ бобылемъ,—говоритъ онъ.—Право, зависть беретъ, когда погляжу на васъ; есть у васъ близкіе родные, есть братъ съ сестрой“..

Не дала ему договорить Тереза и позвала обоихъ пріятелей ужинать.

На первое подали знаменитыя пышки тети Агиты. Галле храбро принялся за нихъ. Тетя Агита торжествовала и съ вызывающимъ видомъ поглядывала на „англичанъ“, не понимающихъ толка въ такихъ вкусныхъ вещахъ. Галле такъ старательно уписывалъ одну пышку за другой, что тетя Агита въ награду выбрала самую большую, самую румяную, всю пропитанную запахомъ лука, и ласково сказала: „Вотъ эту возьмите съ собою, я уложу ее вамъ въ чемоданъ.“

Послѣ ужина всѣ отправились гулять. Стоялъ дивный лунный вечеръ, тихій и ясный.

Въ первой парѣ шли Тереза съ Галле, за ними Флорансъ съ Этьеномъ, а позади всѣхъ тетушка Агита подъ руку съ Дюклеромъ. Жакъ шелъ рядомъ съ нею по другую сторону.

— Ни дать, ни взять—свадебное шествіе,—замѣтилъ мальчуганъ.

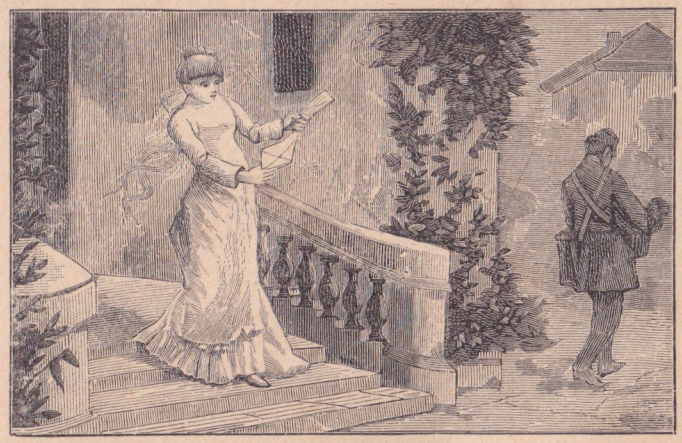
Дюклеръ засмѣялся.

Лунный свѣтъ, пріятная компанія располагаютъ къ долгимъ прогулкамъ. Богъ вѣсть, когда окончилась бы эта прогулка, еслибы всѣ, кто принялъ въ ней участіе, не начали отставать отъ Терезы и Галле, которые не спѣша шли все дальше и дальше по дорогѣ, мимо изумрудныхъ зеленей. Вѣрно молодые люди рѣшили заключить миръ передъ разлукой, а заключеніе мирнаго договора требуетъ времени.

Галле уѣхалъ на другой день, а за нимъ стали собираться и другіе гости. Надо думать, это обстоятельство сильно огорчало Терезу; она осунулась, и

ея, всегда такія розовыя щечки, замѣтно поблѣднѣли. Этьенъ очень торопился съ отъѣздомъ; изъ Бедфорда пришло письмо, въ которомъ старикъ Нюваль, желая юношѣ скораго выздоравленія, давалъ понять, что его пріѣздъ былъ бы очень желателенъ.

15-го Апрѣля Жакъ уѣхалъ въ гимназію въ Сенъ-Кентенъ, а денька черезъ три Дюклеръ съ дочерью и Этьеномъ укатили въ Англію.



XXXIV.

Радостное извѣстіе.

Окна въ Миртль-котеджѣ открыты настежь. Стоитъ чудесное Іюльское утро; въ саду щебечутъ птички, напротивъ на лужайкѣ мычитъ корова, тутъ же теленочекъ рѣзвится и скачетъ на зеленой

муравѣ, испещренной скромными бѣлыми маргаритками.

Дюклеръ ушелъ на уроки. Этьенъ—на заводъ, дома одна Флорансъ. Мурлыкая подъ носъ пѣсеньку, она бродитъ изъ комнаты въ комнату, заглядываетъ хозяйскимъ глазкомъ и на кухню и вездѣ наводитъ порядокъ.

Но вотъ передъ домомъ появляется почтальонъ, стучитъ разокъ-другой въ дверь и уходитъ. Флорансъ выбѣгаетъ на крыльцо. Такъ и есть, два письма: одно къ ней, другое - къ Этьену. По знакомому почерку она догадывается, что оба отъ Терезы, живо распечатываетъ свое письмо и читаетъ:

Дорогая Флорансъ!

„Убирали мы во вторникъ съ тетею бѣлье; я гладила, тетя складывала носовые платки, какъ вдругъ дѣдушка—онъ получилъ только что какое-то письмо,—позвалъ тетю, и они пошли въ сосѣднюю комнату. Что за секреты,—подумала я;—только, вѣрно, ничего дурнаго нѣтъ, потому что дѣдушка улыбался, когда читалъ письмо. А тутъ скоро и меня позвали. Прихожу. Вижу, у тети какое-то совсѣмъ особенное выраженіе лица, а дѣдушка ни съ того ни съ сего спрашиваетъ: «Нравится тебѣ молодой Галле?“ Я что-то пробормотала себѣ подъ носъ, а дѣдушка взялъ меня за руку и говоритъ: „А ну-ка послушай, что тутъ пишутъ“. И давай читать о томъ, какъ я мила, граціозна, благовоспитана, какъ... но я не могу всего сказать, стыдно!.. Словомъ, Галле проситъ моей руки.

„Слезы такъ и брызнули у меня изъ глазъ. А, между тѣмъ, на душѣ у меня было такъ отрадно, хорошо. По правдѣ сказать, послѣ того, какъ онъ побывалъ въ Ламарлетѣ, я частенько-таки вспоминала о немъ. Помнишь нашу прогулку въ эту чудную лунную ночь, наканунѣ его отъѣзда? Все время, пока мы съ нимъ ходили, онъ такъ сердечно, съ

такимъ теплымъ чувствомъ отзывался объ Этьенѣ, о всѣхъ нашихъ, но я почему-то была увѣрена, что ни ему, ни кому другому и въ голову не придетъ присвататься ко мнѣ, къ простой крестьяночкѣ.

„Когда ты гостила у насъ въ Ламарлетѣ, я частенько поглядывала на него и на тебя и думала: «Ахъ, если бы я была такая, какъ Флорансъ".

«А вотъ подишь, я то ему и приглянулась, и теперь мы... женихъ и невѣста. Въ воскресенье мы ждемъ его въ Ламарлетъ, чтобы сговориться о днѣ свадьбы; онъ желаетъ, чтобы она состоялась до осени.

«Смотри, и ты пріѣзжай къ намъ непремѣнно на свадьбу съ папою и милымъ моимъ Этьеномъ. Превесело проведемъ времячко. До скораго свиданія».

Твоя Тереза.

Ну, и помучилась же Флорансъ. Подумайте, не съ кѣмъ подѣлиться такою большою новостью! Правда, она сообщила радостное извѣстіе Панксъ, но та очень равнодушно его выслушала и помахивая тряпкою, которою что-то усердно терла, проговорила:

— Бѣдняжка! Я не знаю ни ея, ни молодого человѣка, но помяните мое слово, толку будетъ мало. Всѣ эти французы такіе злюки... Смѣшно сказать,— продолжала она, еще энергичнѣе потряхивая тряпкою,—пока я не жила у васъ, я была увѣрена, что французы питаются однѣми только лягушками и что кожа у нихъ черная, какъ у негровъ.

Съ семи до половина восьмаго Флорансъ болѣе двадцати разъ выглянула изъ окна. Какъ нарочно Этьенъ вмѣсто того, чтобы явиться домой ровно въ половина восьмаго, на этотъ разъ опоздалъ на двѣ минуты, да и къ тому же прямо прошелъ къ себѣ наверхъ переодѣться.

Когда Этьенъ сошелъ, наконецъ, внизъ, Флорансъ сидѣла въ гостиной и вышивала.

— А у насъ новость. Отгадайте какая?—сказала она и съ самымъ равнодушнымъ видомъ принялась опять за работу.

На лицѣ Этьена выразилось полное недоумѣніе. Извѣстно, что тамъ, гдѣ двѣнадцатилѣтняя дѣвочка сразу все пойметъ,—мужчина только ротъ раскроетъ отъ изумленія.

— Свадьба! Свадьба!—воскликнула, теряя терпѣніе, Флорансъ.—Но больше ни слова не скажу.

— Свадьба! у кого-нибудь изъ знакомыхъ?

— Да, у вашихъ знакомыхъ.

У Этьена потемнѣло въ глазахъ.

— Ваша!—спросилъ онъ, блѣднѣя.

Она посмотрѣла на свою работу, сдѣлала два-три стежка и, протянувъ ему полученное утромъ письмо, сказала;

— Вижу, вы плохой отгадчикъ. Читайте.

Пока онъ читалъ съ сіяющимъ лицомъ, вошелъ Дюклеръ.

Теперь настала его очередь отгадывать.

— Папа, свадьба! Угадайте чья.

Потому ли, что Дюклеръ былъ немного колдуномъ, или потому, что обладалъ сообразительностью двѣнадцатилѣтней дѣвочки, но онъ сейчасъ же нашелся.

— И отгадывать нечего! — засмѣялся онъ.—Чья же, какъ не Терезы и молодого Галле.

Молодого Галле!... Этьенъ растерянно взглянулъ на него.

„Если въ 27 лѣтъ считаешься молодымъ, то что же я тогда въ мои 19 лѣтъ, — подумалъ онъ.—И неужели надо ждать чуть не тридцати лѣтъ, чтобы жениться“.

Еще разъ прочли письмо, но на этотъ разъ вслухъ. Флорансъ весь вечеръ только и говорила,

что о предстоящей свадьбѣ. А наговорившись до сыта съ отцомъ и Этьеномъ, еще долго въ постелѣ думала о радостномъ событіи.

«Но почему Этьенъ былъ самъ не свой, когда я заставляла его отгадать, чья свадьба!—задавала она себѣ вопросъ.—И какъ онъ поблѣднѣлъ и измѣнился въ лицѣ, когда спросилъ: «Ваша»?

Долго не спала Флорансъ, все думала, да раздумывала, а какъ заснула—то и во снѣ ей все грезились подвѣнечная фата, флеръ д'оранжъ, танцы, веселыя празднества... и не въ одномъ только Ламарлетѣ.

XXXV.

Награда.

Свадьбу Терезы отпраздновали 15-го Сентября.

Это было великое событіе для всей деревни. Еще бы! подите, дождитесь такого случая, чтобы интересный, образованный господинъ, да къ тому же и богатый,—женихъ, вѣдь, получаетъ пять тысячъ франковъ въ годъ,—пріѣхалъ въ Ламарлетъ искать себѣ невѣсту.

Впрочемъ, правду сказать, такихъ дѣвушекъ, какъ Тереза въ Ламарлетѣ одна-двѣ, да и обчелся.

— Поглядѣть на нее, ничѣмъ не уступитъ настоящей барышнѣ, — разсуждали Ламарлетовцы.— Вся въ покойную мать, а ужъ та, кажется, и добротой, и умомъ, и красотой,—всѣмъ взяла.

И впрямь, въ бѣломъ кисейномъ подвѣнечномъ платьѣ, отдѣланномъ англійскимъ гипюромъ—подарокъ Флорансъ,—Тереза очаровательна.

Сладкія слезы, слезы счастья, какъ свѣтлыя жемчужинки, катятся по ея щечкамъ, и невольно хочется сравнить ее съ цвѣткомъ, на нѣжныхъ лепесткахъ котораго блестятъ алмазныя слезы-росинки.

Она идетъ въ церковь подъ руку съ дѣдушкою. Хотя дѣдушка сталъ, какъ лунь, бѣлый, но отъ счастья онъ словно помолодѣлъ и съ бравымъ видомъ шагаетъ рядомъ съ внучкою, любезно раскланиваясь направо и налѣво съ односельчанами, которые всѣ до одного высыпали на улицу поглядѣть на свадебное шествіе.

Тетя Агита въ чепцѣ изъ тонкаго тюля, обшитаго въ четыре ряда кружевами валансьенъ,—тетя не любитъ ничего поддѣльнаго,—въ черномъ шелковомъ платьѣ и ковровой шали важно выступаетъ подъ руку съ женихомъ. Такъ же, какъ и дѣдушка, она вся сіяетъ отъ радости и, такъ же, какъ онъ, нѣтъ-нѣтъ вздохнетъ: „Ахъ, еслибы родители Терезины были живы! То-то бы порадовались!»

Добрая, славная старуха! Она не горевала такъ о безвременно умершихъ своихъ племянницѣ и племянникѣ въ долгіе годы лишеній, заботъ и трудовъ, которыхъ не щадила, чтобы поднять на ноги маленькихъ сиротъ, оставшихся на ея попеченіи, какъ теперь, когда пришли такіе радостные, свѣтлые дни.

— А Этьенъ-то нашъ какимъ молодцомъ сталъ!— говорили въ толпѣ. когда нашъ герой проходилъ подъ руку съ хорошенькой бѣлокурой Флорансъ. Всѣ помнили Этьена, какъ онъ въ одной рубашонкѣ и грубыхъ деревянныхъ башмакахъ бѣгалъ и игралъ съ деревенскими ребятишками. Теперь это рослый молодой человѣкъ съ темными усиками и энергичнымъ лицомъ. Да, маленькимъ человѣкомъ его теперь не назовешь.

Не похожъ и Жакъ на прежняго деревенскаго мальчугана. На ногахъ у него не деревянные башмаки, а изящныя лакированныя ботинки, его стройную фигуру красиво облегаетъ гимназическій мундирчикъ, лицо у него выразительное и глаза умные, многообѣщающіе. Онъ уже больше года учится въ гимназіи въ Сенъ-Кентенѣ и считается

однимъ изъ первыхъ учениковъ. Да, Этьенъ не ошибся—Жакъ подаетъ большіе надежды.

. . . . . .

За обѣдомъ подавали вино, — его прислалъ винодѣлъ изъ Сиври.

Этьенъ написалъ ему еще изъ Англіи. Въ письмѣ онъ напомнилъ о маленькомъ слесарѣ, котораго пригласили на свадебную пирушку въ Сиври, гдѣ накормить его на славу накормили, а напоить то и позабыли. Упомянулъ онъ также о своемъ обѣщаніи, если разбогатѣетъ, выписать изъ Сиври вина, того чудеснаго бургундскаго, которое пилъ тогда на свадьбѣ, и тутъ же просилъ выслать ему боченокъ этого вина, прибавивъ, что его также будутъ пить на свадьбѣ за здоровье новобрачныхъ.

Винодѣлъ не замедлилъ прислать боченокъ превосходнѣйшаго бургундскаго и нѣсколько бутылокъ самаго лучшаго вина изъ своего погреба.

«Позвольте преподнести это вино въ подарокъ новобрачной,—писалъ онъ.—Его пили на свадьбѣ моей дочери, и оно принесло ей счастья и благополучіе. Дай Богъ того же и вашей сестрицѣ».

Вино отвѣдали и нашли его превосходнымъ.

За дессертомъ дѣдушка спѣлъ пѣсеньку въ честь новобрачныхъ. Вслѣдъ за нимъ Этьенъ, у котораго немного шумѣло въ головѣ, съ воодушевленіемъ пропѣлъ пѣсню подмастерьевъ, ту, которой его когда-то научилъ лучшій изъ людей—старикъ Герве,—но на этотъ разъ нашъ пѣвецъ измѣнилъ послѣдній стишокъ такъ:

«Иной бѣдняга бродитъ долго, долго
И вдругъ находитъ счастіе свое».

Двѣ недѣли пролетѣли незамѣтно. Всѣ были счастливы и довольны; только Этьенъ сталъ послѣдніе дни что-то задумываться, да у Флорансъ, несмотря на живительный деревенскій воздухъ, поблѣднѣли щечки.

Приглядывалась, приглядывалась къ нимъ Тереза и говоритъ мужу: „А Флорансъ то не узнать, такая она стала грустная, молчаливая. Ужъ я раза два шепнула объ этомъ на ушко нашему дикарю Этьену, а онъ хоть бы что. Видно, безъ меня тутъ дѣло не обойдется".

Наканунѣ отъѣзда, однихъ — въ Живоръ, другихъ—въ Англію, всѣ отправились на кладбище, чтобы поклониться дорогимъ могилкамъ и возложить на нихъ цвѣты. Тереза шла подъ руку съ мужемъ, а Флорансъ—рядомъ съ Этьеномъ.

Вдоль живыхъ изгородей изъ боярышника и шиповника, красными ягодами которыхъ лакомились щебетуньи-птички, они узенькою тропинкой дошли до кладбища и въ благоговѣйномъ молчаніи преклонили колѣна передъ родными могилками. Когда всѣ, помолившись, встали, Тереза взяла мужа за руку и взволнованно проговорила:

— Вотъ сюда, къ этимъ могилкамъ мы шесть лѣтъ тому назадъ приходили съ Этьеномъ наканунѣ того дня, когда онъ потихоньку ушелъ изъ дома. Теперь онъ опять съ нами. Совсѣмъ ребенкомъ, онъ изъ любви къ намъ смѣло пустился въ далекій неизвѣстный путь, терпѣлъ голодъ и холодъ, спалъ на сырой землѣ, пережилъ много горя, и, наконецъ, путемъ неустанной борьбы и всевозможныхъ лишеній добился того, что сталъ опорою всѣхъ насъ...

Этьенъ пытался было ее остановить, но Тереза, повернувшись къ Флорансъ, жадно внимавшей каждому ея слову, продолжала:

— Мало того, едва ставъ на ноги, онъ, какъ только вспыхнула война, бросилъ все и примчался изъ Англіи, чтобы отдать себя, свою жизнь родинѣ и чуть было не погибъ... Неправда ли нашъ Этьенъ чудеснѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ?

Ничего не сказала Флорансъ, только зардѣлась вся и глаза потупила

Тутъ Тереза подвела къ ней блѣднаго, трепещущаго Этьена и, соединивъ руки брата и молодой дѣвушки, сказала:

— Вотъ здѣсь, передъ могилами дорогихъ нашихъ родителей, ты долженъ получить свою награду.

И сама взволнованная, вся въ слезахъ, кинулась на грудь къ мужу.

Честь и слава доброй и умной Терезѣ! Галле — счастливѣйшій изъ мертвыхъ, а Флорансъ съ своими большими синими глазами и чарующею улыбкой—поэтичная невѣста.

Флорансъ взяла подъ руку Этьена и склонила головку на его плечо...

XXXVI.

Заключеніе.

Уже прошло пять лѣтъ, какъ Флорансъ и Этьенъ женаты. Имъ самимъ не вѣрится, — такъ быстро промчались эти пять лѣтъ послѣ безконечно долгой помолвки. А длилась она долго потому, что надо было ждать, пока положеніе Этьена не упрочится.

Первое время молодые супруги жили въ Миртль-котеджѣ въ ожиданіи, пока Этьена не сдѣлаютъ, какъ обѣщалъ Нюваль, завѣдующимъ его конторою и магазиномъ въ Парижѣ.

Назначеніе состоялось только черезъ пять лѣтъ и пришлось какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ семья увеличилась тремя дѣтками, и въ Миртль-котеджѣ становилось тѣсновато.

Дѣдушка Дюклеръ, какъ только явился на свѣтъ первый внукъ, Жакъ, уступилъ ему свою комнату внизу, а самъ перешелъ во второй этажъ. Рожденіе внучки Лизы заставило его перекочевать въ третій этажъ, а оттуда—съ появленіемъ внука Шарля —въ крохотный кабинетикъ, рядомъ съ комнатой Панксъ. Явись на свѣтъ еще дѣтюшка, и дѣдушка хоть на крышу полѣзай.

Но вотъ, наконецъ, друзья наши переплыли Ламаншъ—послѣднее препятствіе на пути къ ихъ полному благополучію,—и водворились въ Парижѣ въ большой квартирѣ на улицѣ Тюренъ. Внизу, въ первомъ этажѣ помѣщались магазины. Множество инструментовъ, всевозможныя сельско-хозяйственныя машины, огромные желѣзные брусья производили внушительное впечатлѣніе.

Но сегодня праздникъ, магазины закрыты; надъ ними во второмъ этажѣ празднуютъ новоселье.

Весь Ламарлетъ тамъ на лицо: старенькій 80-ти лѣтній дѣдушка съ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами; тетя Агита попрежнему дѣятельная, живая и только съ годами ставшая немного туга на ухо, что, впрочемъ, она тщательно скрываетъ. Тетя частенько отвѣчаетъ невпопадъ. Спросятъ ее которой часъ, а она давай толковать о пышкахъ съ пореемъ, о шерстяныхъ чулкахъ, о яблочныхъ пирожныхъ или о чемъ другомъ, совсѣмъ не идущемъ къ дѣлу. Тутъ и нашъ пріятель Жакъ—высокій, стройный юноша въ мундирчикѣ ученика академіи художествъ, и, наконецъ, молодая чета Галле съ четырьмя мальчиками.

Есть тамъ и одинъ посторонній — совсѣмъ молодой человѣкъ съ деревянною ногой и съ медалью за храбрость на груди. Это нашъ старый знакомый—Трубачъ.

Этьенъ встрѣтилъ его наканунѣ, проходя по площади Согласія и затащилъ къ себѣ. Трубачъ держитъ теперь театръ маріонетокъ и даетъ патріотическія представленія, на которыхъ ежедневно французы наносятъ врагамъ жестокія пораженія.

Дѣтки глядятъ съ восхищеніемъ на гостя и ждутъ не дождутся обѣщаннаго имъ послѣ обѣда представленія. Театръ и актеры уже въ передней; дѣтишекъ такъ и подмываетъ поглядѣть на нихъ, но

строгая Панксъ никого моложе двадцати лѣтъ и близко не подпускаетъ.

Въ ожиданіи обѣда всѣ собрались въ высокой просторной гостиной въ три окна, въ убранствѣ которой удачно сочетался французскій вкусъ съ англійскимъ комфортомъ. Обитые дорогою матеріею диванъ и кресла удобны и элегантны; на полу пушистый коверъ красиваго рисунка; всюду на столикахъ книги,—и лежатъ онѣ не только для вида; на каминѣ часы изъ оникса, на рѣдкость вѣрные; по стѣнамъ висятъ превосходные фотографическіе снимки съ картинъ Рафаэля.

Черезъ открытую дверь виденъ въ сосѣдней комнатѣ накрытый столъ для обѣда. Онъ красиво убранъ цвѣтами и весь блеститъ серебромъ и дорогимъ хрусталемъ. Передъ каждымъ приборомъ стоятъ рюмки разнаго вида и величины для краснаго и бѣлаго вина; не забыты и стаканчики для знаменитаго бургундскаго вина нашего стараго знакомца—винодѣла изъ Сиври.

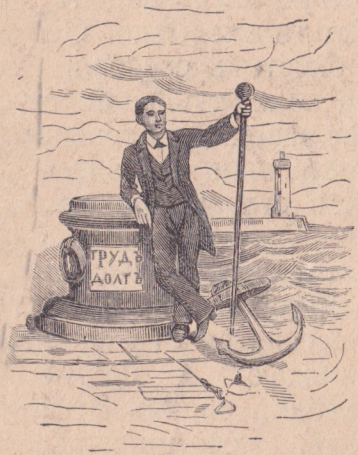
Обѣ молодыя мамаши: Флорансъ и Тереза сидятъ на полу и играютъ съ своими дѣтками. И мамаши и дѣтки веселятся отъ души; смѣхъ, шутки, разговоры не умолкаютъ ни на минуту.

Въ одномъ уголкѣ сидятъ Этьенъ съ Трубачемъ и тихо бесѣдуютъ. Вспоминаютъ они о войнѣ, о бѣдномъ Кабаратѣ, о бабушкѣ Катеринѣ изъ Сонанкура, о мадемуазель Дуду, о театрѣ Портъ Сенъ-Мартенъ и о „лучшемъ въ мірѣ“ клеѣ.

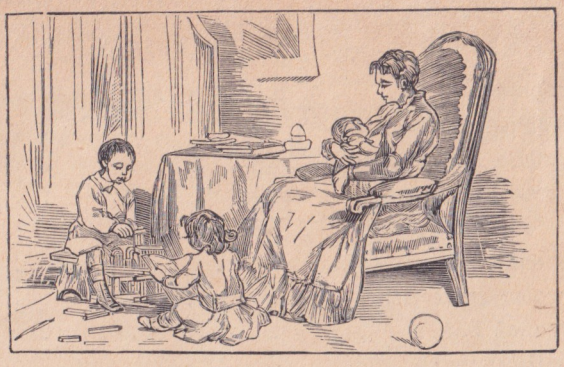
Въ другомъ — молча сидятъ дѣдушка съ тетей; на колѣняхъ у нихъ самые маленькіе изъ внуковъ. Выраженіе лицъ у стариковъ довольное, счастливое, умиленное. Особенно растроганъ старикъ Жильберъ; у него даже слезы на глазахъ.

Дѣдушка встаетъ, подходитъ къ Этьену, кладетъ ему, какъ бы благословляя, на голову руку и взволнованно произноситъ:

— Твои усилія увѣнчались успѣхомъ, маленькій человѣкъ, и этимъ ты всецѣло обязанъ своей настойчивости и энергіи. Но если счастье когда-нибудь измѣнитъ тебѣ и ты лишишься того довольства, которымъ самъ пользуешься и которымъ окружаешь насъ всѣхъ, у тебя все-жъ останутся мужество и сила воли—неотъемлемое твое сокровище, съ которымъ ты нигдѣ и никогда не пропадешь.



„Твои усилія увѣнчались успѣхомъ, маленькій человѣкъ“ (стр. 244).



ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	Дома	3
II.	Разореніе	8
III.	Въ путь-дорогу	15
IV.	Подъ гостепріимнымъ кровомъ	20
V.	Кабаратъ	28
VI.	Въ театрѣ	36
VII.	Новый другъ	38
VIII.	Знатная покровительница	47
IX.	Пьеръ Томассенъ	57
X.	Баловница Дуду	65
XI.	Подлинные голландцы	73
XII.	За работой	92
XIII.	Негръ	98
XIV.	Нежданная бѣда	104
XV.	Въ поискахъ работы	108
XVI.	Неожиданная встрѣча	114
XVII.	Даровой ночлегъ	119
XVIII.	Дорожныя приключенія	126
XIX.	Съ чѣмъ пришелъ, съ тѣмъ и ушелъ	136
XX.	Обѣтованная страна	139
XXI.	Потерянный рай	143
XXII.	Просперъ Брюссъ	148
XXIII.	На чужбинѣ	154

XXIV. Флорансъ 168
XXV. Швейный митингъ 174
XXVI. Веселое Рождество 184
XXVII. Долгъ гражданина 194
XXVIII. Марсельеза. 199
XXIX. На военной службѣ. 201
XXX. Старые знакомые 207
XXXI. Роковой бой 213
XXXII. Въ Ламарлетѣ 217
XXXIII. Въ гостяхъ у тети Агиты 228
XXXIV. Радостное извѣстіе 231
XXXV. Награда 236
XXXVI. Заключеніе 240